

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Специальный редактор –
Д.П. ВОРОНИН

Редакция:

ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

 ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ
«Под русской небесной высью...»4

Пётр ГУЛДЕДАВА
«Моя возлюбленная Муза...»41

Юрий БОГДАНОВ
Знаки зодиака (Белые сонеты)68

Анатолий ГРЕБНЕВ
«И вдруг в глухой ночи звонок...»82

Владимир ЯКУШЕВ
В рою надежд.....84

Алексей ЕВДОНОВ
«Я выбираю жизнь!..»94

Любовь ТУРБИНА
«Жизнь – упущенное чудо...»124

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Путешествия по большим и малым
городам России.....136

Инна МУХИНА
К северу от Перми.....148

Тамара ПОТЁМКИНА
«Я припомню былое счастье...»161

 ПРОЗА

Владимир ПЕТРУШЕНКО
Очерки из книги «Деревья без крон»24

Евгения ПОЛЯКОВА
Рассказы.....44

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(30) 2018
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 28.12.18.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ Е-6974

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Июсса ИЛЬИНА (ФЁДОРОВА)
Волшебник87

Сергей ЮДИН
Рассказы102

Светлана ЗАМЛЕЛОВА
Исход. Отрывок из романа164

ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий КУРНОСОВ
Приятно знать, что у тебя есть
амурский тигр74

ПАМЯТЬ

Василий ПОЛЯКОВ
Светлой памяти дорогого учителя –
врача-педиатра, академика АМН СССР
М.Я. Студеникина130

Хасан ТУРКАЕВ
«Учитель, перед именем твоим...».
Слово о Владимире Ивановиче
Харчевникове153

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр БАЛТИН
Эссе о литературе140

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Прошедший год был богат на события разного масштаба и разного значения, но всё же оставил смутное ощущение незавершённости чего-то важного. Уже давно весь мир живёт в условиях прогрессирующего кризиса, не только экономического, но и онтологического, цивилизационного. Происходит стремительное крушение «либеральной» грёзы, принесшей столько потрясений человечеству и столько горя народам и конкретным людям. Сегодня на наших глазах осуществляется драма сопротивления здорового человеческого начала вырожденческому вирусу космополитического «либерализма» – симулякра свободы, дискредитировавшего святое понятие свободомыслия, отравившего и исказившего человеческий дух выморочными инстинктами и поставившего весь мир на грань самоуничтожения. Уже давно ясно, что «либерализм» обречён, но в своей обречённости он демонстрирует готовность унести за собой в небытие всё здоровое и жизнеспособное. К сожалению, нельзя утверждать, что у него нет на это шансов – слишком большие средства были затрачены на мировой «либеральный» проект, на деморализацию народов и государств, на утверждение культа низменных инстинктов и на дискредитацию всего лучшего и возвышенного, что свойственно человеческому духу. Но – человечество сопротивляется, и опорой ему в этом сопротивлении служат историчность, зрелая государственность, религиозные и светские нравственные основы, национальные и интернациональные идеалы, уважение к национальному началу, братство народов на основе традиционных духовных ценностей, уважение к человеческой личности. Борьба за будущее продолжается. В этих условиях значительная роль принадлежит художественной литературе и национально ориентированной общественно-политической мысли.

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» поздравляет всех наших читателей и авторов, всех друзей и единомышленников с Новым Годом! Желаем вам счастья и благополучия, радости в созидательном труде и вдохновения в творчестве – во благо и во славу нашего Отечества, нашей великой многонациональной России!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук
Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2018
© Авторы, 2018

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ

Николай Борисович Рачков – родился 23 сентября 1941 г. в с. Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Работал учителем в сельской школе, журналистом. Автор многих поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России (АЛРОСа), литературных премий имени А. Твардовского, «Ладoga» имени А. Прокофьева, «Имперская культура» имени Э. Володина, имени Александра Невского, «Золотое перо России». Член Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусства.

Живёт в городе Тосно Ленинградской области.

«Под русской небесной высью...»

Со своею судьбой не играли мы в прятки.
Мы освоили путь от Карпат до Камчатки.

Не считали потерь и побед не считали.
Мы в огне закалены. Но мы не из стали.

Справедливости ради, не ради престижа
Гнали наших врагов от Москвы до Парижа.

И другую орду мы вот так же былинно
Провожали огнём и свинцом до Берлина.

У Кремля, в знак немеркнувшей нашей отваги,
Преломили мы гордо фашистские стяги,
Взмыли в космос и ядерный щит сохранили...

Кто ещё столько смог в этом яростном мире?

Генерал Скобелев

Знал боевой солдатский строй,
Где ни случись беседа,
Что там, где Скобелев-герой,
Там слава и победа.

Об этом помнят до сих пор
И Туркестан, и Плевна,
Где штык решал известный спор
Стремительно и верно.

В пороховом дыму, в огне,
Как грозная комета,
Летел на белом он коне
Перед полками света.

Не красовался, не играл,
Не ждал за подвиг платы.
«Вот генерал так генерал!» –
И шли в огонь солдаты.

Он за редутом брал редут,
Но обронил за чашей:
«Я слишком русский. Не дадут
Мне жить в России нашей...»

Он службу мог бы сослужить
Великую Державе.
Но он был прав. Не дали жить
Ему в растущей славе.

Какая тьма со всех сторон
Нагрянет – видел это.
Был отнят у России он
Как полководец света.

Но и в незримой стороне
Не позабыт он нами:
...Летел на белом он коне,
Летел перед полками!

Бабушка

В патриархальном я вырос краю,
В провинциальном глубоко.
Добрую бабушку вспомню свою,
Голос: «Какой же ты дока...»

Всё тебе знать бы, чего и не знать...»
Сунет мне сахара дольку
И начинает она вспоминать
Сашеньку, Бореньку, Кольку.

Время далёкое... Из-под венца
Весело, с помощью друга,
Дедушка выкрал её у купца,
В сани – и в поле, где вьюга.

Хлеб да любовь... Сыновья расцвели,
Соколы были, да только
Все на солдатское поле легли –
Сашенька, Боренька, Колька.

Муки такие – хоть камень на грудь.
Жить не хотелось, но – внуки...
Бабушка, кто бы я был, позабудь
Голос твой, слёзы и руки!

Я по полю иду. Справа лес, слева речка.
Я люблюсь, как всё по весне расцвело.
Купол церкви старинной блестит недалечко,
Где в сирени по грудь утопает село.

Ах, душа, как ты много вначале хотела,
А теперь только грусть на усталом лице.
Мне за счастьем уже не бежать оголтело.
Что искал я всю жизнь? Что нашёл я в конце?

И падений, и взлётов – всего было вволю.
Грело солнышком, било дождём и пургой.
Рад уж тем, что иду я по русскому полю.
По земле роковой. Мне не надо другой.

Зябнет роща. Обнажились дачи.
Горизонт свинцов уже и мглист.
Вон по-стариковски, не иначе,
Ковыляет по дорожке лист.

А ведь был других он не слабее,
И на ветке жизни был пригож.
Человек, подумал о себе я,
Разве на него ты не похож?

Непреложны жизненные вехи,
Вёрсты лет обманчиво просты.
О любви, о счастье, об успехе
Чаще думал в молодости ты.

К старости сильнее ломит кости,
Меньше суеты и меньше дел.
И всё реже навещают гости,
Те, которых видеть бы хотел.

Жизнь с годами не бывает слаще
Ни в Москве, ни где-нибудь в селе.
И всё чаще думаешь, всё чаще, –
О душе, о небе, о земле.

И весело, и горемычно
Деревня много-много лет
Глядела из окна привычно
Во все глаза на белый свет...

...Иду по травам осторожно,
Зелёный стебелёк жуя.
Здесь можно и сквозь годы, можно
Услышать запахи жилья.

Как будто здесь, где избы были,
Ещё печной витает дым.
...Всех извели.
Всё истребили.
Дух Родины – неистребим.

По возрасту ты – внук,
я – дед.

Что мой тебе авторитет?
Что жизнь моя?
По крайней мере –
Мои удачи и потери?
Мои падения и взлёты?
Мои мечты?
Мои заботы?
В жизнь ничего не привнеся,
Ты сразу хочешь всё и вся.

Ты думаешь, что с веком в ногу
Ступил на новую дорогу.
Но жизнь –
 всё та же колея.
Не поскользнься, где падал я...

О подвиге

Без подвига нельзя. В бою,
Где ненадёжна жизни кромка.
Не меньший подвиг – жизнь свою
Прожить и просто, и негромко.

Пусть в честь тебя не грянет медь
И ты не попадёшь в преданья.
Умей любить, умей терпеть,
Умей переносить страданья.

Среди летящих лет и зим
На ближних не давись обидой.
Не делай подлости другим.
Не трусь. Не лги. И не завидуй.

Сентябрь

«Забот в хозяйстве много?
Меня не проворонь...» –
Сентябрь встал у порога
Как древний конь-огонь.

О, красок переливы,
Горящих листьев жар!
И яблоки, и сливы
Везёт он на базар.

Вся в багреце уздечка,
Но солнышка – в обрез,
Но всё темнее речка,
Но всё прозрачней лес.

Копытом стукнет оземь,
Где шёл недавно плуг,
И молодая озимь
Встаёт на поле вдруг.

Ещё почти без грусти,
Ещё приветлив взгляд.
Но гуси, гуси, гуси
Летят, летят, летят...

У Весны зелёная причёска
И цветы приколоты на грудь.
Словно в бане вымылась берёзка
И боится босиком шагнуть.

На селе черёмуховый воздух,
Никому сегодня не до сна.
Влажной ночью в облаках и звёздах
Ищет молча спутника луна.

Соловей округу рвёт на части,
Услыдав восторженных подруг.
Всюду столько нежности и страсти,
Вся земля помолодела вдруг.

Я гляжу, я сердцем замираю,
Был и я когда-то молодой.
...Ах, Весна, позволь хотя бы с краю
Посидеть на лавочке с тобой.

Лиде

Пока ещё душа улыбкою согрета,
Улыбкою твоей, нечаянной почти,
Пока ещё в цвету малиновое лето,
Возьми вот этот стих и про себя прочти.

Прочти о том, как мы, не ведая печали,
Брели тропой любви беспечно наугад.
Прочти о том, как вдруг остались за плечами
И сенокосный день, и клеверный закат.

Не стоит слушать нам пророчества кукушки,
Её контрольный счёт нам душу не проймёт.
Любимая, прости, за то, что в нашей кружке
Был горек иногда и самый сладкий мёд.

На многое уже нам не найти ответа.
 Всё, что сбылось, легло в шестнадцать этих строк.
 Мы помним цвет и жар. Мы не забудем лето.
 Пусть губы жжёт теперь осенний холодок.

Не загораются зарницы,
 Ушли на отдых косари.
 Пьют озабоченные птицы
 Брусничное вино зари.

Они готовятся к отлёту
 В одну из вечно тёплых стран.
 А по болоту, по болоту
 Ползёт охотничий туман.

А по садам, по огородам
 Как марля – кружево тенёт.
 И яблоки пропахли мёдом,
 И пахнет яблоками мёд.

Никак не расстается пара:
 – Ты вправду любишь?..
 – Да, да, да...
 И за околицу упала,
 Сгорев от ревности, звезда...

В Италии, от солнца золотой,
 В лазурной, от сияющего моря,
 Сидел бы я на камне разогретом
 На берегу и всё смотрел туда,
 Где парус реет над морской пучиной.
 Смотрел бы я за грань тысячелетий,
 Где женщина, такая же, как ты,
 Идёт навстречу лёгкою походкой
 В простых сандалях, в розовой тунике,
 Неся корзину с диким виноградом.
 И я бы, словно раб александрийский,
 Взял у неё корзину и покорно
 Шёл позади, любуясь гибким станом
 И чёрными восточными кудрями
 Красавицы, Горацием воспетой,
 Красавицы, которой нету равных
 В Италии, от солнца золотой,
 В лазурной, от сияющего моря...

Не покидай меня

Девчонка в поздней электричке,
 К мальчишке голову клоня,
 Слова сжигала, словно спички:
 «Прошу, не покидай меня...»

«Не покидай меня...»

Как странно
 Слова в безмолвной тишине
 Вдруг заболели, словно рана,
 Заговорили вдруг во мне.

Я о селе всё тише, тише
 Пою, в душе любовь храня.
 Его я голос часто слышу:
 «Прошу, не покидай меня...»

Когда легла мне путь-дорога,
 Берёзка, листьями звеня,
 Качнулась грустно у порога:
 «Прошу, не покидай меня...»

Я сам шепчу любимой горько
 На склоне жизненного дня:
 «Прости меня за всё, но только,
 Прошу, не покидай меня...»

Лермонтов

Он был и воин, и поэт,
 Точней – поэт и воин.
 Всё остальное – только бред,
 Который каждый – не секрет –
 Придумывать был волен.

На землю он с таких высот
 Глядел, душой темнея.
 Он был гигант. И это вот
 Не вынесли пигмеи.

Сплели интриг и сплетен тьму,
 Соткали прегрешенья.
 И Демон не простил ему
 В его тоску вторженья.

Как он страдал, как он любил,
 В страстях своих растерян!
 Он был затравлен, загнан был
 И лишь потом застрелен.

Лежал ничком он, руки врозь,
Как будто для опоры.
И небо в горе пролилось,
И содрогнулись горы.

Его взял Ангел под крыла...
Среди родного крова
Земля ещё не родила
Такого вот второго.

Баллада о Михаиле Тверском

Я вам о духе, о такой вам силе,
Не сломленной пока ещё нигде.
Я о Тверском, о князе Михаиле, –
Он первый, кто нанёс удар Орде.

Князь, перед боем вставший на молитву,
И грудь на грудь столкнувшийся с бедой...
Припомним мы Борженевскую битву,
Где русские сошлись между собой.

За стольный трон тогда шёл брат на брата
И не гнушался помощью врага,
Не понимая, что она чревата
Слезам вдов, что слишком дорога.

Не где-то, а среди родного дома,
Согласию и дружбе вопреки,
С ордынцами, чтоб избежать разгрома,
Пошли на Тверь московские полки.

Была кровопролитна эта рана.
Но конница свирепа и сильна,
Под руководством Кавгадыя-хана
Была дружиной князя сметена.

Князь победил...
Но слишком слабы стены
Тверские, чтобы выдержать удар.
Уже готовы новые тумены,
Тьмы новых и монголов, и татар.

И осознав, что надо покориться,
Чтоб Тверь спасти от крови и огня,
Помчался князь в ордынскую столицу:
– Меня судите!.. Одного меня...

Великий хан, измен познавший меру,
Промолвил, шёлк халата теребя:
– Ну ладно, князь... Коль примешь нашу веру,
Тогда в живых оставлю и тебя...

Но Михаил, скрестивши твёрдо руки,
Сказал: «Я от Христа не отрекись!» –
И в небо посмотрел.
И принял муки
За Тверь родную, за Святую Русь.

Край мой любимый, певучий, раздольный!
Как устоял после стольких потерь?
Звон раздаётся в селе колокольный –
Храм распахнул мне молитвенно дверь.

Ласточки кружатся в солнечном зное,
Эта сторонка и им дорога.
Господи, небо какое родное,
Поле,
где встарь золотели стога!

Этих лугов разноцветные ситцы,
Где мы когда-то гуляли вдвоём!
Здравствуйте,
травы, деревья и птицы,
Здравствуй, далёкое детство моё!

В милом краю мне легко и надёжно,
Предан ему я до доньшка весь.
Жить где угодно, наверное, можно,
А умереть лучше всё-таки здесь.

Летят года, века... В который раз
За племенем встаёт иное племя.
И если не узнать сегодня нас,
Неужто вправду виновато время?

И в суете возросшей, и в тиши –
В себе мы словно потеряли что-то.
Как будто бы сместилась ось души,
Сместилась точка главного отсчёта.

Летим куда-то мы на всех парах.
Повсюду о валюте слышим вести,
О моде, о свободе, о правах...

Увы, никто не говорит о чести.

А до семнадцатого года
Была достойной жизнь народа?
Я – не о барах и банкирах,
Я об униженных и сирых,
О миллионах, тех, чьё горе
Глобальным гневом взмыло вскоре.
Ведь не ахти какой нажим –
И сразу царский пал режим.
О приближеньи непогоды
Писал не кто-нибудь в те годы.
Ну, Горький... Тут ответ простой.
Но Бунин,
Чехов,
граф Толстой!
В мечтах туманных не витайте,
Читайте, граждане, читайте...

Россия весенняя

Ты вспомни, ты вспомни
глухой полустанок,
Кулацкий обрез
из-за ближней избы,
Свинцовую бурю
махновских тачанок
И синие сабли
шляхетской орды.
Рассвет подымался
разорван и грузен,
В кровавых лохмотьях,
в больничных бинтах.
И лава дивизий
железного Фрунзе
Несла Перекоп
на солдатских штыках.
Ещё ускользал
затаённый Антонов

От встречных засад
по тамбовским лесам,
А в поймах зелёных,
в заросших затоках
Весны рассыпался
стремительный гам.

И то ль наяву,
то ли попросту снится
Солдатам небритым,
комбригам лихим:
На влажных полянах
цветут медуницы
И вьётся над ними
лазоревый дым.

И воздух зелёный
от края до края
В гульбе оперенья
вернувшихся птиц.
Весна молодая,
сквозная такая –
Сквозь сердце России
до брестских границ...

Смогли, устояли
и в гневе, и в горе.
За знамя
свободы и веры держись...
Весна!
И всё ярче, малиновой зори.
И новые всходы.
И новая жизнь.

Раскол!
И взвыл народ от боли.
Раскол. Распыл. Разброд. Разлад.
Так православных раскололи,
Что щепки до сих пор летят.

О, Родина... В святой скудели,
Прозренья к смерти не тая,
Какие дочери горели!
Какие гибли сыновья!

И не страшась хулы и глума
Хранили свой исконный быт.
А глас палящий Аввакума
И до сих пор не позабыт.

Те буйно-огненные вехи
Ещё нет-нет сверкнули в душе.
Сегодня, в двадцать первом веке,
Мы много поняли уже.

Раскол таит бывшие мины.
Но время – грозный властелин –
Диктует нам, что мы – едины.
Един народ
и дух един.

Как Павла подло убивали,
Вошли, столпились у камина:
– Ты покажи, что это в зале
За любопытная картина,
Ты объясни, не бойся, Павел...

Бояться? Слишком много чести...
И – сбил один, другой ударил,
Потом его топтали вместе.

Всей пьяной, всей гвардейской сворой –
Царя, а не кого иного.
А он же был им всем опорой,
Он за отца им был родного.

Кто знает, если бы в ту пору
Его тайком не свергли с трона,
Не навалилась бы так скоро
На Русь орда Наполеона.
Когда же, вольности в угоду,
Империю позорно пала,
Пришлось за всё платить народу,
За всё, и в том числе за Павла...

На берегу Невы и Ижоры

На этом невском берегу дорогу заступил врагу
Князь Александр – и были биты шведы.
Его дружина хоть мала, но честь дружине и хвала,
Бойцам, кто молоды совсем, и тем, кто седы.

Плечом к плечу они дрались, стонала даль, стонала высь,
Ломались копья и мечи в лихой атаке.
И враг бежал, оставив плёс, бежал, как очумевший пёс,
Уплыл, исчез на кораблях в туманном мраке.

А князь остался... До сих пор обозревает он простор,
Стоит, закованный в броню, на пьедестале.
А рядом православный храм, где можно помолиться нам
За Русь, за всех, кто за неё в сраженьях пали.

Ты, путник, князю поклонись, бережь Отечество учись, –
Твои поля здесь и луга, леса и реки, –
Чтоб вновь хозяином не смог сюда ступить чужой сапог
И в наши нынешние дни, и присно, и вовеки.

Я задумаюсь вдруг: а не тесно ли? –
Все и летом туда, и зимой.
Мы в Россию уходим небесную
Навсегда из России земной.

Там все наши и деды, и прадеды,
Кто не зря положили живот,
Кто и праведно жил, и неправедно,
Неподсудные тем, кто живёт.

И плохие там все, и хорошие,
От забот от житейских вдали,
Осиянные звёздной порошею,
Бесконечный покой обрели.

Только там, где любовь не кончается,
Где заоблачный Божий приют,
Все в свой срок непременно встречаются
И друг в друге себя узнают.

Не только пить,
чудить забавно –
Умеет Русь
работать славно,
Пахать и сеять,
петь и строить,
Врагов
умеет беспокоить

Своим талантом
и умом
В краю небесном
и земном.
По ней не зажигайте
свечи.
Она ещё расправит
плечи.
Ещё увидит
заграница,
Какая сила в ней
таится.
Ещё потянет
всю планету
К её спасительному
свету.

Когда окатят клеветой,
Ты, чтоб душа не оскудела,
Наказ исполни золотой:
Не суетись,
а делай дело.

Не оклеветанный у нас,
Как говорится, не спасётся.
Ведь кто душою не погас,
Тому и многое даётся.

Как просто броситься во тьму,
Себя истратив до предела.
Всему наперекор, всему,
Не суетись,
а делай дело.

В него вложи весь пыл бойца,
Чтоб тьмы когорта поредела.
Будь верен делу до конца.
Спасётся тот,
кто делал дело.

Оставим пустые споры
О скрипе былых телег.
Всё выше строит заборы
На дачах практичный век.

Под русской небесной высью,
Где тучи так вольно мчат,
Всё чаще чужие мысли,
Чужие песни звучат.

Традиции и обряды
Пропали, как давний сон.
Всё чаще чужие взгляды
Мы ловим со всех сторон.

Ушло, не многих тревожа,
Развевалось, словно дым,
Что было всего дороже,
Что было всегда святым.

Ещё ветерок колобродит
Над полем высокой ржи.
Но грустно, что Русь уходит
Из Родины, из души...

Мишка

Эх, Мишка... Я ему завидовал, не скрою,
В сапожках по весне он смерил столько луж!
Он втайне кулаком грозил отцу порою,
Прогульщик и лентяй, и двоечник к тому ж.

Его отец с войны пришёл с одной ногою,
И плакала жена, как он кричал во сне:
«Нас танки обошли!..» и «Батарея, к бою!..»
А Мишка на отца всё жаловался мне.
Он злобой исходил, он выл:
«Нет, ты послушай,
За что он мне при всех драл уши у крыльца?..»
Эх, Мишка...
Вот бы мне надрали так же уши.
Я вытерпел бы всё от своего отца.

Военное фото 1945 года

Где-то на военном полустанке
Снят на «лейку», выглядит как франт,
В гимнастёрке, в орденах, в кубанке
Дядя Коля – старший лейтенант.

Рядом боевые офицеры,
Смотрят все сурово как один.
Столько в их глазах горячей веры,
Что вот-вот и будет взят Берлин.

Снимок тот – посмертная награда.
Дней уже, наверно, через пять
Будут до последнего снаряда
Вместе –
до последнего –
стоять...

Пётр и Февронья

1

Муром – здесь синего неба бездонье,
Клонятся травы от радостных бус.
Князь и княгиня –
Пётр и Февронья –
Это любви неизбывной союз.

Знать не дано, по какой там причине
Сердце смятилось и было в беде.
Князь, ты не смог бы уже без княгини
Ни на земле, ни на небе –
нигде.

Сколько промчалось веков над Окою,
Но не смогли они вас развести.
Вот оно в чём обретенье покоя,
Вот отчего вы в любви и чести.

Вы указываете нам и поныне,
Напоминая заветы свои:
Держится мир на семейной твердыне,
Рухнет он, если не будет семьи.

Жизнь – за удачей и счастьем погоня,
Злобы и зависти тайный запас...
Князь и княгиня,
Пётр и Февронья,
Не уставайте молиться о нас.

2

Любовь не превыше ли всяческих благ?
Бояре, потише...
Во веки веков да исполнится брак,
Задуманный свыше.

Сомненья и страхи – изыдете прочь!
И в полночи синей
Была ты, Февронья, крестьянская дочь,
А стала княгиней.

Умолкните, трубы людской клеветы,
Лихого навета!
Княгиня и князь – это те же цветы
Господнего лета.

Их княжество в силе, и крепок их дом,
Не вянет их слава.
Мы веруем, знаем:
Стоят на одном
Семья и Держава.

Калина

Над оврагом
при долине
Хорошо цвести калине
Молодой, молодой
Над ручьём,
над водой.
Вот бела стоит, бела,
Рюшки да оборочки.
Недалёко от села,
Близко к поговорочке.
И взиграет душа:
Вот она какая вся –
До того хороша,
Хоть иди и сватайся,
Песней одаривай,
Частушкой уговаривай!
Не пойдёт никуда –
Что ей новый встречный я?
Тут овраг, тут вода,
Тут земля
вечная.

Вот пока пишу я эти строфы,
Ну а вы читаете поэта,
В шаге от глобальной катастрофы,
Может быть, находится планета.

Вдруг ударит колокол набатом.
 Может быть, уже готовый к бою,
 Притаившийся в ракетах атом
 Всё испепелит на ней живое.

Или – я совсем не исключаю –
 Может быть планета наша сбита
 Вроде бы нечаянным, случайным
 Огненным столбом метеорита...

Нет! Я этой страсти не приемлю.
 Предвещать худое не рискую.
 Жаль детей. Жаль внуков. Жалко землю.
 Вряд ли Бог создаст ещё такую.

Пока я не забыл свои истоки,
 Тепло родной земли, прохладу рек,
 Прими мои сверкающие строки,
 Неумолимый двадцать первый век.

Зачем твои взрослеют рано дети,
 На нищету души обречены?
 Ты всех поймал в магические сети,
 Все мороком твоим облучены.
 Всё меньше человек в миру глобальном.
 Ты пощади его безумный пыл,
 Пока не стал он вправду виртуальным,
 Пока себя ещё не позабыл...

Глянешь налево и глянешь направо:
 Доблесть и трусость, измена и слава –

Всё перемешано в жизненной яме,
 Всё обнимает друг друга корнями.

Ливни бушуют и падают снега.
 Стоит забыться – идут печенег.

Стоит забыться – и враг у дома,
 Небо дрожит от вселенского грома.

Стоит забыться – как в старые годы
 В спину ударят и выдадут броды...

Так и живём на земле этой вечной
 Жизнь тревожной и жизнью беспечной.

Славу, как стяг, держат крепкие руки,
 Трусость с изменой внизу, как гадюки.

Разве когда прекратятся набег?
 Эй, не проспите: идут печенег...

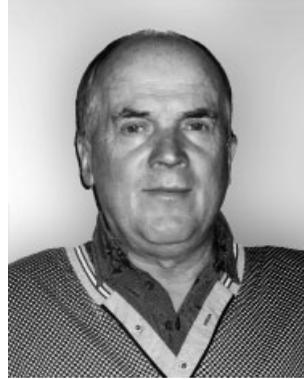

Очерки из книги
«Деревья без крон»

День рождения козы Насти,
или Бумеранг доброты

В этот день я не успел пройти КПП до закрытия (обстреляли мост – и военные приказали разойтись до завтра), пришлось остаться ночевать у местных жителей. Мы с хозяином вышли во двор покурить. Николай Данилович с женой Людмилой переселились в Станицу Луганскую с внуком Ромой, родители которого уехали в Чехию на заработки. Переселились потому, что приходилось ездить из Луганска, где они жили, в Станицу очень часто. Супруги пенсионеры, и вопрос пенсии – вопрос выживания. В Станице дома недорогие (из-за обстрелов), вот и решились. Страх лишиться пенсии объединяет всех людей, выстаивающих очередь за её получением. Без неё им не выжить. Любые слухи о том, что их могут лишиться этой помощи от государства, вызывает у них страх и панику. Я смотрю на пробитую прямо по центру крышу сарая. Николай Данилович отвечает на мой заинтересованный взгляд.

– Это в августе. Сразу две к нам залетели. Одна сарай уничтожила. Другая во дворе разорвалась. Но об этом надо долго рассказывать. Туту целая история... В августе у жены юбилей – 60 лет. Я ей деньжат поднасобирал на сапожки. А то, как слякоть – у неё сразу ноги мокрые, старые прохудились совсем. Вот Людмиле заранее и говорю, что полтыщи у меня есть НЗ, ещё немного добавим и купим тебе на пенке, чтоб и тепло, и воду держали. Думаю, сейчас моя половина так и расплывётся в благодарной улыбке. Ага, держи карман шире. Говорит, насобирал – это хорошо. У внука Ромы такая же пенка, как ты говоришь, только 32-го размера, а ему уже 34 надо. Он в этих сапожкам уже третий год ходит. На вырост покупали. Как инвалид, ходит, хромает на обе ноги. Ты разве не замечаешь?

Владимир Дмитриевич Петрушенко – член писательских союзов МСПС и МСПУ, член Конгресса литераторов Украины, автор трёх прозаических и четырёх поэтических сборников, победитель многих международных конкурсов в номинациях «Поэзия», «Проза», «Художественный перевод», «Журналистика», лауреат литературной премии имени М. Матусовского, 25 лет возглавляет городскую общественную организацию «Литературное объединение «Радуга». Работал в школе учителем русского языка и литературы после окончания Луганского пединститута. В данное время работает журналистом в «ТРК «Рубежное». В июле 2018 г. вышла новая книга рассказов «Деревья без крон» о переселенцах, о трагических судьбах людей в зоне ООС (бывшая АТО).

Живёт в Рубежном (ЛНР).

– Замечаю. И что?

– И то. На мой юбилей купим внуку новые сапожки, это и будет для меня лучший подарок. Вы мою Людмилу видели... Это у нее только имя – людям милая, а так она – гром и молния, и спорить с ней, что выключенный телевизор смотреть.

– Но совесть моя чиста: я тебе подарок дарю – эти деньги, а дальше хоть в форточку их выкинь. – Ляпнул я и тут же спохватился: берём – берём внуку сапожки... Думаю, не буды лыхо, покы воно тыхо, не буду лезть в бутылку. Люда моя такая, что из принципу и телефон выбрасывала, и целую бутылку десятилитровую бражки разбивала. Супруга положила свой подарок под полотенца в шифоньер до срока. Вот срок и настал. 13 августа – юбилей. Чёртова дюжина оправдало своё название. Гакнуло нам в подарок на именины сразу две мины. Одна сарай изуродовала, а другая во дворе беды наделала, а главное, козе Насте осколком ногу перебила. Слышим – ужасный крик в вымбаре. Так коза плачет. Это со слабым сердцем и слышать не надо. Я схватил топор, чтоб не мучилась. А тут внучок Рома меня опередил, прижался к Насте, обнял ручонками своими и кричит на пару с ней. А то и громче: «Не дам Настю убивать. Не-е-е да-а-а-м!!!!» И оторвать его от козы не могу и вижу, что кровью изойдёт коза, всё равно убить придётся... А передо мной голубые заплаканные глаза внука, и просто человеческие, полные боли, глаза Насти. Дрогнула рука, опустил топор. А внук перевязал тряпкой лапу ей и за ветеринаром побежал Степанычем, он через два дома живёт. И тут я понял, что слабину дал. Мало того что мучиться будет коза, и мы с ней, так это ещё и денег каких будет стоить её лечение-то. Тут себе во всем отказываешь, таблетку от головы не покупаешь, экономишь, так пройдёт, думаешь, а теперь – нате вам пожалуйста – на козу последние гроши тратить. Я решил снова взять топор, пока Ромы нет. Кинулся туда – сюда, нет топора. Вот, малец, спрятал куда-то, а то и вообще выкинул. Пошёл я искать. Когда вернулся с топором (за огородом под камнем его нашёл), на ногу козе Степаныч уже шину наложил и укол ей сделал. Антибиотик дорогой. Смотрю, их у Ромы целая пачка. Где он их взял? А ещё – бинты, жгуты... Думаю, врач прихватил, в долг, может? А когда всё улеглось, и Настя после уколов утихомирилась, смотрю, моя Людмила пронеслась мимо меня, как смерч, и к внуку. Схватила его за руку и за сарай повела разбираться. Ладно, думаю, потом спрошу, в чём смысл её гнева. Да за делами и забыл. Много мне работы эти смертельные подарки принесли. Начал всё восстанавливать во дворе, окна стеклить в доме. Доработался на улице под ветром, что простыл сильно. А тут ещё старая болячка вернулась. Пришла беда – открывай ворота: язва в желудке воспалилась. Вот моя баба и внучок целых два месяца потом меня отпаивали Настиным молоком. Выздоровел. – Данилович крякнул в кулак, нахлобучил шапку на глаза... – Спасибо тебе, Настенька... Да, а деньги-то, что моя баба в шифоньере прятала на сапоги Роме, тот же Рома и стыбзил. На лечение Насти. Все до копейки потратил.

– Вы же, говорит, мне подарок купить собрались, а для меня лучший подарок – это наша живая Настя. Так что, день рождения у козы Насти получился на самом деле.

Вверх по лестнице, ведущей в небо

И вновь знакомый маршрут Рубежное – Станица Луганская. Сегодня я ещё на автостанции познакомился с Николаем Сергеевичем. Он из Луганска, но хочет переехать в наш город. Мне как журналисту интересно узнать, как там? Одни называют это свободной Новороссией и гордятся, другие удручённо и мрачно именуют своё место жительства банановой республикой... В автобусе сел рядом с переселенцем, поменявшись местами с миловидной девушкой, которая моё предложение восприняла с удовольствием: впереди и у окна ей будет интереснее... Она едет в город Счастье. Есть у нас такой город. Счастливая, можно только позавидовать. Горькая шутка. И этот город до сих пор обстреливается.

Николаю Сергеевичу лет под шестьдесят. Вежлив. Малословен. Если что-то и говорит, то слова сразу обдают глубокой грустью и безысходностью. И как к нему пробиться со своей авоськой заготовленных вопросов? Николай Сергеевич не очень оправдывает мои надежды. Всё время смотрит в окно, как будто по убегающим вдаль деревьям и домам пытается определить: сможет ли этот город стать ему родным, или зря он всё это затеял? Едем молча в полудрёме час... два... На блокпосту с основательной проверкой (это когда надо всем выходить на улицу и ждать с полчаса, пока «пробьют» по компьютеру паспорта) наконец-то решаю узнать причину его грусти.

– Что-то не ладится с пропиской, наверное? Как-то вы не в восторге, мягко говоря, от нашего города?

– Да, не в нём дело. Я просто всё пытаюсь уехать, уехать... от себя.

И Николай Сергеевич рассказал все-таки мне свою историю.

В Первомайске, где он жил с семьёй в четырёхэтажном доме, была у него неплохая работа и нормальная зарплата по нашим временам. Но в начале войны (2014 год) дом разбомбили. Да, собственно, весь Первомайск сейчас представляет собой жалкое зрелище – многие дома разрушены. Мина угодила прямо в их подъезд. Николай Сергеевич был в дальней командировке... Ему сообщили... Приехал на второй день после обстрела.

– Подошёл к разбитому дому, – вспоминает он, – стал подниматься по лестнице на второй этаж. Теперь он заканчивался... небом. Комната наша была наполовину целая...

Николай Сергеевич прервался. Снова отвернулся к окну и, уже не глядя на меня, продолжил.

– Я не смог потом жить в своём городе, ноги каждый день приносили меня к моему дому, хотя я жил уже на другой улице. Я снова и снова поднимался по лестнице в свою квартиру. Там я нашёл вещи жены, дочери, рисунки в альбоме внука. Альбом не сгорел, представляете. Так, концы опалило... И под детской кроватью на другой день нашёл пожарную машинку. Сама такая жёлтая, а бак красный, и лестница красная... Внуку Андрюше подарил её на шесть лет... Я когда по лестнице поднимался, то слышал голоса. Не поверите...

Поднимаюсь на второй этаж и вдруг – голос дочери, просит в аптеку для матери за лекарством сходить. Обращиваюсь – нигде никого. А то Андрюша спрашивает: «Дедушка, зачем ты машинку забрал, ты же мне её подарил...». И чувствую, что он – за моей спиной. И руку поднял со сжатым кулачком. Это у нас жест такой приветствия. Я когда учил его буквам, то показывал кулак и говорил: на букву «К» – кулак. Я дед Коля – «К»... Обращиваюсь – и снова на лестнице никого нет...

Переехал в Луганск. Всё нормально. Голоса пропали. Но вот лифт поломался. А я живу там на седьмом этаже. Я стал по лестнице подниматься... И снова: «Дедушка, машинку пожарную привези...».

Мне посоветовал знакомый в ваш город съездить, у вас хороший психологический центр. У нас там вообще нигде нет психологической помощи. Обратился в Рубежное. Замечательный человек там, в центре... психолог. Константин... – Николай Сергеевич снова задумался. Я подсказываю: «Константин Адаменко. Это в центральной городской больнице, я знаю...».

– Я прожил год в Луганске, – продолжил рассказ Николай Сергеевич, – вот теперь в ваш город думаю убежать... Но, наверное, не убегу. От себя бегу. Надо в жизни принимать волевые решения. Вовремя. Уехать надо было сразу... Зять-то уехал. Целёхонький теперь. Но он уже и был в разводе с дочкой... Может, даже вернусь в Первомайск потом. Такое ощущение, что я предал своих... Так что, не в вашем городе дело. У вас как раз всё нормально. И квартиры небом не заканчиваются.

Люди в салоне автобуса дружно засуетились. Подъезжаем к КПВВ. Все выглядывают в окна: где же сегодня заканчивается хвост очереди? Я жму руку Николаю Сергеевичу и прошу: «Только вы в Первомайск пока не ездите. Врач, наверное, тоже запретил вам ездить туда?» Николай Сергеевич не ответил. Опять задумался. Печальные глаза смотрят в некуда. Как будто снова поднимается по лестнице на взорванный войной свой второй этаж...

Приближалось время сдавать в редакцию материал о переселенцах. А я ещё не определился даже с темой, о чём писать. В Рубежном в центральной городской больнице сейчас находится переселенка из Донецка. У неё осколочные ранения... Вот, другой вариант – можно написать о хирурге – замечательная женщина, прекрасный специалист, приехавшая к нам из зоны АТО. Она работает в Северодонецке, а живёт в микрорайоне «Южный»... Думаю, выбираю, и вдруг – звонок. Сначала не понял, кто... Человек сбивчиво, не представившись, рассказывает... И по контексту я начинаю понимать, что мне звонит Николай Сергеевич...

Он в Первомайске?! Всё-таки поехал в разрушенный город. Всё-таки решил снова прийти в свой дом, подняться по лестнице на второй этаж в свою полусторевшую квартиру. Я слушаю Николая Сергеевича. Кое-что записываю, включил и диктофон. В итоге получилось продолжение драматического рассказа.

Первомайск

Николай Сергеевич остановился у своего подъезда. На стене большими буквами красной краской написано: «Здание в опасном аварийном состоянии!». Не то чтобы его остановило это предостережение (с некоторых пор он перестал бояться и смерти), а просто он решил пока не подниматься по лестнице, переждать, передохнуть. Достал из походного рюкзака детскую игрушку – пожарную машинку: сама жёлтая, а лестница красная. В его новом доме в Луганске, когда он поднимался по лестнице, голос погибшего внука просил вернуть ему машинку. И теперь Николай Сергеевич думал: поддаться на просьбу голоса, положить машинку на место под детскую кроватку, где он её нашёл, или всё-таки оставить себе, как память о внуке? Закурил...

К подъезду подошла женщина, среднего возраста, в тёмном платке, приблизилась ко входу, который был наполовину закрыт покосившейся и держащейся на одной петле деревянной дверью. И тут она заметила сидящего недалеко, просто на бордюре, курящего седого мужчину.

– Вы здесь жили? Пришли к кому-то? – Вторую часть вопроса она произнесла так, словно не к дому пришёл человек, а на кладбище.

Николай Сергеевич только кивнул головой. Ничего не ответил.

– А в какой вы квартире жили? – Всё-таки решила разговорить молчуна незнакомка.

– В 23-ей. Там все погибли...

Женщина понимающе и сочувственно кивнула головой. Да, бабушка с бабушкой и дочь их. А потом спохватилась:

– Как все?! Мальчик маленький-то нашёлся в детском приюте, его при взрыве в квартире не было. Андрюша... Андрюшей зовут... Это же целая история...

Женщина продолжала рассказывать, а мужчина, похоже, её уже не слышал. Он схватил машинку, стал запихивать её в рюкзак. Не сильно это у него получалось. Руки дрожали. Когда всё-таки удалось, подбежал к женщине, обнял её и по-детски заплакал:

– Где? Какой адрес приюта?!

Опешившая женщина сбивчиво рассказала, что теперь мальчик уже, говорят, в школе-интернате № 4, для детей-сирот и детей, лишённых родительского попечения. Это на Курчатова, кажется...

Через мгновение Николай Сергеевич уже бежал к остановке. Его сознание, как лодка без вёсел, просто поплыло по течению. По течению реки с названием «жизнь!». Он остановился, зачем-то снял свой рюкзак, поставил у ног. Потом спохватился, накинул его снова за спину и снова побежал. Побежал!.. В рюкзаке громко брякали металлические вещи, ложки, миска... Но веселее и звонче всех ударяла его по спине детская игрушка – жёлтая пожарная машинка, с красной лестницей.

Представитель Красного Креста вошла в комнату младшей группы школы-интерната в сопровождении директора учреждения Натальи Петровны.

– Здесь у нас ребята от пяти до восьми лет. Особенно тяжёлый вот этот ребёнок, – директор показала рукой на сидевшего в углу мальчика.

Он держал в руках машинку, тербил её на весу, но не смотрел на неё. Взгляд его упирался в противоположную стену и гас. Машина выскользнула из слабых рук и упала на пол. От стука, как от выстрела, ребенок вздрогнул и посмотрел на подошедших к нему тётенек.

– Он совсем не разговаривает, – добавила директор интерната. – Сколько пытались с ним заговорить – ни в какую. Хотя всё понимает, умненький... Только иногда плачет. Как взрослый плачет. Слезы текут по щекам, и всё... Ни голоса, ни всхлипывания.

Гостья провела рукой по голове мальчугана и почти вскрикнула от неожиданности.

– Да ведь у него седина!

Она по-матерински обняла мальчика и спросила:

– А как зовут маму? А папу? Где ты жил? Кто твои родители? Может, бабушку помнишь или бабушку? Как зовут маму... папу... бабушку?..

В большом зале школы-интерната часть детей младшей группы играли на полу, на красивом ковре, багровом, с жёлтыми симметричными квадратами и кругами. Некоторые дети сидели вдоль стены на лавочке. Две девочки, лет шести, стояли у окна, вглядываясь в проходящих мимо здания чужих женщин, похожих на мам...

Войдя в коридор, Николай Сергеевич рванулся было сразу и дальше в зал, но полная пожилая воспитательница в белом медицинском халате, надетом поверх простенького домашнего халатика, всплеснула от ужаса руками и буквально заголосила: «Мужчина! Вы куда! Там же дети. Разуйтесь немедленно. На вас же смотреть страшно, там всё стерильно! Вы с ума сошли!

Вошедший в коридор только скользнул взглядом по кричавшей и тут же рухнул на колени и, стараясь не касаться нового ковра своими пыльными туфлями, пошёл к лавочке, на которой сидел мальчик с машинкой в руках. Он шёл на коленях, глядя в одну точку – в лицо внука. Он шёл на коленях и смотрел, смотрел на Андрюшу сквозь маленькие солёные линзы слёз...

Мальчуган, к которому приближался по ковру дед Коля, поднял сначала правую руку сжатую в кулачок, потом подбежал к деду и обнял его своими ручонками крепко-крепко, продолжая громко и радостно восклицать: «Коля, Коля, бабушка Коля!»

Воспитательница всплеснула руками «Надо же, заговорил!»

Последний раз в этот день Николай Сергеевич позвонил поздно вечером. Снова много, радостно и эмоционально повторял, как он нашёл Андрюшу. А потом добавил, что теперь с ним приедет в наш город.

Но это уже другая история.

Он покинул свой дом навсегда

Республика, которая «так называемая». Магазин «Лидер». Именно сюда должна подъехать синяя «девятка» в 3 часа 40 минут, чтобы отвезти желающих (в том числе и меня) пораньше на КПП, к Станице Луганской. До контрольного времени остаётся 15 минут, я хожу, как часовой, вперёд – назад... Ещё темно, ещё в силе комендантский час, поэтому чувствую себя некомфортно и при малейшем шуме, напоминая шаг, прячусь за здание магазина... Не то чтобы очень боюсь патрульных, но лучше – как лучше. Зачем мне потом показывать документы и доказывать, что я не верблюд, то есть, нарушил закон комендантского часа исключительно из желания уехать пораньше на частном транспорте на КПП. Сам анализирую свои оправдательные слова перед смоделированным патрулём и чувствую, что не убедительно, могут и задержать, как говорится, до выяснения личности и обстоятельств... Прячусь, в очередной раз услышав шаг, за угол магазина и вижу, как к его входу медленно, тяжело, подходит явно старческая фигура. Главное – не патрульный... Выхожу из укрытия, здороваюсь. Оказывается, бабушка (лет восьмидесяти) он же – Николай Гаврилович – тоже будет ехать синей «девяткой» до Станицы. Попутчик оказался очень разговорчивым брянкинчанином, коренным

жителем посёлка. Живёт он в частном секторе, почти в километре от данной нашей посадочной точки, поэтому и путь для него сопоставим с турпоходом немалой дальности. Подходит оговоренное время. Звоню Алексею (водитель ожидаемого авто) и в ответ слышу, что небольшая поломка, минут через двадцать будет. Ну, теперь можно и не суетиться, и спокойно дослушать рассказ Николая Гавриловича о том, почему он всё-таки становится переселенцем на старости лет и покидает отчий дом...

Давно его просила пойти на такой шаг дочка Наталья, которая работает в Северодонецке врачом, а живёт в Рубежном (микрорайон «Южный»), снимает там квартиру в двухэтажном здании. Уговаривала, наверное, целый год... Но Николай Гаврилович всё категорически отказывался. Говорил, что сколько там ему ещё Господь разрешит пожить... Всего-то ничего. Что ж перед смертью, бросать свой край, свой дом? В Северодонецке живёт и работает уже много лет Егор, племянник. Вот к нему на постоянное теперь уже место жительства и выезжает мой собеседник. Почему всё-таки решился ехать? Да, тяжело ему жить одному в доме, да денег не хватает и на пропитание (спасибо дочке, помогает), да в случае болезни и позаботиться некому, в аптеку сбежать. Да что там в аптеку – стакан воды некому подать будет... Но всё это он бы терпел ради дома родного и края отчего... Но последней каплей стал случай трёхдневной давности. Вышел Николай Гаврилович рано утром (только светать стало) из дома, взял с собой лопату для устрашения и отправился на огород. Последние дни кто-то безобразничать стал: то морковку, то бурячок вырывает, уже и до картошки добрался. Вот, думает хозяин огорода, я сейчас этому наглецу, если попадётся, лопатой пригрожу. И попался. Вернее, попались. Видит хозяин, на его огороде хозяйничают два недобрых молодца. Видно, что ребята крепкие. Этакие Ильи Муромцы. Обнажились по пояс (жарко и с утра) и проворно так лопатами орудут и картошку в ведра собирают. Ну, и что старому Гавриловичу делать? Куды бедному крестьянину податься? За помощью и правдою. Прогонять, угрожать? Это только Моська может в басне себе позволить лаять на слона. А Николай Гаврилович, немного поразмыслив, вернулся во двор, взял ведро и теперь уже, обойдя соседский двор и огород, подошёл к недобрым молодцам. Можно и я, говорит, ребятки себе ведёрко накопаю, а то совсем есть нечего. Первому богатырю явно не понравилась наглость чужака. А второй махнул рукой, давай, мол, батя, пристраивайся. Набирай своё ведро. А товарищу заметил, что не надо переходить красную линию. Седину уважать надо. Пусть копает старый... Вот так Николай Гаврилыч с разрешения воров и накопал себе в своём огороде последнее ведро, которое и стало последней каплей. Остаться без картошки на зиму одинокому и немощному – это... Да что там рассказывать. И так понятно «это». И вот он рядом со мной ждёт «девятку». Вместо обещанных 20 минут прошли уже 45. Первый тайм, как поётся, мы уже отыграли... Еще 45 ждать нет смысла, тогда уже лучше и дешевле на рейсовом автобусе, всё равно, как минимум, четырёх часов стояния в очереди уже не избежать. Но вот – долгожданное авто. В нём уже сидят две женщины пассажирки, вставшие в такую рань с той же целью – обхитрить очередь, не стоять часами под палящим солнцем. Выехали. И путь предстоит неблизкий – через Алчевск, Луганск, к Станице Луганской, да и время поджимает, надо спешить. Но тут мой знакомый вдруг просит водителя: «Сынок, тормозни на погосте, проститься надо с родными, я недолго...». Водитель недовольно возражает: это и крючок, мол, надо сделать, и времени в обрез. И денег это дополнительных стоит... Я кладу руку на плечо

водителю Алексею: «Тормозни, я заплачу...». Делаем крюк, подъезжаем. Выходим вдвоём с Гавриловичем. Я помогаю ему идти. Он легко и довольно быстро (наверное, часто приходил сюда) отыскивает родные могилки. Сначала прощается с внуком. На памятнике фото восемнадцатилетнего парня с жизнерадостной улыбкой. Николай Гаврилович целует фото и гладит дрожащей рукой: «Прости, внучок, прости, Сашенька, уезжаю. Навсегда. Больше не приду... – Его плечи задрожали. Он повернулся к другому памятнику, что рядом. Поцеловал фото супруги. И ты прости, Катерина... Обещал, обещал... с вами останусь. Но надо ехать. Прощайте...».

Через полтора часа мы подъезжаем к длинной очереди автомобилей. Внизу где-то в километре от нас – КПП, через которое начнут пускать в 6-30. Я оставляю пока Николая Гавриловича в машине, а сам с женщинами ищу варианты пересадки. Но желающие подзаработать сами отыскивают нас. Пересаживаемся в микроавтобус, который ближе к пропускному пункту машин на пятьдесят, и стоит это сто гривен или двести рублей. Забираю своего знакомого (теперь мы уже как бы в одной связке). За 5 минут до открытия КПП наша гезелька стартует вместе с ещё пятью-шестью микроавтобусами, игнорируя впереди стоящие легковики (такая здесь своя иерархия или движение по понятиям), мчит нас к заветной цели. Без очереди пропускают только инвалидов и граждан с малолетними детьми, поэтому я объясняю это своему попутчику и оставляю его идти самому до линии пропуска, а сам стартую, как спринтер, чтобы занять очередь и на Гавриловича. Прибегаю. Отдышался. Объясняю всем рядом стоящим, что не один, что занимаю очередь на пожилого родственника. Очередь подходит, а «родственника» нет. Я нервно выглядываю и пропускаю перед собой «пятёрку» (очередь выстраивается по 5 человек). Пропускаю ещё одну, а старика всё нет. За это время должен был показаться на взорванном мосту... Нет. На той стороне нас уже ждёт другая газелька, и места нам забронированы. Вот что деньги животворящие делают. Всё можно купить. Но и долго ждать не будут-то нас, найдут других желающих уехать до Северодонецка... Может, плохо ему стало? Врачи помощь оказывают? Это нередкое явление под этим неумным, почти африканским солнцем... Но вот долгожданная фигура старика – на горизонте. Молодец, Гаврилович. Я выбегаю из уже пятой «пятёрки» и машу руками. Он поднимает руку. И, по-моему, улыбается. Как-то скупно и непривычно для себя. Видно, разучился улыбаться за последние три года...

Привет, «дед Иван!», или Семейная реликвия

Довольно часто мне приходится пересекать линию разграничения между Украиной и ЛНР в Станице Луганской, проходить через КППВВ (контрольный пункт въезда и выезда). Здесь свои традиционные «наркомовские сто грамм» для зарядки организма: простоять в очереди часов пять – шесть, потом пройти пару километров пешком по дороге, затем чуть меньше – по изуродованному взрывами мосту, по лестнице, которая на ладан дышит и всё обещает приказать долго жить. Скрипит, пугает, но держится, и по её хлипким деревянным ступенькам каждый день проходит не менее 7 тысяч человек. Это и челноки, гостящие у родственников, мелкие торговцы с тележками-кравчучками, с ящиками яблок, мандарин или других товаров, более дешевых по ту сторону окопов. Это и пенсионеры, оформившие свои пенсии на Украине, но живущие в банановой республике (как они сами её называют) и волею судеб

вынужденные отмечаться и посещать квартиры, в которых они якобы живут. Часто встречаются велосипедисты: всё таки – только между КПВВ противоборствующих сторон в целом минимум 3 км, а прийти раньше других и занять очередь – много стоит. Здесь валюта – часы, минуты. С двухколесным другом наполовину меньше стоять в змеевидной очереди по пять человек в шеренгу. Но вот этим летом встречаю на мосту не двухколёсного друга, а трехколёсного?! Ведут его двое мужчин, лет по сорок с копейками, и боевой парнишка, лет десяти. Двигается на меня в их сопровождении три колеса, два руля, две пары педалей, три сидения (посередине – меньшее, видимо, для ребёнка). Самодельный тандем! Не удержался – подхожу к хозяевам чудо-техники: ведущий – молодой мужчина с вспотевшим лицом, мокрым чубом, но со взглядом полной удовлетворённости от выполненного. За ним – обозначает своё участие в движении чудо-велосипеда, держась за малое сидение рукой, голубоглазый мальчонка чем-то сразу мне напомнивший образ лихого героя – сына полка: по деловитости, самостоятельности и уверенности, с которой он держит руку на седле. Замыкает шествие – мужчина, внешне очень похожий на ведущего... скорее всего они братья. Поздоровались.

– Откуда дровишки? Спрашиваю пафосно в надежде на симметричный литературный ответ, типа «из лэнээр вестимо...». Но – никакой художественности.

– Забрали деда Ивана из старой квартиры. Стреляют там часто, – отвечает первый мужчина обыденно просто и вместе с тем загадочно.

Меня велосипед заинтриговал. То, что дед, это понятно и по ржавчине и по общему состоянию металлоконструкции. Но почему велосипед – Иван? Спрашиваю у ведущего и представляюсь. Он в ответ кивнул:

– Меня Сергей зовут. Далее – внук Ярослав и брат Михаил.

И чтобы узнать ответ на свой вопрос, я поменял направление движения и пошёл с весёлой компанией назад к КПВВ, который я уже прошёл. Чего не сделаешь ради интересной истории – судьбы.

А рассказ действительно хорош. Вот он.

– Мой прапрадед был мастеровым, – рассказывает Сергей. – Создавал сам полезные самоделки и приспособления, инструменты и механизмы всякие... Как память о нём, о его умелых руках и смекалке сохраняли его дети, внуки и правнуки одну вещь – тандем (велосипед) с сидением для ребёнка посередине. Велосипед для нашей фамилии был не просто семейной реликвией, но и почти религией. На нём не ездили. Он стоял в углу сарая, как икона. И все, кто, входил сюда, вначале говорили трехколёсному пращурю – «привет, дед Иван!», а потом уже занимались своими делами: брали косу или самодельную сеялку, или ещё какой-нибудь хитрый инструмент, который смастерил дед Иван Трофимович. Велосипед от всеобщей любви к нему, как к образу человека, однажды, наверное, наделённый душой поэтому, стал для всей нашей фамилии просто – «дедом Иваном».

Когда началась Великая Отечественная война, моему деду было 18. Он ушёл на фронт. А его десятилетний брат Степан остался с мамой (нашей бабушкой Маней). В город вошли немцы. В доме у нас расположились два румынских офицера. Нормально себя вели, особо не нагнали, даже конфетами иногда угощали Стёпку. А он «ненавидел лютой ненавистью» (как он говаривал потом) фашистов и всё искал моменты, чтобы напасть на них. Такой случай. Ехал он зимой 42-го на коньках снегурках со скользкой горы и как будто случайно врезался в толстого рыжего немца, сбил его с ног и дал чёсу, а потом всей братве трепал, как он фюрера убил. Его поправят: «Да не убил, а сбил!».

Он мотает головой: «Не-а, убил!». Настала зима 43-го. Пришли «фюреров» убивать по-настоящему советские солдаты. Наши сожители румыны вначале выбили окно и поставили пулемёт ручной отстреливаться, но потом всё бросили и стали убежать кто на чём: на мотоциклах, машинах, велосипедах... Один румын заскакивает в сарай и хватается «деда Ивана». Долго не может понять, почему три колеса, но пытается ехать. Бабушка Маня тоже хватается за руль и кричит: «Не тронь деда!». Румын, понимающий немного по-русски, удивляется: он никакого деда и не трогает, вот только все сильнее тянет велосипед за руль. А бабушка мертвой хваткой схватилась за колесо. Тогда он её с такой силой оттолкнул, что она упала и ударилась головой об угол дома. Фашистский прихвостень так и не смог поехать на велосипеде: упал пару раз с него и бросил велосипед за двором... Бабушка оставшиеся годы жизни всё лежала на кровати. Врачи сказали, что сломан шейный позвонок, что ноги и руки будут усыхать... Стёпка потом всё время в бабушкину комнату заглядывал, смотрел на её руки и ноги – не усыхают ли, и тихо их гладил, шептал, жуя слёзы: «Не умирай, бабушка, "дед Иван" в сарае стоит, с ним ничего не случилось...».

А перед смертью бабушка собрала сыновей и внуков...

– То, что я умру, это ничего, это так положено. Это не страшно. Страшно, если кто-то из вас хоть когда-то забудет нашего деда Ивана. Помните его! Это все мы, это наша семья и ваши дети, и внуки... Они все – наша фамилия, все наследники деда. Берегите его... Это вы...

Лето 2014 г. Город обстреливают. Даже не поймёшь, кто: украинская армия или ополченцы. Наша семья вынуждена переехать в другой город, это 45 км. от нас. Там живут наши родственники. В этом городе тихо и не надо прятаться в подвалах. И вот, где-то на пятый день, когда мы уже перестали вздрагивать, от того что выбивают ковёр или от того, что автопогрузчик высыпает громко мусор в кузов машины, мой старший брат Михаил говорит: «А «деда Ивана» забыли в сарае? Забыли! Нам этого бабушка не простила бы!». «Цепок надо склепать, – говорю я, – тогда и своим ходом можно вернуться будет». Но тут преградой всей задумке стал внук Ярослав. Ему 10 лет, как тогда в 43-м Степану. «Я, – говорит, – с вами поеду за "дедом Иваном", там место посередине для ребёнка есть. Я уже под обстрелами был. Я взрослый». Настоял на своём сорванец. Вылитый Степан... Вот через сутки мы едем назад втроём на тандеме. «Дед Иван» поскрипывает, похрипывает, тормозит задним колесом порой, счастлив. Я так думаю... А на всех КПВВ нас пропускают и ополченцы, и армейцы. И реагируют одинаково – хохочут и желают доехать благополучно, одни по-украински, другие по-русски...

Растяжка

После того как автобус остановился в посёлке Золотое и водитель категорически отказался ехать дальше, пришлось идти пешком оставшиеся 6 км. Принял это нелёгкое решение после долгих колебаний и сомнений, ведь я был не один, а с семилетним внуком Ярославом. И попутчиков у нас не оказалось. Позади «тормознулись» и остались в прошлом, как и остановившийся автобус, наши попытки перебраться в зону АТО через Станицу Луганскую или

через Россию. А ведь казалось, что у меня на руках уже все документы на внука. Я и лезгинку станцевал, выкрикивая «асса», когда за два месяца всё-таки оформил пропуск в зону «А». И невестка в Брянке (ЛНР), и сын в Рубежном (Украина) были «невыездные». Их развели сначала суд, потом война. Из АТО привёз Ярика на лето к себе и сыну, а вот отвезти назад в Брянку не получалось. После 12 часов ожидания в очереди, нам глубокой ночью ответили отказом на таможне. И молился я, и на украинском слёзно просил офицера – «Шановний, з дьятиною я, з онуком... До школы йому треба, вже другэ вэрэня... Будь ласка...» Никакой «ласки» даже к ребёнку не получилось. Говорят, документы оформлены в Стаханове, а это неподконтрольная территория. Последний шанс – пешком до Первомайска. Вот и идём...

Сначала шли по серому асфальту, изрытому хвостатыми неразорвавшимися минами. На деревянных табличках, которые выныривали нам навстречу по обе стороны дороги через каждые тридцать – сорок метров, – короткое слово «мины!». А вот и большой кусок фанеры (с таким же словом) лежит посреди дороги! Значит, надо сворачивать влево, в просеку в посадке. Этот маршрут нам обстоятельно растолковала пожилая женщина в Золотом...

Я шёл по тропе очень медленно, шагов на двадцать впереди внука. Такая у нас была договорённость. Он старался идти след в след за мной, насколько это было возможно при нашей дистанции. Хорошо, что пересекающая лесной массив тропа не виляла и Ярослав всё время видел меня. И вот уже я в конце посадки угадывал контуры железнодорожной насыпи...

Тонкая медная проволока полоснула меня по животу и предательски прижалась к нему, как готовая укусить ядовитая змея. Первое что я подумал – почему так высоко от земли, ведь всё время смотрел внимательно под ноги, шёл осторожно, как по тонкому льду. И на тебе – медная проволока растяжки плотно легла на мою белую футболку, зловеще блеснув на солнце смертельной желтизной... Я замер.

– Ярослав! – Одной глоткой крикнул в воздух, не поворачивая головы и стараясь не напрягать живот. – Ложись на землю! Если прогремит взрыв, и меня ранит... – пойдёшь назад к украинскому блокпосту, откуда мы с тобой начали идти. Ложись на землю!

Мой внук уже знал, что такое бомбёжка, свист пуль и осколков, поэтому я верил, что он сделает всё правильно и быстро, без хныканья...

В сознании два варианта: упасть резко на проволоку и надеяться, что осколки пролетят мимо, или попробовать медленно двинуться назад по миллиметру? Первый вариант был опасен тем, что взрыв будет наверняка, а осколки не только убьют или ранят меня, но могут попасть и в Ярика. Во втором варианте, как мне показалось, был шанс... Стараясь делать совсем короткие вдох и выдох, я медленно подставил ладонь внешней стороной рядом с животом, ощутив едва заметное касание металла... Надо попытаться оставить проволоку в этом же положении, втягивая сначала в себя живот, и лишь потом начинать осторожное и тихое движение всем телом... По миллиметру стал двигаться назад. Проволока, словно прилипнув к животу, следовала за мной... Ее остановила и зафиксировала подставленная моя ладонь...

Когда я подошёл к лежащему на земле Ярославу, первое, что мне захотелось сделать, – расцеловать его. Он не просто лёг на землю, но и прикрыл голову руками. Так он прикрывал голову по моей инструкции, сидя на заднем сидении, когда мы с ним в легковушке мчались из Луганска к Станице Луганской, уходя от разрывов мин.

– Молодец, Ярик! Мужик!

Еле сдержался, чтоб не подхватить внука на руки, не подбросить к небу, к радостно светившему солнцу. Поймать, обнять, как маленького! Но он уже взрослый. Он мужик. И не до эмоций и лезгинок пока. Нам ещё идти полпути... до блокпоста ополченцев.

Мы обошли проволоку и вышли на железнодорожную колею.

Лежащий на снегу

Пятый год война на Украине. Каждый день практически гибнут люди. Об этом уже в привычном формате сообщают по ТВ. Привыкаем к смертям? На этом фоне бытовое «человеку стало плохо» уже совсем никак не воспринимается... Перед новогодними праздниками пошёл купить ёлку на рынок «Ласточка». Вдоль забора – лесные красавицы за 50, 100 и больше гривен. Продают их два молодых парня, лет по двадцать. Суеются, предлагают, цену сбрасывают... На одного из них, худенького, бес перчаток, часто дышащего на замёрзшие руки, солидный покупатель, интеллигентный мужчина с чёрной папкой в руке, презрительно сказал, как сплюнул на землю: «Твои ровесники землю нашу защищают, в окопах мерзнут, погибают, а ты прячешься, елочками приторговываешь». Сказал, ну и сказал... И пошёл себе. А парень вдруг зашатался, упал на снег, и тело его стало дёргаться, как под током, изо рта показалась пена. Приступ эпилепсии? Рынок. Сотни людей. Спешат, суеются, обходят аккуратно лежащего на снегу парня... Я подбежал к его напарнику, он стоял спиной к товарищу, продавал ёлку... Уже через пару минут мы вызвали «скорую». Засел во мне этот случай, стал поперёк горла. Неужели мы славяне такая немужкетёрская нация – и не все за одного? Вспомнился и репортаж моих коллег журналистов, когда они в России и в Америке провели аналогичный эксперимент: один из журналистов хватался за бок и делал вид, что ему плохо. Американцы в данном случае очень оперативно реагировали: «What happened? Can I help you?». А россияне реагировали вяло, с опозданием... Обидно за нас, славян. Не верится как-то... Решил и я проверить на себе: лягу на снег, быстро ли ко мне с желанием «хэлп» подойдёт кто-нибудь? Сознаюсь сразу, выбрал день мартовский, не морозный. Оттепель. Ну, думаю, при такой погоде можно долго пролежать. Это «долго» зависит от того, насколько чутки и заботливы люди в нашем городе. Правда, опыта долгого лежания на снегу у меня нет, и уже после 5 минут пребывания на снежном покрывале я понял, что оттепель не намного лучше мороза. Мои брюки и «ползунки», то бишь подштанники, быстро намокли, а потом в строгом соответствии с законами физики стали покрываться ледяной коркой. Пришлось проводить социально-моральный эксперимент мокрому, в ледяной корочке.

Пролежал недвижимо минут десять...

– Ого! Только-только начался эксперимент, а я уже замёрз до мозга костей. Если они там есть, эти мозги... «Ты ещё пойдёшь в плечо Шаламову поплачься, расскажи ему, как тебе холодно и голодно». (Это я себе). Ух, ты, уже второе «я» подключилось к обсуждению моего безнадежного положения. Ну, на третьем «я» «я сокращу с гвинейцем расстояние»... Надо думать о главном, тогда и холод не будет так донимать.

Лежу... есть время. Можно пофилософствовать, абстрагироваться от суровой действительности, в которой журналист ради эксперимента лежит на снегу возле кафе «Абриколь» в ожидании первого пришествия к нему

Человека. Место выбрал людное: сразу три тропы, протоптанные в тающем снегу, пересекаются рядом. Тех, кто проходит за моей спиной, я не вижу. А передо мной – целая панорама: тропа, дальше пешеходная асфальтовая дорожка и автомобильная дорога. Я, в чёрной куртке на белом снегу, как один тополь на Плющихе – всем виден, хотя и в горизонтальном положении. Была опасность и срыва эксперимента: а вдруг подобрали бы «сердобольные» прохожие сразу? Хотя положительный результат в данном случае – тоже результат. Значит, замечательные люди нас окружают. Но пока «замечательных» не видно, все проходят мимо. Рукой прикрыл лицо, оставив узкое пространство для наблюдения за прохожими. Лежу... Эта поза располагает к рассуждениям. А вы знаете, какой мировой рекорд лежания вообще? В США в 2003 году произошло чудо. Терри Уоллес из Арканзаса очнулся после 19 лет, которые он пролежал в постели без сознания. 12 июня 1984 года 20-летний Уоллес с приятелем поехали покататься по окрестным горам. Машина сорвалась с обрыва, приятель погиб, а Терри впал в кому. Врачи сказали, надежды нет. Однако неожиданно для своих родных и докторов он очнулся 12 июня 2003 года – ровно через 19 лет. Это уникальный случай, подобного которому ещё не было в мире. Его пробуждение стало мировой сенсацией. К чему это я об этом... Замерзаю, наверное... А что у нас там на снежной авансцене? Вот, чуть не прозевал. Стоит молодая пара метров в десяти от меня, совещается. Похоже, что сильная половина хочет проверить меня на живость, а прекрасная половина отговаривает: у неё есть большие сомнения, что я трезв. Что у меня может быть сердечный приступ или что-нибудь аналогично ужасное, – это даже не включается в список вариантов... Пошли. Слабая половина оказалась сильнее... Да, продолжим. Учёные утверждают, что именно в положении лежа в голове человека рождаются гениальные мысли. Греческий математик Архимед сделал своё открытие о выталкивающей силе, лежа в ванне. Менделееву таблица химических элементов пришла в голову во сне, в кровати. Обломов, пусть и литературный герой (но, видимо, в определённой степени был частью внутреннего мира и Гончарова), рождал массу мудрых мыслей, не вставая с дивана, лёжа. Получается, если лечь, то с мозгом человека происходит что-то особенное? ...Нейрофизиологи довольно быстро (наверное, полежав, подумав) выяснили: когда человек размышляет, заняв горизонтальное положение, то в его кровь попадает большое количество норадреналина. Вот я лежу, замерзаю, и меня озаряет. Это формация общественная нас уродует? При канувшем в лету утопическом социализме меня бы уже начали «спасать»? Капитализм – дело хорошее, как дело (бизнес), но с точки зрения души, скажем так, в человеке доля Человека на единицу тела уменьшается катастрофически. Будешь идти ночью по дороге, голосовать часами – не остановят, не подберут... Ага! Остановились трое подростков. С палками в руках, как с рапирами. Они ими снег сбивают с ветвей друг на друга. Озоруют. Совсем рядом стоят. Шушукуются. Трое от Дюма. Молодому поколению, может, больше жалко лежащих на снегу? Один парень из «трёх мушкетёров» обошёл меня, постоял, понаблюдав... Вот, думаю, сейчас пульс попробует. Жив курилка? Не жалко дядю? Не жалко... подошёл к своим, и все трое продолжили свой путь...

Никого я пока не интересую особо. Людям, проходящим мимо, лежащий на снегу человек до лампочки. Ну, до выключателя, как минимум. Яблоки на снегу, наверное, огорчают людей больше, чем человек на снегу. Их жалеют, о них поют. А я замерзаю. Подстелил под себя небольшую (чтоб незаметно

было) тряпку, надел два свитера под куртку, но чувствую, что мой эксперимент закончится для меня минимум ОРЗ. Что значит – «нэ вззэ», выражаясь на местном наречии. Лежу... можно пофилософствовать, абстрагироваться от суровой действительности... Лежит замёрзший, можно сказать «снежный человек», в ожидании пришествия к нему Человека. Но пока все человеки с маленькой буквы, проходят мимо. Лежу...

Мимо не спеша проходят люди.. Две женщины подошли поближе, посокрушались и тоже пошли дальше. Я начинаю замерзать. Как там... в соответствии с законами физики: перед тем как замёрзнуть, человек начинает чувствовать жар. Как лампочка: перед тем как погаснуть – ярко вспыхивает. Я вроде бы ещё не «вспыхиваю», но силы на пределе, хочется встать и сказать: граждане, эксперимент окончен. Ну и какие же вы после этого, человеки, люди? Лежу на снегу с диктофоном, для того чтобы записать того, кто первым остановится возле замерзающего меня, проверит: живой ли? И спросит: не надо ли помощи, вам не плохо?

Время идёт... Прав старик Эйнштейн: пять минут на снегу относительно пяти минут новогодней ночи за столом – это пять часов. Я сейчас солидарен со всеми «лежащими» – со всеми, кого скосили болезни, экономические проблемы, предательства, чёрствость, измены, цены в магазинах и на рынках, и, главное, вот эта... «наша» война.

Считаю людей. Мимо меня прошли 20 человек. В лучшем случае, некоторые останавливались на какие-то мгновения, словно размышляя: бомж или пьяный? Если бы у них появлялись другие варианты, они бы, конечно, подошли ко мне и проверили хотя бы: не плохо ли человеку? Плохо. С таким отношением к «лежащим» людям, как у нас.

Человек в жизни достаточно часто оказывается в роли «лежащего человека», которому очень надо «хэлп», в прямом смысле, если заболит, в переносном смысле – если пропустит удар судьбы и упадёт. Нокдаун – это ещё не повод опускать руки и ждать пока «вспыхнешь»... надо встать, надо бороться.

*Раскинул руки... Я похож на крест.
Я поднимаю сам себя, как ношу.
И подниму... ещё ведь время есть,
Ещё не вечер, чтобы жизнь итожить.*

*Да, сбили с ног...
да, пропустил удар.
Какой момент для острых ощущений.
Что зрителям сейчас моя беда?
Как новогодней ёлке – украшеньё.*

*Но им не посмеяться надо мной,
Гирляндами усмешки не развесить.
Довольно, рефери! Я продолжаю бой.
Я встану в полный рост*

до счета – «десять».

Но собственные стихи тоже не особенно меня вдохновили. Не согрели. Грустно. Тяжело. Опять о войне думаю. Люди там действительно под пулями и снарядами, а что я здесь (скорее всего пьяный) лежу? Кого это озаботит? У меня одноклассник погиб на этой войне и мой ученик. Один был «укропом»,

«всушником», «нациком», другой – «боевик», «сепар». Вот такие ярлыки навесила близким мне людям идеологическая линия разграничения. «Укроп» – Коваль Василий погиб от снайперской пули на мосту возле города Счастье, это под Луганском. Вот такое он счастье получил, уйдя добровольцем на фронт. Одноклассник Виктор Никитин стал боевиком, ушел в отряд Мозгового «Призрак» в Лисичанске. Как именно погиб не знаю, но... Стоп! Ко мне решительной походкой идет крепкий парень. Этот точно «спасать» будет! Дождь! А о погибших знакомых – в следующем материале...

– Ты чего, мужик, с сердцем что? Перебрал? – Мой «спаситель» помог мне встать, положил мою руку себе на плечо и спросил, – куда помочь пойти?

– Спасибо, я сам. Со мной всё в порядке. Это я... эксперимент решил провести: есть ли ещё добрые люди у нас? Сколько лежать на снегу надо, чтобы в этом убедиться?

– Да пошёл ты в баню, мужик. Мы за него все переживаем. А он, оказывается, притворяется.

– Если бы ты знал, добрый человек, с каким бы удовольствием я сейчас отправился по предложенному тобой адресу. Да ещё с веничком...

– Это ты скажи спасибо нашим девчатам, работникам кафе. Они увидели тебя в окно, лежащего на снегу, и заволновались: ты смотри, все проходит мимо, а может, он не пьяный, может, ему плохо? Пошли, кофейком угостим.

– Нет, спасибо. Я пошёл. Спасибо... Есть ещё добрые люди на земле!

PS. Я пролежал на снегу 38 минут. Мимо меня прошли 60 человек. И только шестьдесят первый решил помочь...

«Сепар» и «укроп»

В репортаже «Лежащий на снегу» я обещал рассказать о погибших на войне своих близких знакомых. Вот, рассказываю. Они воевали по разные стороны окопов. Если именно по ним судить и обобщать, то война у нас на Украине гражданская. А дальше пусть спорят политики и аналитики. От более точного определения войны погибшие не воскреснут.

«Укроп» Василий Коваль – чемпион

Коваль – по-русски «кузнец». Он и оказался кузнецом своей судьбы, хотел сказать: «своего счастья»... не получается. «Укроп» – украинский солдат, боец ВСУ. Три года назад я пришёл на городские соревнования по шахматам, чтобы написать материал для газеты на спортивную тему. Подхожу к победителю соревнований... «Ба!» (другого более точного междометия для подобной встречи и не придумаешь). Ко мне подходит тридцатилетний победитель, весь в улыбке, в наградах и цветах, чемпион города – мой бывший ученик Вася! Не виделся лет 15.

– Владимир Дмитриевич! – Он первым бросается в объятия. Спаситель мой! Сели, поговорили, посмеялись, повспоминали...

Почему «спаситель» – расскажу.

После института я получил направление на работу в сельскую школу. Село Рудовка – прекрасное, живописное место (с замечательным прудом) на Слобожанщине. Кроме уроков с учениками в классе мне пришлось заниматься

русским языком и литературой и на дому. Восьмиклассник Василий Коваль был тяжело больным человеком. Жил с матерью, отец их бросил. У Васи было воспаление тройничного нерва. Его каждый день мучили ужасные головные боли. Он не мог смотреть на свет, жил всё время в полумраке, ему нельзя было смотреть телевизор, больно было слушать радио... Я с ним занимался у занавешенного шторой окна, чуть-чуть приоткрыв занавеску, чтобы хотя бы немного освещать страницы текста, листы тетради. Однажды он мне признался, что хочет уйти из жизни, только маму жалко. У него и любимая песня была о матери, которую он иногда напевал, когда мы играли в шахматы...

*Рідна мати моя, ти ночей не доспала.
І водила мене у поля край села,
І в дорогу далеку ти мене на зорі проводжала
І рушник вишиваний на щастя дала.*

Но и дальше жить так он не хотел. И тогда я стал учить его играть в шахматы. Он схватился за эту идею, как за соломинку и... удержался на плаву. В жизни у него появился смысл: сначала он поставил себе цель – хотя бы раз обыграть меня, потом – стать мастером. Он плакал, когда проигрывал, но я не поддавался и ждал его настоящей победы. И он победил. Сначала себя (поверив в смысл жизни), потом меня, потом стал чемпионом, выполнил норматив мастера. После окончания школы Василий часто ездил в Москву на консультации к профессору, ему сделали шесть операций. Вернулся к полноценной жизни. И вот – я беру интервью у чемпиона! Меня потом поправят в спорткомитете, что я неправильно написал заглавие статьи – «Чемпион», надо – «Победитель городских соревнований». Но для меня тогда Василий был настоящим Чемпионом! Я не стал исправлять. Но Коваль (кузнец) сам ковал свою судьбу... Получилось, что он так стремился стать шахматистом, мастером, так боролся за жизнь, чтобы... отдать её потом в бою с такими же как он украинцами под городом Счастье возле Луганска. Вот такое его «счастье».

«Сепар» Виктор Никитин. Самолёт падал, а он пел...

Одноклассник Виктор воевал в отряде Мозгового «Призрак» на стороне ополченцев. Погиб в Лисичанске. Чисто теоретически: моего одноклассника в бою мог убить мой ученик. Чем они отличались? Один жил в городе и был с рождения советским, впитал в себя, как губка «там русский дух, там Русью пахнет» и верил в новую честную и свободную республику Новороссию. Другой жил в селе, говорил на украинском, любил свою малую родину и пошёл добровольцем в батальон её защищать, хотя мог по состоянию здоровья и не служить. Виктора взяли в руки АК в 50 лет (в отряде его позывной был – «батя») заставил случай. Во время обстрела Брянки он с невесткой, восьмилетним внуком и годовалой внучкой спустились в подвал. Но внук вдруг вернулся в дом – забыли взять молоко для сестрички... А тут близкий взрыв, окна посыпались, и стёклами внуку поранило лицо, порезало глаза... Он потом слепой и провожал деда на войну. А какой по характеру был Виктор? Вспоминаю один эпизод: мы после училища поехали в Томск-7 (сейчас Северск) работать на военный объект. Ехали в Томск через Москву поездом трое суток, а назад в первый свой отпуск летели самолётом.

После набора нужной высоты в салон вошла длинноногая стюардесса, которая своей синей униформой и голубыми глазами как бы гармонично

продолжала в самолёте тему бескрайнего неба за иллюминаторами, и говорила о температуре за бортом и программе полёта. Мы летели из Томска в Донецк через Москву на новогодние праздники. «Мы» – это я и трое моих друзей: два Сергея и Никитин, то бишь Витя (все его иронично в основном звали по фамилии). Ребята его считали слабаком, кличка у него была – «девочка». Ещё с детства мы подсмеивались и прикалывались над ним. Как сейчас бы сказали – «троллили».

Полёт на высоте 10000 метров для нас уже «надцатый», а для Вити – первый. Мы, естественно, решили «развести» друга.

– Витёк, ты первый раз летишь... Послушай нас, опытных уже пассажиров. Полёт в небе – опасная штука. Бывают огромные воздушные ямы – и самолёт начинает падать. В этот момент надо сразу широко открывать рот, ещё лучше очень громко петь, чтобы из-за резкого перепада высоты и давления не лопнули перепонки. А то оглохнешь... Летим. 30 минут – полёт нормальный, час – полёт нормальный. Но вот вдруг самолет и вправду резко начинает падать. Долгое падение! Сидение стало уходить из-под меня вниз, о него нельзя опереться... Какой-то животный страх: всё, конец! Я понимаю, как и все остальные пассажиры, – что-то случилось, мы падаем и скоро разобьёмся... Все понимают, все в ужасе, кроме Вити. Он же знает, что это просто яма воздушная, поэтому действует по нашей инструкции: очень широко раскрыл рот, а потом как заорёт: «Вставай, проклятьем заклеймённый, Весь мир голодных и рабов...».

Рядом с ним сидел мужчина средних лет крепкого телосложения. С невероятными усилиями (почти состояние свободного падения), он протянул Виктору руку и сжал его руку крепко. Они как будто побратались мужеством... Сосед с уважением смотрел на Витю, нашего «немужика» и вдруг поддержал его пением: «Это есть наш последний и решительный бой!»

Ту-154 имеет три мотора. Два по бокам один сверху. Неожиданно отказали сразу два мотора, и самолёт начал резко терять высоту... Но всё-таки пилотам удалось запустить один мотор, и мы на двух продолжили аварийный полет... Это всё нам потом рассказала красивая стюардесса с голубыми глазами. Сначала – в салоне рассказала (но ее мало кто слышал: у всех заложило уши), потом уже объяснила после удачной посадки. Все пассажиры нашего рейса, дыша всей грудью счастьем на морозе, спускались по трапу. Каждый чувствовал себя именинником, приняв посадку за второе рождение. Виктор шёл по аэродрому впереди, я с Сергеем – за ним. Витёк ведь тоже потом понял, что это уже не воздушная яма, а конец... – но он пел!

Виктор шёл спокойно и уверенно как мужик, как и положено с его именем – Виктор – «победитель»!

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – член Союза писателей России и Академии российской литературы, лауреат Всероссийского фестиваля патриотической поэзии «Фортост» (2014) и ряда премий Московской городской организации Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Моя возлюбленная Муза...»

Хотя в начале сила слова
Даёт энергию делам,
Упорный труд всему основа,
Пускай и с горем пополам.

В поэтах дух фантазий прочен
И с ощущеньем высоты
Они, кто ярко, кто не очень,
Творят воздушные мосты.

Но сотворить восторг полёта
И вешних яблонь нежный свет
Не по плечу для рифмоплёта,
Здесь нужен истинный поэт,

Который строит храм телесный,
Подобный Спасу на крови,
Чтоб так же, как Поэт Небесный,
Создать Вселенную любви!

Кручина меня извела,
И дух истомился от грусти:
Пустое – земная хвала,
В истоке она или в устье.

Не жду за благие дела
Восторженной лести спесиво:
Отрава для духа – хвала,
Хоть с виду она и красива.

Медово звенящая медь
В поющих «осанну» литаврах
Толкает поэта дряхлеть
И тлеть, почивая на лаврах.

И пусть от занудной «пилы»
Полней не становится касса,
Бодрящая плётка хулы –
Подруга лихого Пегаса.

Поэт

Он верит в призрачное счастье,
И это чувство всюду с ним,
Хотя за слово правды властью
Он, как бродячий пёс, гоним.

В судьбе изгоя и кумира,
В достатке или в нищете,
Его тревожит склонность мира
К тупой корыстной суете.

Исконной сутью ненавистен
Шутам, погрязшим в болтовне,
Поэт – искатель горьких истин
В игристом жизненном вине.

В звездопадах признаний и званий,
Злую лесть продолжающих лить,
Маюсь жаждой в источнике знаний,
И не в силах её утолить.

Ветви древа познания гнутся,
Но не полнится избранных круг,
Я хочу до плодов дотянуться,
А они ускользают из рук.

Обречённый на муки, как прежде
Обрекался богами Тантал,
Я ищу утешенья в надежде,
Что не зря эту землю топтал.

За то, что не всегда верна,
Пускай ханжа её осудит,
Но у меня она одна,
Другой теперь уже не будет.

И я в любви – не сувенир,
Да и устои дружбы зыбки,
Но мне не нужен скучный мир
Без ясных зорь её улыбки.

В туманной мгле закатных дней
Любая ноша – не обуза,
Покуда шлёт улыбки мне
Моя возлюбленная Муза.

Рассказы

Спасаем наши души

Человек привык называть животных «братьями меньшими». В этом слышится явное превосходство, даже самолюбование, такое «уничтожение паче гордости»: вот, не погнушались снизить до бессловесных тварей! На самом деле, как любое проявление гордыни, позиция эта очень уязвима. Короновав сам себя, человек свысока смотрит на мир животных, в то время как они могут многому научить homo sapiens и открыть для него новые рубежи эволюции. Человечество очень медленно преодолевает сугубо потребительское отношение к животным, как к домашним, так и диким. Путь этот длинен и тяжёл. Наряду с явными победами (укоренение экологического сознания, активная деятельность организаций по защите животных, изменения в законодательстве многих государств) продолжается и варварское вовлечение животных в гонку вооружений, использование их в военных целях. Хочу привести в качестве иллюстрации эпизод из жизни моей семьи. Он ярко показывает, в какую ловушку загоняют себя люди, когда втягивают животных в свои военно-политические игры.

В 1945 г. мой дед Евгений Петрович Желтовский был назначен членом трофейной комиссии от морского флота СССР по определению всего нужного для флота имущества, оставшегося после японцев на территории Китая. В конце августа, практически вместе с войсками, Евгений Петрович попал в город Дайрен или, как его называли до 1905 г., город Дальний. В Дайрене до Второй мировой войны существовали японские судоремонтные мастерские, затем судоремонтный завод. Дед вышел с предложением на базе завода «Дайрен-Док» создать ремонтную базу для нашего флота, и был назначен директором этого завода. Вместе с ним в Дальний приехали его жена и трое детей.

До советско-японской войны на заводе всем управляли японцы, а местное китайское население

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

рассматривалось как люди второго сорта, необходимая рабочая сила. Для поддержания порядка использовались разные методы, в том числе и специально обученные собаки. Полковнику Желтовскому как раз и передали такого пса, красавца немецкую овчарку по имени Афу. Он был хорошо обученной боевой единицей. Наличие в доме столь высококвалифицированного охранника как Афу было совсем не лишним: Дайрен был оккупационной зоной. Достаточно сказать, что семью Е.П. Желтовского постоянно охраняла группа автоматчиков. Ранее Афу принадлежал японскому тренеру, команды воспринимал только на японском языке и был натаскан на китайцев. После того, как советские войска выбили японцев из Дайрена, тренер был вынужден уехать в Японию. Он бежал в никуда, поэтому взять с собой пса не мог. Афу остался в Китае, а потом попал в семью деда. Что пришлось пережить бывшему «собачьему разведчику», можно только предполагать. У многих людей военной специальности на таких переломах истории ум за разум заходит, а тут собака. Не знаю, применим ли к собакам термин «когнитивный диссонанс», но картина мира у Афу полностью перевернулась. У Желтовских к нему относились очень хорошо, но ведь кругом всё другое: быт, запахи, форма, язык. В доме жили двое китайских слуг, мужчина и женщина. Пёс был вынужден мириться с их присутствием, принимать пищу из их рук. Но напряжение чувствовалось постоянно: в то время местные китайцы жили очень бедно, почти впроголодь, а Афу ежедневно получал большую миску риса, куда сверху разбивали несколько яиц. Он ощущал себя старшим офицером и привык к соответствующему пайку и обращению.

Однажды в дом с чёрного хода зашел китаец – торговец овощами. Не успел он сделать несколько шагов, как на него молча прыгнул огромный пёс и прижал его лапами к земле. Бедный китаец закричал от страха, выронил все свои товары. Торговца отпустили, но Афу показал, что он хорошо помнит старую науку: незваный гость, да ещё китаец – враг, и должен быть обезврежен.

Дед не планировал использовать Афу как служебную собаку, он содержался как домашний пёс, но старая выучка давала о себе знать. Так, частенько полковник Желтовский выезжал вместе с Афу в открытой армейской машине. По дороге надо было пересечь мост. Машина останавливалась, пёс выпрыгивал и полз на четвереньках, как учили в разведшколе. Никто не отдавал собаке такой команды, Афу действовал самостоятельно. Разведчики бывшими не бывают.

Афу прожил у Желтовских несколько лет, но в 1951 году командировка деда в Китае закончилась, и он с семьёй уехал в Союз. Ситуация повторилась: Евгений Петрович не знал, какое новое назначение он получит, и не мог взять собаку с собой. Что творилось в душе у пса, страшно подумать. Больше мы о нём ничего не слышали.

Не могу не привести здесь цитату из книги А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров»:

«Принц-герцог рассказывал, что до войны жили в лесу звери, похожие на собак, забыл, как называются, умные были и очень добрые зверюги – всё понимали, дрессировать их было одно удовольствие. Ну и конечно, стали их дрессировать для военных целей: под танки с минами ложиться, таскать раненых, переносить к противнику посуду с заразой, ну и всякая такая чепуха. А потом нашёлся умник, расшифровал их язык, оказалось, что у них язык есть, и довольно сложный, и что они вообще любят подражать, и глотка у них так устроена, что некоторых можно было даже обучить говорить

по-человечески, не всему языку, конечно, но слов по пятьдесят, по семьдесят они запоминали. В общем, дикий были животные, нам бы с ними дружить, учиться друг у друга, друг другу помогать – они, говорят, вымидали. Так нет же, приспособили их воевать, приспособили их ходить к противнику за военными сведениями. А потом война началась, стало не до них, вообще ни до чего стало. И вот, пожалуйста: упыри. Тоже мутанты, только не человеческие, а звериные – очень опасные существа».

Люди за свою историю существования научились использовать в военных целях лошадей, собак, верблюдов и слонов. У каждого из этих животных масса полезных для человека качеств. Использовать их на войне – всё равно, что забивать гвозди микроскопом. Стругацкие имели в виду собак. Но эта идея верна для любых других высокоорганизованных животных, в частности, дельфинов. Дельфины – единственные на Земле животные, по собственной инициативе приходящие на помощь человеку. Кроме того, они обладают уникальными целительскими способностями. Общение с дельфинами, так называемая «дельфинотерапия», даёт прекрасные результаты при работе с больными ДЦП, аутистами и другими пациентами неврологического профиля.

Однако, как говорил один из персонажей удивительного фильма М. Ромма «9 дней одного года», «раньше война не нуждалась в науке, а теперь она кормит её. Современная война стремительно движет науку вперёд». В 60-е – 70-е годы прошлого века в Советском Союзе велись активные исследования дельфинов. К сожалению, и здесь наука вынуждена была идти в служанки милитаризму. В 1965 г. в Крыму, в Казачьей бухте в Севастополе ВМФ СССР создал научно-исследовательский центр, который изучал военное использование морских млекопитающих. Вскоре появились ещё два центра по подготовке морских животных: на Кольском полуострове и в бухте Витязь на Дальнем Востоке. Наиболее подходящими для обучения признаны дельфины-афалины и морские львы. Преимуществом афалин является их высококоразвитая способность к эхолокации, которая помогает находить подводные мины. Морские львы безупречно видят под водой, что позволяет обнаруживать вражеских подводников. В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, обучение морских животных для военных целей было прекращено, однако в 2016 г. возобновилось всё в том же Севастополе.

Вы думаете, всё это – передовые рубежи человеческой мысли? Как бы не так. Впервые использовать морских животных в военных целях предложил В.Л. Дуров, представитель знаменитой династии цирковых артистов, выдающийся дрессировщик и зоопсихолог. В 1915 г. в сообщениях о ходе Первой мировой войны его потрясло известие о варварском уничтожении пассажирского лайнера «Лузитания» торпедами немецкой подводной лодки. Погибло несколько тысяч человек. Как дворянин и патриот Дуров не мог оставаться в стороне, ведь его родина тоже участвовала в военных действиях. Дрессировщик решил обучить морских львов срезать мины, взрывать подводные лодки. По собственной инициативе, на свои деньги он начал работать с группой морских львов. В купленном им особняке на Старой Божедомке в подвале был оборудован бассейн, где и проходили тренировки с ластоногими. Ныне это всемирно известный «Уголок Дурова». Обучение шло настолько успешно, что вскоре В.Л. Дуров обратился в Генеральный штаб ВМФ России с официальным предложением о подготовке целой группы животных-диверсантов, обнаружить и защититься от которых практически невозможно. Предложение Владимира Леонидовича было с интересом принято, было обучено

20 животных, но вскоре все они были отравлены, скорее всего, германским агентом из числа обслуживающего персонала. Вместе со служителем исчезли и все записи, чертежи, наработки, схемы, записи всех экспериментов. Спустя какое-то время они всплыли в Америке, и американцы продолжили работу в этом направлении, опираясь на достижения В.Л. Дурова.

Дуровы – старинный дворянский род. На их гербе начертано «Служить Отечеству». Несомненно, Владимир Леонидович руководствовался самыми благими патриотическими побуждениями. Кроме того, в своих исследованиях он работал вместе с такими выдающимися личностями как В.М. Бехтерев (основатель рефлексологии, невролог, психиатр и психолог) и А.Л. Чижевский (биофизик, основоположник гелиобиологии). То есть был аристократом-интеллигентом. Неужели ему не приходило в голову, чем обернётся его программа подготовки ластоногих диверсантов? Неужели не понимал знаток зоопсихологии, что создаёт новое смертоносное оружие, вовлекая в беспощадную бойню невинных божьих тварей? Бог ему судья! «Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк. 17:1).

Вопросы научной этики уже тогда волновали человечество. Где проходит граница допустимого в научных исследованиях? Как найти компромисс между стремлением помочь своей Родине, страдающему человечеству и ответственностью экспериментатора за нарушение законов природы? Созданные в 20-х годах XX века произведения А.Р. Беляева («Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля»), М.А. Булгакова («Собачье сердце», «Роковые яйца») отсылают нас к этим проблемам. Обратите внимание, что ни доктор Сальватор – создатель человека-амфибии, ни профессор Преображенский, превративший собаку в «человека», не являются положительными персонажами. Даже их имена звучат иронически («Сальватор» по латыни – Спаситель, именование Иисуса Христа), если не сказать издевательски. Здесь мы выходим на проблему оторванности науки от религии, связи с Богом. Если в основе научных исследований не лежат евангельские истины, от них не будет никакой пользы, один вред. Полученный результат не улучшит, а ухудшит жизнь человечества. Вместо спасения получается несчастный изуродованный человек (Ихтиандр), а вместо преображения – моральный урод (Шариков). Это не парадокс, а непреложный закон мироздания.

Владимир Леонидович Дуров выпустил джинна из бутылки. В США очень серьёзно отнеслись к наработкам русского дрессировщика и продвинулись далеко вперёд по проторенному им пути. Впервые морские животные были использованы в боевых условиях во время вьетнамской войны. По неофициальным данным, боевые дельфины уничтожили при обороне военно-морской базы Камрань не менее 50 подводных разведчиков и диверсантов. Применялись американские боевые дельфины и в проведении операций ВМС во время войн в акватории Персидского залива. Они также участвовали в учениях 2-1 постоянной средиземноморской противоминной группы НАТО в Чёрном море в 2014 г. В настоящее время на службе в ВМС США имеется более 100 дельфинов-афалин, а также калифорнийских морских львов и белух.

По мнению сотрудников российского Института проблем экологии и эволюции, гораздо более эффективным было бы использование морских млекопитающих не в военных, а в мирных целях. К примеру, дельфины могут быть очень полезны при обследовании различных подводных сооружений, например, газопроводов. Они в состоянии обнаружить струйку газа, выходящую из трубы, или любое механическое повреждение, сфотографировать место

повреждения, закрепить там тросы, по которым потом можно будет спустить всё необходимое для ремонта оборудование, и т.п. Да мало ли как могли бы пригодиться людям эти замечательные существа, если бы мы относились к ним с любовью и уважением! Не сомневаюсь, что они бы сами подсказали возможные варианты сотрудничества с человеком. Именно сотрудничества, а не жестокой, коварной эксплуатации. Морские животные, особенно дельфины, обладают очень развитой интуицией и инстинктом самосохранения. Поэтому, например, не получилось сделать из них живые торпеды. Дельфины отказываются выполнять самоубийственные приказы и вообще впадают в депрессию: теряют аппетит, становятся раздражительными, непослушными, замкнутыми. То есть, как бы говорят человеку: «Опомнись! Что ты делаешь?!». Точно так же они ведут себя, когда, натаскивая на охрану кораблей, их пытаются заставить уничтожать диверсантов. Дело в том, что дельфин никогда, ни при каких обстоятельствах не может сознательно причинить вред человеку, а тем более убить его. Впрочем, военная направленность подготовки заставила преодолеть и этот барьер, который матушка-природа предусмотрительно установила на пути человека-саморазрушителя. Так, тренер приучал подопечного выпрашивать рыбу, тыкая носом в тело пловца. Когда такой рефлекс закреплялся, к носу млекопитающего прикрепляли иглу с баллончиком, наполненным ядом или углекислым газом. И хвостатого диверсанта отправляли в рейд по охране кораблей от вражеских пловцов.

Мы играем в очень опасную игру под залихватским лозунгом «Нам нельзя ждать милостей от природы». Между тем, природа при гуманном, осторожном к ней отношении готова одарить нас неисчислимыми милостями. Надо только действовать не разбойничьими методами, а вспомнить библейский завет: «И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15). К счастью, за последнее десятилетие произошли гигантские изменения в самосознании человечества и в системе отношений человека с окружающим миром. Индия впервые в мире присвоила дельфинам статус «личностей, не относящихся к человеческому роду». Кроме Индии, ещё три страны, Коста-Рика, Венгрия и Чили признали, что все китообразные и дельфины, как и человек, имеют право на жизнь, свободу и благополучие. Исследования финских учёных показали, что дельфины имеют уровень самосознания, схожий с человеком. Как следствие, был наложен запрет на содержание дельфинов в неволе и выступления с ними в дельфинариях, океанариумах и т.д. На сегодняшний день половина стран Европейского союза, а именно 14 из его 28 государств, могут гордиться отсутствием дельфинариев. Многие из них уже запретили использование диких животных в цирках. А Новая Зеландия пошла ещё дальше! В апреле 2016 г. эта страна признала, что все животные являются разумными существами. В этой стране запрещены исследования и опыты на животных. Любая охота и отлов диких животных незаконны. Это знаменует невероятный сдвиг в общественном сознании, ведь прежде лишь некоторые животные имели право на защиту.

Пусть у многих эти идеи вызывают саркастическую усмешку, мол, говорите, говорите, всё равно это лишь прекраснотушские мечтания. Однако когда-то и идея устранения рабства/крепостного права считалась крамольной и недостижимой. Конвенция о правах человека появилась менее ста лет назад, в 1950 году, а Конвенция о правах ребёнка – в 1989 году, на памяти одного поколения. 18 ноября 2017 г. в Петербурге в рамках VI Санкт-Петербургского

Международного культурного форума была принята «Декларация о правах и свободах дельфинов и китов». Документ подписало большое количество известных всей стране людей. Сбор подписей продолжается. Декларацию может подписать любой желающий. Декларация призывает относиться к дельфинам и китам как к равным. В ней записано: «Дельфины и киты не могут быть захвачены, содержаться в плену, быть предметом купли-продажи или аренды. Они не могут быть собственностью государства, компании или частного лица».

Декларация – это, конечно, не закон, это просто обнародование позиции, точка отсчёта. Человечество в очередной раз стоит перед выбором: жизнь или смерть, продолжать скатываться к уничтожению всего живого и, как следствие, к самоуничтожению, или попытаться, как Мюнхгаузен, вытащить себя за волосы из болота всеобщей агрессии, насилия и жестокости. От того, какой путь выберет человек по отношению к животным, зависит и его судьба.

Братья наши. Меньшие?

Всю жизнь человека окружает множество живых существ, но основные, главные – это собака, лошадь и кошка. Почему именно в таком порядке? Потому что, как мне кажется, каждое животное в этой тройке соответствует определённому этапу развития человечества. Собака стала первым животным, прирученным человеком, она, по существу, способствовала появлению homo sapiens как вида. Лошадь – главный помощник человека в строительстве всей цивилизации. Кошка – связь с другой реальностью, вектор, устремлённый в будущее.

Я хочу привести несколько примеров из жизни моей семьи в доказательство этой теории.

Например, именно лошади явились причиной того, что мои предки по линии матери переселились с европейской части России на Дальний Восток. Мой прапрадед Савелий принял решение заняться предпринимательством. Он знал и любил лошадей, и его планы были связаны с ними. Но для лошадей нужна земля, а в Центральной России свободных земель не было, или они были слишком дороги. И вот вся большая семья снялась с места и переехала во Владивосток.

Дед Савелий занялся частным извозом. На дальневосточной земле он мог держать много лошадей. В хозяйстве имелись и наёмные работники, но уход за лошадьми дед не доверял никому. К старости практически переселился в конюшню. Спал, сидя за столом, положив голову на кулаки, а рядом стоял будильник. Лошадь – существо нежное, и кормить, и чистить надо по часам. Вот такие тогда были «кулаки».

В хозяйстве, помимо лошадей, была корова. К старости молока она давала очень мало, чуть больше литра в день, но необыкновенно жирного, не молоко, а сливки. В конце концов было решено купить новую корову, а эту забить на мясо. Моя бабушка, тогда маленькая девочка, рассказывала, что не могла есть это мясо и суп из него, так жалко было корову.

Савелий был великим тружеником, одним из тех, на ком держалась Россия. Работал с утра до ночи и других тащил за собой. Однако после установления на Дальнем Востоке Советской власти под угрозой раскулачивания хозяйство разделили между взрослыми членами семьи. Созданное им предприятие, естественно, развалилось, потому что могло существовать только

в условиях жёсткой дисциплины и внимательнейшего, бережного отношения к «средствам производства» – лошадям. Каково-то им пришлось, когда вышли они из-под чуткой руки Савелия, и закружило их в революционном вихре? Понимаю, что в те годы множество людских судеб было сломано, исковеркано, и о лошадях ли печалиться! «И всё же, всё же, всё же...», как писал А.Т. Твардовский.

Полагаю, читателю небезынтересно будет узнать, что Российское общество покровительства животным было основано в Петербурге в 1865 г. (через 4 года после отмены крепостного права!). Целью общества было «устранение жестокостей, совершаемых над животными». Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, был дополнен статьёй, по которой виновные в причинении напрасных страданий животным наказывались штрафом до 10 рублей (для сравнения, квалифицированный рабочий получал от 8 до 18 рублей в месяц). Российское законодательство 1868 и 1881 гг. чётко определяло права животных и правила их содержания. Так, например, запрещалось использовать в работе больную или хромую лошадь, бить лошадь палкой. В 1917 г. Общество прекратило свою работу по понятным причинам...

...Вот мнение профессора К.А. Семёновой, руководителя Центра реабилитации детей с ДЦП, а по совместительству Председателя секции охраны животных Московского городского общества охраны природы. Согласно проведённым ею исследованиям, 90% преступников, осуждённых за особо тяжкие преступления, в детстве мучили животных. На заседании секции, специально посвящённом проблеме жестокости, К.А. Семёнова сказала: «Когда нам приходится знакомиться с людьми, находящимися в местах заключения, мы сталкиваемся с полным презрением к морали, полнейшим равнодушием к страданиям другого человека, к боли, но, конечно, – не к своей. Именно это презрение к чужому страданию, чужой боли и даёт возможность совершать противозаконные действия – убийства, насилия, избиения и т.п. Как формируется жестокий человек, не признающий иных страданий, кроме собственной боли? Такой человек проходит через определённый психологический барьер – барьер преодоления сочувствия к чужой боли».

В конце 2017 г. в России наконец-то вступил в силу Закон о защите от жестокого обращения с животными. Он предусматривает штраф до 80 000 рублей или лишение свободы на срок до 3 лет. В течение 2018 г. должен быть рассмотрен проект закона «Об ответственном обращении с животными». Он определяет требования по содержанию бездомных животных в приютах, диких – в питомниках; обязанности, которые должны выполнять владельцы домашних животных, правила выгула собак и другие требования. Но понятно, что мы лишь в начале долгого пути, мы ещё «неандертальцы духа», по словам о. Александра Меня.

Собаки тоже сыграли в жизни моих предков немалую роль. Мой дед по линии матери, Евгений Петрович Желтовский, был моряком-полярником. Свой первый поход в Арктике он совершил в 1924 году, когда ему ещё не исполнилось и 18 лет. Сохранились воспоминания Евгения Петровича о его арктической одиссее. Он был участником Ленских походов 1927, 1928-29, 1931-33 гг., в 1956-57 гг. ходил в Антарктику. Здесь я хочу привести отрывок из его записок о третьем в его жизни ледовом походе.

«А в июне 1931 года, будучи уже вторым механиком, я снова на “Колыме” пошёл в третью “полярку”... Несколькими днями раньше в устье реки Колыма снялся пароход “Лейтенант Шмидт” под командованием капитана Миловзорова... 1931 год был тяжёлым годом. Дальний Восток испытывал большие затруднения с продовольствием. Снабжение обоих судов было крайне неудовлетворительным... Ни нам, ни “Л. Шмидту” выйти в этом же 1931 году из Арктики не удалось, и оба судна стали на зимовку... Плохо было с продовольствием... Встал вопрос об обеспечении экипажа сырым мясом. Приобрели ездовых собак, нарты, и на мою долю, как немного “знающего” чукотский язык, выпала обязанность ездить в тундру за свежей оленьей...»

На берегу встретились две яранги, лаяли собаки... Пришлось войти в ярангу за полог и выяснять, куда же и к кому же я попал. Оказалось, что это яранга моего старого знакомого Иттоургена. Он спал, но разбуженный, страшно обрадовался моему появлению... Обрадовался и я. Теперь я вне опасности. Я знал, что на Иттоургена положиться можно...

Он запряг мне собак. Теперь у него их было шесть, и предложил ехать, махнув рукой по направлению восточного крутого склона мыса Шелагского.

– А ты? – удивлённо спросил я его.

– Моя сыпичка...

То есть я должен ехать один, а он пойдёт спать.

Я ещё никогда самостоятельно на собаках не ездил, дороги не знал... Погода нисколько не улучшилась, дул холодный, колючий ветер, мело снегом. Темень – в десяти шагах не видно... Я растерялся.

– Эттакай тагам, – говорит Иттоурген.

То есть собаки отвезут, понял я.

Выхода не было. Принайтовав свой почти пустой мешок и крикнув собакам знаменитое “Тагам”, я поехал... И вот, чувствую, собаки пошли веселее, нарты получили наклон вперёд: ага, значит всё правильно, пошли на спуск. Вскоре спуск кончился. Собаки пробежали небольшое расстояние по ровному месту и остановились... перед ярангой Иттоургена...

Иттоурген здорово помог мне в овладении искусством езды на собаках, проделав со мной несколько учебных ездов.

Я узнал, что собаки, нарты и упряжь требуют большой заботы и постоянного наблюдения. На каждую должны быть сапожки с завязками для предохранения лап от порезов об острые снежные заступы; для каждой нужно иметь тёплые меховые пояса для защиты паха от резкого встречного ветра; сбруя (алик) должна быть подогнана для каждой собаки индивидуально и подшита мехом, чтобы не сбивать плеч передних лап; кормить собак нужно только после работы, но не досыта, иначе, перекормленные, они не захотят работать.

Нарты должны быть всегда исправны, полозья не должны иметь ни малейшего заусенца.

Перед выездом, нагрузив нарты, их нужно поочередно переворачивать на правый и левый борт и поливать их рабочую поверхность пресной водой, то есть оледенить – это очень снижает сопротивление трения и сберегает силы собак.

Так как собаки испражняются на ходу, нужно следить, чтобы полозья не наехали на тёплые экскременты. Облипшие полозья будут драть дорогу как рашпиль, и собаки просто встанут. Нужно немедленно остановиться, очистить полозья, снова “навойтить” (оледенить), и можно следовать дальше.

Если собаки в пути будут всё время оглядываться назад, знай: что-то неладно, возможно, что как раз полозья-то и облеплены снегом, и они тебе об этом сообщают.

Если какая-то собака в упряжке начинает плохо тянуть, филонить, остальные сразу это заметят и начнут, подлаивая, переругиваться и кусать симулянта. Ты должен принять меры, наказав эту собаку на глазах товарищей.

Привилегированное положение должны иметь вожаки – первая в упряжке “ёлочкой” пара: левый и правый, но не особенно, а то это может обидеть остальных работников упряжки...

Обогатившись опытом езды на собаках, я начал поездки в тундру за свежей оленьей, необходимой для поддержания здоровья экипажа, для борьбы с цингой».

В 1945 г. Евгений Петрович был назначен директором завода «Дайрен-Док» в китайском городе Дайрен. Вместе с семьёй он разместился в большом доме, окружённом садом. На прилегающей к дому территории жило масса всякой живности, в том числе и кот. Он прекрасно чувствовал себя среди множества людей и животных. У дома был небольшой пруд с рыбками. Однажды котофей решил заняться рыбной ловлей. Он долго выбирал место, потом замер в ожидании добычи. А Евгений Петрович хотел над ним подшутить, тихонько подкрался сзади и спихнул рыболова в воду. Кот выпрыгнул из пруда, крайне возмущённый и тем, что сорвалась рыбалка, и тем, что над ним посмеялись. Казалось, на этом всё и закончилось. Подумаешь, маленький бытовой эпизод! Однако несколько лет спустя, в 1957 г., Евгений Петрович участвовал во Второй Антарктической экспедиции на дизель-электроходе «Лена». В ходе экспедиции произошла авария, обвалился огромный кусок берегового льда, на который было выгружено большое количество груза. Около 20 участников экспедиции упали с большой высоты в ледяную воду, в том числе и дед. Несколько человек погибли. Евгений Петрович выжил, но получил переломы костей таза. Всю оставшуюся жизнь он ходил с палочкой и, конечно, ощущал постоянную боль. Не знаю, связывал ли он эти два купания в воде, но мне кажется, связь тут прямая. «Над чем посмеёшься, тому и поработаешь», – гласит народная мудрость. А уж если в дело замешана кошка, будь особенно внимателен! Не зря же египтяне обожествляли этих зверьков! А вот замечательное стихотворение Валентина Гафта:

*Кот мой свернулся калачиком,
Глазки блеснули во тьме,
Это работают датчики
Где-то в кошачьем уме.*

*Уши стоят как локаторы,
Слушают тайную тьму.
Всё, что в его трансформаторе,
Он не отдаст никому!*

В семидесятые годы жила у нас дома обычная серая кошечка с цветистым именем Элеонора, по-домашнему Эля. Внешне ничего особенного, обыкновенная беспородная кошка, но мы её очень любили и относились к ней не как к домашней скотинке, а как к полноправному члену семьи. И Элеонора платила нам той же монетой. Много вы знаете кошек, которые бы вынимали цветы из вазы и переносили на подушку хозяйке? А Элеонора это делала,

целестремлённо, цветок за цветком. А иногда кошка демонстрировала талант к телепатии! Как-то раз я смотрела по телевизору захватывающий фильм. Оторваться было невозможно, а на кухне, я знала, стояла тарелка с черешней. Я подумала про себя: «Эх, если бы мне кто-нибудь черешенки принёс!» В следующую минуту открылась дверь, и на пороге появилась Элеонора с веточкой черешни в зубах. Подошла и положила ягоды у моих ног.

С тех пор я поняла: окружающие нас животные – кладёшь ума, нежности, любви и верности. Считая их «меньшими братьями», мы непозволительно сами себя обкрадываем, перекрываем какие-то очень важные духовные и душевные каналы, лишаем себя чего-то чрезвычайно ценного, основополагающего. На какой уровень отношений нацеливаешься, тот и получаешь.

В это время дед был смертельно болен: рак лёгких. Сказались участие в четырёх войнах, полная приключений и страшных перегрузок послевоенная жизнь. А ведь ему не было ещё и семидесяти, он только входил в «директорский» возраст профессиональной и житейской дальновзоркости! Семья делала всё, чтобы победить болезнь или хотя бы отдалить печальный конец. Конечно, Евгения Петровича занимали мысли о судьбе, фатуме. Умный, опытный человек, он вдруг увлёкся «Спортлото», заполнял бесчисленные карточки с цифрами. Думаю, что не денежный выигрыш интересовал Евгения Петровича, а магия чисел, возможность проникнуть в тайну предопределённости мирских событий. Поиск каких-то знаков судьбы был у него связан, в том числе и с кошкой.

Летние месяцы они проводили на даче, где оба наслаждались свободой: дед часами работал в своей мастерской, а Эля гуляла на воле. Из большого количества родственников, толкущихся на даче, Элеонора безошибочно определила деда как главу стаи и всячески выказывала ему своё расположение. Каждый вечер, когда дед с бабушкой после трудового дня садились ужинать, появлялась Элеонора и приносила к ногам деда дневную добычу: мышек, лягушек, стрекоз. Иногда приходила просто пообщаться. Вот они на фотографии. Пусть вас не смущает топор в руках деда. Это постановочный кадр, Евгений Петрович пытается сделать страшное лицо (но у него что-то

плохо получается), как будто собирается рубить кошке голову. В зубах у него папироза «Прибой» с отвратительным дымом, но Элеонора всё терпит, лишь бы побыть у деда на руках.

Как-то, в последнее лето Евгения Петровича на даче, Элеонора ушла и пропала на несколько дней. Дед заволновался и решил пойти её искать. Бабушка его отговаривала: «Ну, как ты её найдешь? Маленькая, серенькая...». Но, взглянув в лицо мужа, осеклась: он чувствовал приближение конца и как будто загадал: найдётся кошечка – поживу ещё какое-то время. И, пока он её искал, кошка пришла домой сама! Бабушка взяла её на руки и села на ступеньках крыльца, прикрыв Элю фартуком. Дед вернулся грустный, какой-то растерянный. А бабушка молча отодвинула фартук, и на деда глянули жёлтые кошачьи глаза. Как он радовался! Значит, поживём ещё!

Ушёл из жизни он через несколько недель. Когда тело выносили из квартиры, бабушка хотела убрать кошку, чтобы на неё нечаянно не наступили. Но Элеонора вдруг оттолкнула её задними лапами с какой-то отчаянной, невиданной силой, и осталась сидеть, где была. Провожала Евгения Петровича в последний путь.

Человеку давно пора понять, что никакой он не царь природы, что он призван быть работником и устройтеlem этого прекрасного мира. Мне кажется, кошки существуют в нашей жизни как мудрые учителя, которые пытаются втолковать человеку: нельзя природу насилловать, пытаться всё и всех подчинить. Отнесись с любовью и заботой ко всему живому, и воздастся тебе сторицей! Те, кто это понимает, переходят в следующий класс в школе жизни. А для усвоения сей основополагающей истины Господь создал учебное пособие – кошку, существо, которое невозможно подчинить своей воле, но которое одарит вас своей нежной дружбой и глубинной трансцендентной мудростью. Кошки – это такие ангелы, доступные всем и каждому. Обычным людям невозможно видеть ангелов, грехи не пускают. Так тренируйтесь на кошках! Слово «ангел» значит «вестник». Кошки готовы нам многое поведать, если мы только дадим себе труд прислушаться и присмотреться к ним. Люди давно интуитивно поняли, что кошки – непростые создания. Почему женщину ассоциируют с кошкой? Не только из-за грации. Почему кошки – единственные животные, которым разрешается входить в православный храм? Почему у людей опустившихся, асоциальных или отягощённых какими-то страшными грехами, часто бывает очень много кошек? Может, они интуитивно пытаются так спастись, цепляются за кошек как за соломинку? Много возникает вопросов.

Закончить хочу прелестным стихотворением Андрея Усачева «Планета кошек»:

*Есть где-то Кошачья планета.
Там кошки, как люди, живут:
Читают в постели газеты
И кофе со сливками пьют.
У них есть квартиры и дачи,
Машины и полный комфорт.
Они обожают рыбачить
И возят детей на курорт.
Летают в заморские страны,
Находят алмазы с кулак.*

*Сажают на клумбах тюльпаны
И даже разводят собак.
Роскошная жизнь на планете
У кошек, котов и котят!
Но странные жители эти
Всё время о чём-то грустят...
Как много игрушек хороших!
Как много пластинок и книг!
Вот только нет кошек у кошек.
Ах, как же им грустно без них!*

Родные мои

Прочитала чудный рассказ В. Осеевой «Бабка». Он включён в сборник «Волшебное слово», неоднократно переиздавался издательством «Детская литература», следовательно, рассматривается как произведение для детей. На самом деле, как всякий образец хорошей литературы, он интересен и важен и для взрослых, тем более что речь в нём идёт об отношениях поколений внутри одной семьи. Неграмотная бабка выступает носителем высшей христианской этики: самопожертвования, смирения, бескорыстной любви. Речь её – кладёзь народной мудрости, изобилует пословицами и поговорками:

«Чей род – того и рот»;

«Всё хорошо, и плохое, и хорошее. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает»;

«В старину говаривали: труднее всего три вещи в жизни – Богу молиться, долги платить да родителей кормить»;

«Бог – судья, солдат – свидетель, жаловаться было некому»;

«Обидеть – что ударить, приласкать – надо слова искать»;

«Что спил, что съел – царь коленом не выдавит».

Чудо!

Я сразу вспомнила свою бабушку Ольгу Павловну, её рассказы. Родилась она в Рязанской губернии в 1910 году, хотя в паспорте в графе «место рождения» стояло «город Москва». Когда по радио передавали песню «Рязанские мадонны», бабушка говорила: «Это про меня». Но родиной своей она считала Владивосток, куда семья переселилась в начале 1910-х годов из Центральной России. Мой прапрадед Савелий Голованов во второй половине XIX века работал управляющим графского имения в центральной части России, предположительно в Рязанской области. Было это, очевидно, уже после отмены крепостного права. К этому времени Савелий был уже главой большой семьи. По существу, это был крепкий крестьянский род, куда входили Савелий с женой Натальей Васильевной (моей прапрабабкой), двое взрослых сыновей со своими жёнами и детьми, братья Натальи Васильевны. В соответствии с делением на чины, принятом в царской России, они считались мещанами. Савелий принял решение заняться предпринимательством, точнее, перевозкой грузов на лошадях. Полагаю, что эти планы совпали со столыпинской реформой, по которой крестьяне получали льготные кредиты и другую помощь от государства и могли переселяться на Дальний Восток. Решено было послать на разведку одного из членов семьи, молодого и не обременённого семьей. Он уехал во Владивосток, и вскоре от него пришла весточка: «Край благодатный,

земли сколько хочешь. Приезжайте!». И вот вся семья двинулась через весь континент и в результате осела во Владивостоке. Жили в большом деревенском доме в месте, которое тогда называлось Голубиная падь, у подножия сопки. Воду носили из колодца, который почему-то был на вершине сопки, а электричество в доме появилось лишь в 1945 году. Проводку в доме сделал 12-летний мальчишка, мой дядя Ванкарэм.

За время совместной жизни у Савелия и Наталии Головановых родилось одиннадцать детей, в том числе были и близнецы, но выжили, по-моему, только два сына: Иван и Павел – отец моей бабушки Ольги Павловны. Один ребёнок рождался мёртвым. Кесарево сечение деревенские бабки-повитухи не делали, а подвешивали роженицу за руки на полотенцах. Наталья Васильевна говорила: «Легче троих живых родить, чем одного мёртвого». Ещё говорила: «Когда женщина рождает, она одной ногой в могиле». После тех родов мёртвого младенца у неё всю жизнь мелко тряслись руки.

В семейный клан входили и двое младших братьев Натальи Васильевны, которые всем в жизни были обязаны ей. Наташа осталась за старшую в семье, когда ей было всего 12 лет: родители умерли. Так она и сама не пропала, и братьев вырастила, да ещё дала им образование! Один из братьев получил профессию землемера, что по тем временам обеспечило ему безбедную жизнь. Впоследствии он выстроил во Владивостоке свой дом. Перед домом был пруд с лебедями. Наталья Васильевна приходила к нему в гости вместе с моей бабушкой Ольгой Павловной, тогда ещё маленькой девчонкой.

Много бед и забот выпало на долю Натальи Васильевны. В 1912 году умерла от туберкулея её невестка Феврония, жена сына Павла. Остались без матери двое малышей: мальчик Тимофей и девочка Ольга (моя бабушка). Когда Феврония умирала, Наталья Васильевна спросила её: «На кого ж ты детей оставляешь?». Та ответила: «На Бога и на тебя».

А знаете, как я определила имя своей прабабки, матери моей бабушки? Благодаря своему обману. Бабушка много рассказывала о своей семье, называла какие-то имена, но имени своей так рано ушедшей матери не назвала ни разу. Я думаю, она понимала, что для современного человека «Феврония» звучит по меньшей мере странно, а может быть, и смешно, и не хотела, чтобы дорогое для неё имя подвергалось осмеянию. Ближе к концу жизни, когда бабушка, как всякий здравомыслящий человек старшего возраста, стала готовиться к смерти, она начала часто ходить в церковь, не на богослужения, а чтобы поставить свечку и подать записки «о здравии» и «о упокоении» близких. Постепенно сил становилось всё меньше, и дойти до церкви Ольга Павловна уже не могла, хотя та и была совсем рядом с домом (храм Всех Святых на Соколе). Бабушка писала записки и просила меня отнести их рано утром, перед работой. Я, конечно, выполняла её просьбу, но однажды, опаздывая на работу, не успела дойти до храма, а бабушке сказала, что всё сделала. Эти записки с перечнем имён, написанных старческой рукой, и сейчас со мной. В списке имён «о упокоении» я нашла и имя Февронии рядом с именем моего прадеда Павла. Воистину, Господь всякое зло обращает во благо!

Наталья Васильевна свято исполнила волю умирающей, вырастила и Тимофея, и Ольгу. Она опекала малышку по-особому нежно, явно выделяя её среди других членов семьи. Отец (Павел) вскоре снова женился, родились две девочки, Елизавета и Валентина, сводные сёстры моей бабушки. Мачеха попала с суровым, неуживчивым характером. Ольга Павловна, рассказывая о ней, никогда не называла её по имени, только «мачеха». Ольга не любила

молока, а бабушка Наталья Васильевна очень хотела, чтобы внучка его пила, ещё и потому, что в семье была угроза заболевания туберкулёзом. Чтобы заставить ребёнка съесть молочное, Наталья Васильевна делала топлёное молоко в глиняном горшочке в русской печи. Только тогда маленькая Оля соглашалась его выпить. Мачеха всегда ворчала: «Вот, балуешь свою неженку!». Оно и понятно: ревность к падчерице, да и не больно-то пощипуешь с четырьмя детьми. Наталья Васильевна заботилась о внучке и во взрослом возрасте. У Ольги были густющие волосы. Так бабушка мыла ей голову до 18 лет, иначе эту копну волос было не прополоскать.

Жизнь семьи Головановых во Владивостоке была трудовая и небогатая. Ольга Павловна вспоминала, что летом ходили босиком (на всех обуви не напасёшься), поэтому передвигались то на цыпочках, то на пятках, не наступая на пораненные места. Плавали в речке с помощью наволочки (вместо резинового круга): туго накрахмаленную наволочку закручивали по углам несколько раз, она превращалась в пузырь, который и держал на воде какое-то время.

Благодаря тому, что все жили и работали вместе, удалось создать довольно крепкое и успешное предприятие по перевозке грузов. Дела шли в гору. Все годы после переселения во Владивосток дед Савелий мечтал жить большой крепкой семьей в новом хорошем доме. За несколько лет он его построил. Однако установление Советской власти на Дальнем Востоке в 1922 году перечеркнуло все планы. В одночасье были упразднены частная торговля и частное предпринимательство. Моментально исчезли все товары, даже хлеб надо было получать по карточкам. Причём все, от стариков до маленьких детей, должны были являться лично и стоять в длинной очереди. И вот большая семья Головановых, где все привыкли работать, добиваться всего своим трудом и никогда ни у кого ничего не просить, должна была являться с карточками за хлебом. Получая в руки кусок хлеба, Наталья Васильевна, моя прапрабабка, жена Савелия, плакала и говорила: «Раньше нищему больше подавали!».

В один прекрасный день к Савелию пришёл верный человек и сказал: «Вас собираются раскулачить. Если не хотите остаться нищими, да ещё и сосланными неизвестно куда, разделите хозяйство между членами семьи». Дед, скрепя сердце, так и сделал.

А тут ещё новая напасть. Старинный знакомый Савелия донёс на него, что тот является эксплуататором и мироедом, потому что в хозяйстве были наёмные работники. Готовый дом отобрали, и вскоре в него вселился автор доноса (для чего он и был написан).

Дед Савелий был одним из тех тружеников, на которых держалась Россия. Даже пьянство, эта извечная русская «слабость», его миновало. Иногда, правда, выпивал, и тогда пел, а потом ложился спать. Проснувшись, спрашивал с волнением:

- Я не сильно вчера буянил?
- Нет, дедушка, ты пел.
- А что я пел?
- «Шумел, горел пожар московский...»
- Ну, это я сильно хлебнул!

Совсем недавно я выяснила, что это за песня. Это народная песенная переработка баллады поэта и драматурга Николая Соколова «Он». Авторский текст, сокращённый до шести куплетов, повествует о событиях 1812 года.

Наполеон наблюдает пожар Москвы и размышляет об обречённости своего похода в Россию и о своей собственной судьбе. Вот последний куплет этой песни:

*Судьба играет человеком.
Она изменчива всегда,
То вознесёт его высоко,
То бросит в бездну без стыда.*

Какая страшная ирония судьбы в этих словах! Мог ли дед Савелий представить себе, как впрямую коснётся его это грозное предупреждение! После описанных событий он прожил недолго.

Главой семьи был, конечно, дед Савелий, а её духовным центром – Наталья Васильевна. Неграмотная крестьянка, она обладала удивительным душевным тактом и какой-то глубинной мудростью. Очевидно, то воспитание, которое она получила до двенадцатилетнего возраста, когда внезапно умерли родители, держало её всю жизнь и позволило справиться с трудностями, неподъёмными для современного человека. Я всё время думаю: в чём секрет наших предков? Откуда черпали они силы, физические и духовные? Почему нам, сегодняшним, даже подумать страшно о том, что они вынесли? Очевидно, источник силы в стихийном правильном семейном воспитании, основанном на вере. Наталья Васильевна не прочитала ни одной книги по педагогике, просто потому, что не умела читать, но свет и сила её души распространялись на несколько поколений, и в прошлое, и в будущее. Я, её праправнучка, всматриваясь в обрывочные сведения о её жизни, напитываюсь энергией, житейской стойкостью, милосердием.

Наталья Васильевна была глубоко верующим человеком, молилась, соблюдала посты, ходила в церковь на службы. Бабушка Ольга Павловна вспоминала, как на Пасху Наталья Васильевна пекла огромное количество куличей на всю семью и для родственников. Правда, к концу жизни вера её подверглась испытанию. Она увидела, как священник полез на крышу своего дома, чтобы починить кровлю. Был он, конечно, не в облачении, а в брюках. Почему-то это произвело такое негативное впечатление на Наталью Васильевну, что она после этого почти перестала посещать местный храм. Видимо, процесс утраты церковью своих позиций у верующих, даже таких чистых сердцем, как Наталья Васильевна, развивался стремительно. К чему это привело, мы хорошо знаем.

Во всём остальном она оставалась прежней милой, доброй старушкой. Мой дед, Евгений Петрович Желтовский, очень любил Наталью Васильевну. Приходя к ним в дом, он всегда обнимал её, целовал в обе щеки, называл «бабулечкой». Евгений Петрович говорил о Наталье Васильевне: «Её можно посадить за стол в самом изысканном обществе, и она будет там на месте, не оскандалится».

Речь Натальи Васильевны, так же, как и героини рассказа «Бабка», была пересыпана пословицами, поговорками, острыми выражениями народной мудрости. Например:

«Кусочек с коровий носочек» или «ломоток фунтиков с пяток» (про очень большой кусок);
«Работай – мёрзни, ешь – потей»;
«Серёдка сыта – и концы играют»;
«Бог напитал – никто не видал»;

«Нельзя комиссару без штанов: хоть худенькие, да голубенькие»;
«Гром гремит, земля трясётся – наша курица несётся»;
«С такой рожей не пускают на суд Божий».

Внучка Ольга иногда спрашивала её:

– Бабушка, ну, почему у тебя всё болит? Вот у меня ничего не болит!
– Подожди, внученька, со временем поймёшь. Ты будешь такая, как я, вот я уже не буду такая, как ты.

Кстати, недавно я узнала, что слова «бабушка», «бабка», «баба» произошли от древнеславянского глагола «баять» – говорить, рассказывать. Таким образом, именно женщине отводится важнейшая роль обучения ребёнка родному языку, передачи ему устного культурного наследия. Недаром евреи определяют национальность ребёнка по матери: какие песни, сказки, потешки ты слушал в детстве, к той нации и принадлежишь.

Я иногда думаю: Наталья Васильевна помнила многое из того, что передали ей родители, поэтому речь её была такой живой и образной. Моя бабушка Ольга Павловна помнила многое, но не всё, следовательно, ещё меньше передала мне, своей внучке. Причём для них это богатство было естественно, как дыхание, а для меня уже – фольклор. Что же я передам своим дочерям? Жалкие остатки былой роскоши родного языка, да и то в моих устах эти перлы звучат уже искусственно, нет в них настоящей жизни. Видимо, чем дальше от корней, тем больше эти изумительные выражения теряют свою первоначальную красоту, превращаются в гербарий, коллекцию бабочек. Даже у талантливых писателей, ставящих своей целью закрепить на бумаге ускользающую красоту и мудрость родного языка, крайне редко получается это естественно, и, скорее, вызывает раздражение своей нарочитостью, чем благодарное удивление у читателей.

Лучше всего удаётся передать народную речь литераторам – интеллигентам в первом поколении, выросшим в гуще этого живого языка, впитавшим его с детства. Так, писатели-деревенщики Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Шукшин, сами переживали переход из одного сословия в другое и, конечно, фиксировали, как меняется речь человека в процессе этого перехода, когда он уже «в селе не Селифан», а «в городе не Богдан». Самый яркий пример – рассказ Ф. Абрамова «О чём плачут лошади», а также сценарий и снятый по нему фильм В. Шукшина «Печки-лавочки». Только хорошо зная жизнь и быт народа, писатель может в уста своих героев живую народную речь. Иначе – «Инда взопрели озимые...», – как едко высмеяли таких «творцов» И. Ильф и Е. Петров в «Золотом телёнке».

Возвращаясь к жизнеописанию Натальи Васильевны, надо сказать, что ей выпала долгая насыщенная событиями жизнь. Она успела выдать замуж свою любимую внучку Ольгу и дожидаться появления правнука Ванкарэма. Ей удалось понянчить его несколько лет. Наталья Васильевна души не чаяла в правнучке, выполняла все его прихоти. Так, если ребёнок капризничал, не хотел есть, то к окну подводили корову. Единственное, что огорчало Наталью Васильевну – это имя правнука. Она никак не могла его запомнить и выговорить. «Маркарюшка, Варкарюшка – тьфу, всё не то!». Однажды пришла домой счастливая:

– Знаете соседского мальчика Новика?
– Ну, знаем.
– А знаете, как его на самом деле зовут? Новый Мир Иванович!

Наталья Васильевна чуть-чуть не дожидая до рождения правнучек Наташи и Светланы в 1939 году, но знала, что внучка Ольга ждёт ребёнка (правда, не знала, что близнецов, а то бы сильно беспокоилась и жалела свою внучку). Наталия, моя мама, была названа в честь своей прабабки, унаследовала её жизненную силу и выносливость. Говорят, все прабабушки попадают в рай. Упокой, Господи, душу рабов твоих Савелия и Наталии и пошли им Царствие небесное!

О природе любви

Меня воспитывали бабушка с дедушкой, родители моей матери, Евгений Петрович и Ольга Павловна Желтовские. По существу, я была их последним, четвёртым ребёнком. Это определило всю мою судьбу.

К тому моменту, как я уже могла отделять себя от ядра семьи и смотреть на семейные устои со стороны, дед с бабушкой уже прожили в браке больше сорока лет, вырастили троих детей. Из-за работы деда, а главное, из-за особенностей его характера их жизнь напоминала аттракцион «американские горки»: дедовы полярные экспедиции, война, эвакуация, длительные заграничные командировки, авария в Антарктиде, где дед чудом избежал гибели. У бабушки было очень много оснований и гордиться мужем (вся грудь в орденах), и быть ему благодарной, и обижаться на него (рисковал собой без оглядки на семью).

Центром семьи был дед, а её стержнем – бабушка. На ней держался весь дом, не только в бытовом, но и в моральном смысле. А в доме том было аж девять человек: муж с женой, трое своих детей, их супруги и я, первая внучка. Дом был очень открытый, хлебосольный, часто приходили гости, и люди старшего поколения, и студенческая молодёжь. Мои родители, студенты

Евгений Петрович и Ольга Павловна Желтовские

медицинского института, учились в одной группе с несколькими иногородними, приехавшими из глубокой провинции, из деревни. Какую-то помощь из дому они получали, жили в общежитии, но целиком зависели от стипендии. Одна тройка – и ты полгода голодаешь! Над такими бедолагами студенты-москвичи брали шефство, подкармливали их, приглашая на домашние обеды. И вот, представьте, к своему «колхозу» прибавлялось ещё несколько нахлебников. Накормить досыта такую ораву было непросто, и бабушка готовила, варила и пекла как фабрика-кухня. А ещё стирала, убирала, гладила, ходила по магазинам. Её заботы хватало на всех. Как-то она обратилась к своему старшему сыну, Ванкарэму: «Ремочка, а почему ты не приглашаешь к нам своих друзей? Приводи. Не беспокойся, я пирогов напеку, голодными не останутся!» Ванкарэм в то время учился на вечернем факультете авиационного института и работал на авиационном заводе. «Что ты, мама, – отвечал он. Если бы ты только знала, в каких условиях живут мои ребята! Я никому не могу сказать, что у нас отдельная трёхкомнатная квартира!» То, что эта квартира, по сути, многосемейное общежитие, остаётся за кадром. Многие в конце пятидесятых жили ещё в деревянных бараках без всяких удобств.

Вас, наверное, заинтересовало странное имя «Ванкарэм»? Имя, действительно, уникальное и историческое. В 1933 г. Евгений Петрович Желтовский участвовал в тяжелейшей арктической навигации. У мыса Ванкарэм ситуация оказалась особенно опасной, моряки чудом остались живы и ценой невероятных усилий спасли судно. Дальше цитирую по книге Ванкарэма Евгеньевича Желтовского «Пар на марке»: «Я родился 31 декабря 1933 года, когда отец был ещё в море. После такого сложнейшего рейса, в память о тяжелейших событиях у мыса Ванкарэм, когда жизнь всех участников плавания была на волоске, отец назвал меня, своего сына, Ванкарэмом... Насколько мне известно, я являюсь единственным обладателем такого имени». «Ванкарэм» на местном диалекте означает «восход солнца». Между прочим, своих дочерей-близнецов, родившихся в 1939 г., дед хотел назвать «Индибирка» и «Колыма», тоже в память о своих арктических походах, но, встретив сопротивление жены, остановился на человеческом варианте: Наташа и Света.

Всё огромное семейство было накормлено и одето благодаря стараниям Ольги Павловны. Для того чтобы все были сыты, а семейный бюджет не расплылся по швам, бабушка готовила невероятное количество хлебобулочных изделий, пирогов, блинов, булок и т.д. А для этого требовалось много муки. С мукой же, как, впрочем, и с любыми продуктами питания и товарами, постоянно были перебои. Гонка вооружений, как ненасытный Молох, сжирала львиную долю государственных расходов, а вдобавок СССР содержал многочисленные «коммунистические» и «народно-демократические» режимы по всему миру. Вот, например, какую частушку сложил народ после победы «барбудос» (бородатых) под предводительством Фиделя Кастро на Кубе:

*Ладушки-ладушки, Куба ест оладушки,
А у нас, у дураков, ни блинов, ни пирогов.*

Всё мое раннее детство прошло с бабушкой в очередях. Ведь помимо «доставаания» продуктов (слово «купить» как-то вышло из лексикона), на ней ещё был маленький ребёнок. Помню снежную, морозную зиму, длинную очередь людей в тёмной одежде, стоящих за мукой, и себя двухлетнюю, с лопаткой и ведром, копошащуюся в снегу неподалёку. А потом мы с бабушкой на

санках тащим эту муку домой. Погуляли!

В семье Евгения Петровича называли «дедом» все, от мала до велика, как старшего по возрасту и главу семейного клана. Его жизнь вместила четыре войны (гражданскую, финскую, Великую Отечественную и японскую), участие в нескольких полярных экспедициях, руководство судостроительной и судоремонтной отраслью огромной страны. Он стоял у истоков Северного морского пути, неоднократно участвовал в качестве старшего механика в испытаниях ледоколов. По старой флотской традиции старший (главный) механик на судне называется «дедом», потому что, чтобы заслужить эту судовую роль (должность), он обязан проплавать на судне не один десяток лет.

Дед обращался к бабушке: «мать». Когда в молодости я слышала, как какой-нибудь мужчина говорит о жене «мать», «мама», мне это казалось пошлостью и бескультурьем. Став старше, я поняла, что, наоборот, это выражение уважения и признательности. Это как большие звёзды на погонах. А потом, к тому времени, как женщина заслуживает такое обращение, она, как правило, становится для мужчины и матерью его детей, и заменяет, скорее всего, его уже умершую мать. Есть в русском языке ещё слово «большуха», обозначающее старшую женщину в доме, хозяйку. Хорошее слово, ёмкое. Интересно сравнить его со словом «большевик» и «большевичка». «Большуха», конечно, лишено какого-либо политического контекста, обозначает оно высшее положение в семейной табели о рангах. А слова «большевик» и «большевичка» – принадлежность к более радикальному крылу РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии). Разделение на «большевиков» и «меньшевиков» произошло в 1903 г. на II съезде РСДРП по вопросам программы и устава партии. Большая часть депутатов во главе с В.И. Лениным стали называть себя большевиками, партия впоследствии превратилась в ВКП(б) – Всероссийскую коммунистическую партию (большевиков). В нашей семье сохранился прекрасный документ эпохи, наглядно демонстрирующий «единство и борьбу противоположностей», соотношение «большевика» и «большухи».

В середине тридцатых годов Евгений Петрович учился в Академии водного транспорта в Ленинграде. Среди преподаваемых предметов было очень много идеологических дисциплин: история ВКП(б), марксистско-ленинская философия, политэкономия, научный коммунизм. Курсанты Академии изучали и конспектировали огромное количество работ Ленина и Сталина. Бабушка рассказывала, что дед частенько засыпал, читая очередной идеологический учебник, но на следующий день сдавал предмет на «отлично». Из редких замечаний деда в моём присутствии я сделала вывод, что он был очень невысокого мнения о засилье идеологии, вдалбливания в голову политграмоты. Говорил: «На судне два бездельника: кот и “помпа”» (помполит, помощник капитана по политической работе среди наличного состава. Ещё одно значение слова «помпа» – водяной насос – Е.П.). Кстати, по окончании Академии он получил диплом с отличием.

Так вот, сохранилась тетрадь, в которой курсант Желтовский конспектировал работу В.И. Ленина «Две тактики...» и речи И.В. Сталина. Экзамен был сдан, а в тетради оставалось ещё много чистых листов, и дед отдал её бабушке. А уж бабушка использовала её для гораздо более насущных вещей: выкройки, кулинарные рецепты, узоры вязания. Листаю тетрадь, как будто слышу пульс того времени: «т. Сталин говорил на митинге: нам нужны три вещи: вооружение, вооружение и ещё раз вооружение»; «Перманентная революция Троцкого есть отрицание сил и возможностей пролетариата и крестьянства».

И на следующей странице: «Курточка для мальчика», «Спинка блузы “японки”», «Рыба под соусом бешамель», «Куличичи». Этими записями Ольга Павловна пользовалась долгие годы, потом в тетрадь вписывали рецепты следующие поколения хозяек. Такие вот две тактики. Между прочим, в Москве есть кондитерская фабрика «Большевик» и швейная фабрика «Большевичка».

Дед имел характер весёлый, озорной, но иногда его шутки были пересыпаны морской солью, и на непривычного человека действовали ошеломляюще.

Бабушка вспоминала: дед выдавал ей деньги на хозяйство и никогда не требовал отчёта, знал, что жена – хозяйка предельно рачительная. Как-то вечером бабушка попросила: «Женя, у меня деньги кончились!». Дальше разговор переключился на что-то другое. Утром Евгений Петрович ушёл на службу, Ольга Павловна хватилась, а денег нет. Звонит ему на работу:

- Евгений, я же тебя просила оставить мне денег!
- А ты постель стелила?
- Ну, стелила, я тебе про деньги говорю!
- Нет, ты постель стелила?
- Да стелила, при чём тут постель?
- А ты ещё раз постели.

Бабушка перестелила кровать и нашла под подушкой несколько купюр.

Вообще, в их жизни была масса случаев, когда чувство юмора и находчивость деда спасали ситуацию.

В 1956 г. Евгений Петрович участвовал во Второй Антарктической экспедиции на дизель-электроходе «Лена» в качестве главного механика. В ходе экспедиции произошла авария: обвалился береговой морской лёд, на который выгружали грузы для зимовщиков Мирного. Около 20 членов команды упали с большой высоты в ледяную воду, в том числе и дед. Несколько человек погибли. Евгений Петрович выжил, но получил переломы костей таза. Дальше цитирую по книге «Пар на марке»:

«В день трагедии в Антарктиде к матери домой пришёл Н.Г. Быков и кто-то из кадровиков ММФ (Министерства морского флота – Е.П.). Мать открыла дверь, увидела официальные лица и спросила: "Жив?". Сказали, что Евгений Петрович жив, что случилась авария на "Лене" и что вечером в последних известиях будет сообщение.

Когда Дед пришёл в себя, он послал домой радиogramму: "Ударился ж..ой об Антарктиду. Антарктиде – ничего, ж..е – больно". Мать, прочитав радиogramму, сказала: "Раз юмор в порядке, значит выкарабкается"».

После аварии всю оставшуюся жизнь дед ходил с палочкой, и конечно, чувствовал постоянную боль, но продолжал плавать и даже ездить на велосипеде.

С 1958 по 1968 гг. Евгений Петрович находился в командировке в Финляндии, где по заказу СССР строилась целая серия ледоколов, в качестве Главного наблюдающего со стороны Заказчика. Рядом с ним находилась его верная жена. Интересно, что именно Ольга Павловна выбрала Финляндию как место командировки. Изначально деду предложили на выбор Финляндию и Италию, где, очевидно, тоже был размещён крупный заказ Советского Союза. Он ответил, что должен посоветоваться с женой. «Конечно, Финляндия, – не раздумывая ни секунды, ответила Ольга Павловна. – Близко к Москве, можно будет посылать посылки детям домой». Дед не возражал, ведь работа предстояла необычайно интересная. Он сам подбирал в Москве толковых

инженеров. Эти молодые здоровые мужчины потом приходили в Хельсинки домой к Желтовским и доверительно просили Ольгу Павловну: «Уймите вы Евгения Петровича! Мы думали, что поедем в Финляндию наслаждаться жизнью, а получилось, что вкалываем от зари до зари. Евгений Петрович себя не жалеет, и нас не щадит».

Ольга Павловна тоже работала не покладая рук. Дома, в Москве, остались трое её детей (сын и дочери-близнецы), их супруги, а потом появилась и я, первая внучка. Всю эту команду Ольга Павловна считала своим долгом обшивать и обвязывать, благо умела она это делать с большим вкусом. Каждая модель производилась в двух, а то и в трёх экземплярах: для двух дочерей, сына и двух зятьёв. Как писал Л. Филатов в сказке «Про Федота стрельца, удалого молодца»:

*Ай да ухарь! Ай да хват!
На скольких же ты женат?
Али ты сосватал сразу
Цельный ткацкий комбинат?*

Из Хельсинки в Москву постоянно ездили советские специалисты, и с ними можно было отправить очередную посылку. Как-то Ольга Павловна трудилась над изготовлением двух вязаных комплектов для дочерей, состоящих из свитера, шапочки и варежек. Образец очень сложного узора под названием «Северное сияние» она купила в магазине, но ей не понравилось цветное решение, и она изменила его по своему вкусу. Получилось необыкновенно красивое сочетание из пяти цветов, при этом модель вязалась очень сложно: ошибёшься в одной петле – всё переделывай! (По секрету скажу, я как-то пыталась вязать узор из трёх цветов – замучилась!). Работать надо было быстро, чтобы успеть передать посылку через знакомых. Первый комплект получился довольно скоро, а на втором бабушка забуксовала. А время поджидает! И она почувствовала такое отвращение к своей работе, что сказала деду:

- Я сейчас всё это ножницами изрежу!
- Да ты что, Оля! Такая сумасшедшая работа! И ты уже столько сделала!
- Нет, не могу больше! Сейчас всё уничтожу!
- Подожди! Я твою работу у тебя покупаю. Сколько ты за неё хочешь?
- Интересно, на какие деньги? Ты ведь мне всю зарплату отдал!
- А это не твоя забота. Сколько стоит?

В общем, вывел Евгений Петрович жену из состояния ступора, она успела довязать всё к сроку, и доченьки блистали в новых костюмах на лыжне Подмосковья.

Надо отдать должное Ольге Павловне, она тоже могла проявить находчивость в критической ситуации. С 1945 по 1951 год Евгений Петрович работал в Китае в городе Дайрен или, как называли его советские специалисты, городе Дальнем. На базе местного завода «Дайрен-Док» было решено создать ремонтную базу для нашего флота, и Е.П. Желтовский был назначен директором этого завода. Вместе с ним была его семья. Жили в большом доме, окружённом участком земли, вместе с двумя слугами-китайцами. Работать, как всегда, приходилось очень много, в буквальном смысле днями и ночами (так тогда работал весь советский управленческий аппарат, подстраиваясь под режим «отца народов» – И.В. Сталина). Однажды Евгений Петрович приехал домой глубокой ночью на служебной машине. На работе ему, очевидно, пришлось поучаствовать в каком-то банкете. От усталости и принятой дозы

алкоголя он крепко заснул на заднем сиденье машины. Ни шофёр, ни китаец Кам не могли разбудить хозяина. Пытались вытащить его из машины, но не хватило сил: Евгений Петрович был достаточно крупным мужчиной, в шинели с сапогами весил больше 100 кг. Тогда Ольга Павловна подошла к машине и громким голосом скомандовала: «Евгений, что за безобразие? Ну-ка встать немедленно!». Евгений Петрович тут же вскочил и на автопилоте пошёл в дом. Кам, который немного говорил по-русски, потом, хохоча, рассказывал эту историю: «Пако (полковник – Е.П.) спит. Кам так, и так – никак. Мадам: "Гав-гав-гав!". Пако встал и пошёл!».

После аварии в Антарктиде врачи сказали деду, чтобы он забыл о юге и что для отдыха ему подходит только средняя полоса России. Так в нашей жизни появилась дача в Подмосковье, в посёлке Купавна. Тут в полной мере проявились все таланты деда, и организационные, и созидательные. Объединив усилия большой и разнопёрной семьи, он построил красивый двухэтажный дом, напоминающий величественный корабль. На протяжении нескольких десятилетий этот дом выделялся среди соседних дачных домиков своими размерами и статью. Только в середине 2000-х вокруг стали появляться дома нового поколения, сопоставимые с дедовым творением. Как говорится, «пришли иные времена, взошли иные имена». На участке у Евгения Петровича была мастерская, где он проводил долгие счастливые часы. Летом 1970 года, к шестидесятилетию Ольги Павловны, дед соорудил на даче душ с горячей водой. Сегодня, из 2018 года, невозможно объяснить, какое это было достижение! Водяной бак отапливался дровами, напор воды был очень небольшой, но радости нашей не было предела! Приходили мыться все соседи, и все благодарили Евгения Петровича. Не знаю, можно ли представить такие отношения сегодня! К деду постоянно обращались с просьбами что-то починить, одолжить инструмент. Он выполнял все просьбы с удовольствием. Строительных материалов в продаже не было почти никаких, и мы вместе с ним ездили на велосипедах по помойкам и выискивали железный лом. Потом дед всё это очищал от грязи и ржавчины, расклёпывал, кроил кровельными ножницами, гнул трубы на специальном станке, нарезал резьбу. В умелых руках деда эти выброшенные железяки превращались в новые, удобные, красивые вещи. Так, из абсолютно бросовых материалов он сделал маленькую тачку. Сам Евгений Петрович садово-огородными работами на даче не занимался, это была не его стихия, да, наверное, и не мог из-за травмы. Тачкой пользовалась, в основном, Ольга Павловна, хотя и ей это было тяжело. Как-то она нагрузила полную тачку удобрений и с трудом везла её мимо мастерской. Увидев деда, остановилась и вздохнула: «Вот, совсем ты меня не любишь!». Дед заплакал и ушёл в мастерскую. Потом вышел и сказал: «Как же я тебя не люблю? Ты посмотри, какую я тебе тачечку сделал!».

Вообще, таких трудяг, как Евгений Петрович и Ольга Павловна, я редко встречала. Дед говорил бабушке: «Если бы ты работала в колхозе, то была бы Героиней Социалистического труда!». И в этой шутке было очень мало шуток.

Последние несколько лет они жили на даче с мая по сентябрь, сколько позволяла погода, но дед мечтал, что будет жить за городом круглый год. Ради этого он решил сделать в дачном доме паровое отопление. Речь шла об автономной системе с паровым котлом, трубами и батареями. Знаний и опыта у Евгения Петровича было достаточно, а вот ресурсов и физических сил – не

очень. Работа была большая, и за одно лето дед не управился. Работал-то совершенно один! И вот, следующей зимой, наверное, в мои школьные каникулы, дед, бабушка и я приехали на дачу, где он продолжил строительство. Очевидно, это был самый грязный этап работы. Евгений Петрович выкладывал из кирпича котёл отопления. Тут требовался цемент, а также пиление и сверление кирпича. И вот, представьте: зима, холод, вода – растопленный снег, единственная обогреваемая комната – там, где идёт строительство. Туалет на улице, помыть посуду – проблема. Любая другая женщина наотрез отказалась бы терпеть такие неудобства, а бабушка всё терпела. Не знаю, верила ли она в успех этого проекта, но ни единым словом не упрекнула деда, что ей приходится сидеть в холоде и грязи и спать на стройплощадке. Через много лет, вспоминая это время, я поняла, что «любовь – не вздохи на скамейке», что настоящая любовь не ищет своего, она всегда жертвенна.

Самое поразительное, что к следующей осени паровое отопление на даче заработало! Нельзя сказать, что оно превратило летний дачный дом в пятизвёздочный отель, но теплее, точно, стало.

В середине 70-х, когда дед тяжело заболел (рак лёгких), я наблюдала высшую фазу их отношений как существования единого целого. Как в Библии сказано: «Да будут двое плотью единой». Они вместе боролись со смертельной болезнью. Для бабушки дед из бесстрашного морского волка превратился в страдающего ребёнка, и она сконцентрировала на заботе о нём все бездонные запасы своего любящего сердца. Ольга Павловна предугадывала желания мужа, готовила его любимые блюда, каждый день ездила к нему в больницу через весь город, когда он проходил курсы радиотерапии. Ночью она почти не спала из-за его приступов кашля. Окна нашей квартиры на Соколе смотрели прямо на Ленинградский проспект. Приближалось 7-е ноября, годовщина Октябрьской революции, главный праздник страны Советов. Из года в год на нашем балконе к празднику крепилось огромное красное знамя. Обязанность украшать дом была возложена на завод «Изолятор», находящийся напротив. Приходили дюжие молодцы, шли по паркету в грязной обуви и украшали действительность. За много лет никому даже в голову не приходило не пустить их в квартиру. Евгений Петрович лежал как раз в той комнате, где был балкон, предназначенный для знамени. Из-за больных лёгких дед чувствовал любое дуновение холодного воздуха, и окна были плотно заклеены. Когда появились «господа оформители», Ольга Павловна объяснила, что в комнате лежит очень больной человек, окна законопачены, поэтому пустить их в квартиру она не может. Предложила установить знамя снаружи, со стороны проспекта. На переговоры с ней пришёл главный инженер завода, страшно разгневанный такой фрондой. В ходе дискуссии он сказал что-то о политической несознательности. Не знаю, что конкретно ответила ему наша бабушка-одуванчик, но дяденька вылетел из квартиры как пробка из бутылки. Больше Ольгу Павловну не беспокоили, а знамя установили, как она и предлагала, с улицы.

Деда не стало в 1977 г. Первое время бабушка жила как в бреду, потом погрузилась в апатию и, казалось, медленно угасала. Очнулась она только в 1986 г. с появлением правнучки Александры. В 76 лет встала и впряглась в воз ежедневной круговерти, связанной с появлением маленького ребёнка. Помню, летним вечером на даче, я, молодая мамочка, смертельно уставшая, вдруг слышу от неё:

– Жень!
 – Ну, что?
 – Посмотри, какой закат!
 «Вы, нынешние, ну-тка?», как говорил Фамусов в «Горе от ума».

Незадолго до своей смерти в 1996 году бабушка рассказала мне о странном видении. Ей явился покойный Евгений Петрович. Он стоял в углу комнаты, усталый, исхудавший, в потрёпанной одежде. Спросил: «Ну, как ты живёшь?». Ольга Павловна ответила: «Плохо, Женечка, хочу к тебе». «Терпи, мать», – только и сказал он и исчез. Бабушка настаивала на том, что это был не сон, не галлюцинация, а именно видение. Вечером того же дня я была в Большом театре. Давали «Жизель». Во втором акте балета действие происходит на кладбище, у могилы Жизель. Духи умерших обманутых девушек – виллисы – кружат в вихре лесника и принца с целью погубить их, отомстить за поруганную любовь. Дух Жизели спасает принца от гибели.

Оснований не верить бабушке у меня нет.

Тогда я ещё не умела молиться об усопших, не понимала, как важна эта молитвенная связь между их и нашим миром. Но уже тогда я ясно почувствовала, что эта связь существует, что мы можем и должны помогать друг другу, хотя и находимся в разных измерениях.

Евгений Петрович и Ольга Павловна были очень разные люди и по происхождению, и по характеру, и по образованию. Но совместная их жизнь была обречена на успех, потому что в основе её лежали семейные ценности. И оба жили по принципу «Блаженнее давать, чем получать». На протяжении их долгой жизни вокруг них грелось огромное количество людей. Помогали совершенно бескорыстно, следуя потребности души. При этом оба были людьми очень практически, крепко стояли на земле, умели и любили трудиться.

Светлая память им обоим, низкий поклон!

ПОЭЗИЯ

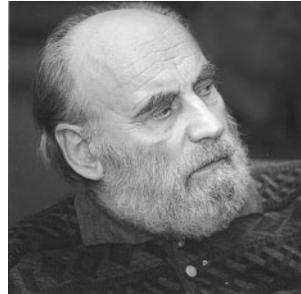
Юрий БОГДАНОВ

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий «Джюльетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Ю.Н. Богданов секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Знаки зодиака (Белые сонеты)

Козерог

Рос Козерог на Крите рядом с Зевсом
И был воспитан, вскормлен вместе с ним:
Захвачен также пламенной борьбой
За власть над всей Землёй и Небом.

Зевс победил отца, став властелином мира,
И Козерог помощник первый был,
Не понимая, прав ли властелин
И что несёт он будущим народам?

Какую жизнь? Божествен ли сам бог?
Добро и зло в смертельнейшем сраженье
И кто кого сумеет победить?

Но громовержец превратил его
В ярчайшее созвездье Козерога
За помощь мягкотелого слепца.

Водолей

Девкалион – небесный Водолей –
Сын Прометея, разуму послушный,
С женою Пиррой девять дней блуждал
Над стонами всемирного потопа.

Их пожалел немилосердный Зевс:
Пригнал корабль к чуть видимой вершине
Горы Парнас. Оставил их одних
На всей Земле среди пустыни мёртвой.

И страх объял! Гермес – посланец Зевса
Спросил: Что надо? Был ответ: людей...
– Спускайтесь вниз, вослед бросайте «кости».

Пошли, бросая за спину камня,
Что в женщин и мужчин прекрасных превращались:
Жизнь потекла, как звёзды Водолея.

Рыбы

Приама брат, прекраснейший Титон,
Был обречён богами на бессмертье,
На старость вечную. Но вспыхнула любовь
У старика к богине Афродите.

Шла по лугам и, где она ступала,
Цветы всходили, воздух молодел,
Вела за ручку шалуна-Эроса,
Стреляющего стрелами любви.

Титон рванулся вслед за Афродитой...
Испуганная – стала убегать
И вместе с сыном бросилась в Евфрат,

Вмиг превратясь в небесных светлых рыб,
Любовью связанных, как звёздной пуповиной,
Плывущих в поисках друг друга во вселенной

Овен

Овен, Нефелой посланный на Землю,
Чтоб Фрикса с Геллой от меча спасти,
Коварству, лжи и злобе вековой
Не увеличить жертвоприношений.

В иссушенных, прогнивших чёрных зёрнах
Таились завязь смерти роковой
И помутненье мыслей Атаманта –
Почти убийцы собственных детей.

Когда вели малюток на закланье,
Он ласкою к себе их приманил
И с ними улетел он в поднебесье...

И восторжествовала справедливость:
Он Этом в жертву счастьем принесён...
Пасть ему вовеки в звёздном поле.

Телец

Вот – похититель нежности – Телец:
Пленил Европу ласкою безумной,
Кода она с подругами в полях
Рвала цветы у города Сидона,

Он с песнями прекрасных Нереид
В морской простор умчал её неожиданно,
Сам Посейдон стихию укрощал
Пока на Крит не вышли из пучины.

И вдруг исчез! Пред нею Зевс предстал,
Возвышенный любовью неземною,
Предвидевший трёх сланных сыновей,

Воспитанных добром и красотою...
Любуются друг другом долгий век
Он и Европа в тишине Вселенной.

Близнецы

О Зевса сын – бессмертный Полидевк,
Средь аргонавтов смелых ты на равных
Ходил за золотым руном в Колхиду
И брат-близнец – всегда с тобою рядом.

Но умерщвлён он идовым копьём
И скорбь твоя вселенную объяла.
Ты проклинал бессмертие своё
И звёзды-слёзы сыпались в Аид.

И вечную ты молодость отверг:
День – на Олимпе жить, а день – в Аиде,
Но лишь бы вместе с братом дорогим.

Вы – близнецы! И братскою любовью
От бед храните путников Земли,
Стремящихся за истиною в космос.

Рак

О Геркулес, как со всемирным злом,
Сошёлся ты с Лернейской Гидрой,
Как молнии, на голову её
Посыпались твои лихие стрелы.

На помощь Гидре выполз чёрный Рак,
Чудовищной клешнёю впился в ногу...
Твой сводный брат, храбрый Иолай
Сразился с ним и одержал победу.

И Гидра навсегда умерщвлена,
Напоены лишь чёрной кровью стрелы,
Разящие худое на Земле.

И в назиданье нам горит созвездье Гидры,
А рядом Рак коварный притаился –
Исчадь зла и ненависти Геры.

Лев

О Лев Немейский – страха прародитель.
В сердца отважных ужас ты вселял.
От рёва всё живое цепенело,
Кровавая на мир спускалась ночь.

И начинались голод и болезни,
На выжженной земле – неурожай...
Надеялся, что будет бесконечно
Рождаться в душах раболепный страх.

Соперник ненавистный – Геркулес
Убил его и веру опрокинул
Ничтожеством в сладкий и всемогущий страх.

Но Зевсом он на небо вознесён,
Чтоб люди не забыли никогда
О подвиге великом Геркулеса.

Дева

О Персефона, дочка, отзовись,
В подземном царстве мрачного Аида
Тебе не жить без ласки Гелиоса,
Без песенок весёлых пастушков –

Так убивалась бедная Деметра:
Земля чернела, смерть грозила всем!
Зевс повелел вернуться на Олимп!
Без Персефоны не могла Деметра.

Тогда решил он: только года треть
Жить Персефоне в призрачном Аиде,
Но остальное время среди богов.

И ожила умершая земля,
И каждый год пред сбором урожая
В созвездье Девы мы Деметру ищем.

Весы

Богиня справедливости Дике –
Дочь громовержца Зевса и Фемиды
С весами точными, повязкой на глазах
Обходит вечно Землю и народы.

Несправедливость судей и людей,
Попраие всех писанных законов
Всё видит! И – выносит наказание
Всем: кто лицо и совесть потеряли.

Мы радуемся: Бог всего не видит,
Но на весах уже поступки наши...
И неизвестно: что же перетянет?

Дике идёт по звёздам, и весы
Дрожат в руке: хотя бы равновесье –
Дай Бог, добро бы зло перетянуло.

Скорпион

Вот Скорпион огромный, что гора,
Услышав бег крылатой колесницы,
Он выполз на дорогу. Фаэтон
Из рук поводья выпустил от страха.

Тот поднял жало смертное своё,
Чтоб от коней летящих защититься:
Те в ужасе мальчишку понесли
По бездорожью выгнутой вселенной.

К Земле летели в громе и огне
Испуганные кони Фаэтона...
Он с ними рухнул в воды Эридана.

Не виноват? Судьбу его клянут...
Созвездье Скорпиона освещает
Дорогу непослушным Фаэтонам.

Стрелец

Он – тень стрельца, премудрейший Кентавр,
Он взял на воспитание Ясона:
Пусть исцеляет праведных людей
От всех болезней и души, и тела.

Он аргонавтов поведёт в поход:
В далёкую, манящую Колхиду
И принесёт немеркнущую славу
Учителю на долгие века.

Ясон, Ахилл, Орфей и Эскулап –
Любимые его ученики,
Которым подарил любовь земную...

Трудов великих боги не забыли:
Прекрасное созвездие Стрельца
Несёт свой свет разумным, добрым людям.

Приятно знать, что у тебя есть амурский тигр...

Об этом нам ежедневно и по несколько раз на день любезно сообщает по российскому телевидению «ненавязчивая» реклама, с некоторых пор так плотно оседлавшая отечественного телезрителя, что практически любое телевизионное сообщение, будь-то политического, экономического, научно-популярного или спортивного и другого содержания, безоговорочно прерывается для того, чтобы сообщить «городу и миру» такие вечные истины как о необходимости сохранения популяции амурских тигров, о том, что движение – это жизнь, что самые вкусные колбасы и котлеты и притом из самого натурального мяса такого-то завода, что избавиться от головных болей, вздутия живота и всех других недугов можно как по мановению волшебной палочки с помощью таких-то таблеток и т.д. и т.п.

Тот же навечно вписавший себя в историю экологической науки и практики рекламатор сообщает всей стране, что популяция амурских тигров составляет 500 (пятьсот) особей и что об этих могучих и красивых животных проявляют заботу не только представители сохранившегося, слава Богу, небольшого коренного народа, но даже и сам Президент страны.

Хотя мне абсолютно не нравится заимствованная на Западе старая практика встраивания в любые телевизионные программы рекламы потребительских товаров (с которой я познакомился во время моей единственной служебной командировки в США в 1978 году), но я ничего не имею против истин, которые российское телевидение в непомерном количестве вываливает на наше сознание днём и ночью. Более того, мне пришла в голову сказочная мечта: вот хорошо бы мощь и энергию амурских тигров, пятнистых леопардов и прочих краснокнижных животных да способности всех наших учёных и «удивительных людей» (есть такая забавная воскресная телепрограмма) влить в экономику РФ, вот бы мы тогда зажили... И не

Анатолий Михайлович Курносов – родился 12 апреля 1928 г. в с. Большой Лог Краснодарского р-на Луганской области в крестьянской семье. Окончил Горный факультет Донецкого индустриального института. Доктор технических наук, профессор. Действительный член Российской Экологической Академии и Академии горных наук. Автор нескольких монографий по вопросам технологии и экономики горного дела, экологии и экономики народного хозяйства. Имеет общественные и государственные награды. В 1998 г. Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II награждён орденом св. и преп. Сергия Радонежского III степени. Ветеран Великой Отечественной войны (тыла), ветеран труда, член Совета Регионального Московского общества «Дети Великой Отечественной войны».

Живёт в Москве.

поглядывали бы на наших загнивающих западных «партнёров», играя привычно-опостылевшую роль классных двоечников с их обычной угрозой: «Вот если бы мы захотели, то все ваши успехи превзошли запросто». Но обычно у скромных двоечников то ли такое честолюбивое желание не возникает, то ли подобных банальных целей они перед собой не ставят.

И, ведь действительно, казалось бы, условия для научно-технического, экономического и духовно-культурного общественного прогресса у нас есть. Есть главное – талантливые и трудолюбивые люди, генетически стремящиеся к коллективному труду; есть немереные природные ресурсы, включая обширную территорию, хотя и преимущественно с суровым климатом; есть богатый исторический опыт, как положительный, так и отрицательный; есть неистребимое желание подавляющего большинства людей осуществить на Земле бессмертные идеалы православно-христианской жизни.

В поисках «живой воды» для российской экономики

Наш народ и наша страна переживают не совсем обычную историческую страницу своего бытия. Исполнилось 100 лет со времени первого акта поражения и самоубийства нашей Русской православной цивилизации – февральского и октябрьского государственных переворотов 1917–1918 гг.; почти 30 лет минуло после второго акта исторической драмы – самоубийства Советского Союза (Советской России), советской идеологии и созданного в Сталинскую эпоху Союза социалистических стран; почти 30 лет у власти в стране находятся праволиберальные прозападные силы и почти 20 лет у руля правления Российской Федерации стоит президент В.В. Путин.

Естественно стремление подавляющего большинства населения к оптимистическому стабильному (устойчивому) строю жизни, тем более что после названных выше «великих потрясений» – поражений положительные изменения, безусловно, были. Не случайно государственные СМИ пестрят сообщениями о внешнеполитических, военно-технических, спортивных и отдельных экономических успехах «Новой России» и её высшего руководства.

Естественно, к числу успехов РФ в сфере внешней политики, укрепления армии, суверенитета и обороноспособности, общественное мнение страны относит антитеррористическую операцию российской армии в Сирии, возврат Крыма в Россию, проведение всемирного футбольного чемпионата, развитие политических и экономических связей с Китайской Народной Республикой и многими странами Азии (в том числе бывшими советскими республиками Кавказа и Средней Азии) и других континентов. Как правило, все эти успехи внешнеполитического и местного военного характера население связывает с активной и плодотворной деятельностью Президента РФ В.В. Путина и в меньшей мере с законотворческой работой партии «Единая Россия», уже более 20 лет практически единовластно управляющей Федеральным Собранием РФ.

Можно по-всякому оценивать положительные явления в текущей жизни РФ, однако политический, социально-экономический и военный ущерб, нанесённый стране двумя государственными переворотами и насильственным разрушением Советского Союза в 1991–1993 гг., и последующее десятилетие ельцинских «реформ» под заботливым надзором американских консультантов по освоению-разграблению и перевариванию богатого советского наследия был столь огромным, что все положительные изменения периода путинского правления едва ли позволили не компенсировать, а лишь, по данным

госстатистики, смягчить потери. Многие эксперты, в том числе экономисты, утверждают, что экономика страны не только не выросла за этот период, а стагнирует на уровне 90-го года.

По мнению довольно известных публицистов Александра Нагорного и Николая Конькова, избранная властью РФ «социально-экономическая матрица... за последние 30 лет показала свою полную непригодность для развития российской экономики»¹. В подтверждение этой точки зрения авторы привели данные Всемирного банка о том, что за период 1990–2017 гг. ВВП Китая вырос в 19,81 раза, Мьянмы – в 15,79 раза, Мозамбика – в 10,42 раза, Лаоса – в 9,25 раза, Вьетнама – в 9,11 раза, Эфиопии – в 8,84 раза, Индии – в 8,57 раза, США – в 2,24 раза, РФ – в 2,16 раза. Среднемировые темпы роста за тот же период составили 3,43 раза.

Сравнивая показатели экономического развития РФ, Китая и стран мира, вошедших в десятку государств с наиболее высокими показателями развития экономик, авторы делают обоснованный вывод о том, что «выход из либерально-монетаристской матрицы не только назрел, но и перезрел».

Решительными сторонниками подобной точки зрения являются и многие другие известные члены и участники заседаний Изборского клуба (руководители А. Проханов и А. Нагорный). Так, профессор МГИМО Алексей Подберезкин акцентирует внимание экспертов клуба на всего лишь 2% доле РФ в мировом ВВП, тогда как на долю США и их союзников приходится половина мирового ВВП и около 1,5 млрд. населения. Доктор экономических наук Андрей Островский и другие упрекают власти РФ в недооценке опыта быстро развивающихся экономик Китая, Индии, Японии. Делясь впечатлениями о недавно происходившем Восточном экономическом форуме, академик РАН Сергей Глазьев не обошёл вниманием и общие, неоднократно обсуждавшиеся Изборским клубом и другими специалистами, перманентные, обрекающие на деградацию и застой недостатки финансово-экономической системы РФ. Из-за проводимой по рекомендации МВФ финансовой политики в российской экономике наблюдается хронический дефицит и крайняя дороговизна кредитного предложения, без которого рост экономической активности, инвестиций и торговли невозможен. С. Глазьев резюмировал общую оценку изменения российской экономики за весь послесоветский период следующими малоприятными словами: «...Наша страна стала экономической колонией ЕС и США, отправляя им миллиарды тонн сырья и миллиарды долларов, полученной от этого экспорта прибыли, импортируя взамен товары конечного спроса. В этом неэквивалентном обмене мы потеряли за постсоветские годы более триллиона долларов вывезенного капитала и уступили оффшорным инвесторам половину прав собственности на промышленные предприятия».

Из-за того, что Банк России упорно не желает создавать внутренний кредит, как это делают Центробанки других стран, а, наоборот, высасывает деньги из национальной экономики, управление её развитием перешло в руки зарубежных кредиторов и инвесторов»².

По мнению С. Глазьева, «китайское чудо» стало возможным благодаря системе управления созданной на основе «социалистической идеологии с применением рыночных инструментов регулирования экономики» государственного планирования, самой эффективной в мире системы валютно-финансового

контроля, блокирующей спекуляции на финансовом рынке и манипуляции с курсом национальной валюты, в сочетании с политикой внутреннего кредитования инвестиционной активности. Наряду с использованием китайского опыта С. Глазьев предлагает как можно скорее проводить «полную дедолларизацию экономики, включая банковскую сферу и торговлю». Предлагаемые меры (и удаление из властной вертикали прозападных агентов влияния) сделают реальным отказ от сложившейся ещё в 90-ые годы модели грабительской колониальной экономики, отвечающей интересам стран – победивших СССР в холодной войне и прислуживающих им отечественных олигархов – «новорожденной» компрадорской российской буржуазии и всякого рода воров и коррупционеров.

Эксперты Изборского клуба в большинстве своём считают китайскую систему перспективного планирования необходимым элементом современного развития и научно-технического прогресса. Так, доктор юридических наук Владимир Овчинский на одном из сентябрьских заседаний клуба заявил: «Социалистическое планирование – это и есть нормальное планирование XXI века, без которого никакая технологическая революция нигде невозможна. У нас в стране такого уровня планирование не существует, о нём никто не думает, социально-экономическая сфера – это вообще зона либерального хаоса»¹.

Красочно и эмоционально характеризует произошедшее изменение главного (социально-экономического) вектора цивилизационного развития нашей страны президент Академии геополитических проблем Леонид Ивашов. Он назвал это самоубийством. И добавил, что мы живём в РФ без официально объявленной государственной идеологии. Однако в реальности «у нас ультракапиталистическое олигархическое государство».

Перед современным капиталистическим миром – заявил Леонид Ивашов стоит перспектива выбора пути будущего развития только из двух возможных альтернативных позиций: «или социализм, или новый рабовладельческий строй с гибелью миллиардов людей и деградацией общественной структуры»².

Обращает на себя внимание озабоченность известных авторов (Яна Симчеры, Владимира Овчинского и др.) низким качеством официальной статистической информации. Отмечают совсем не случайный характер кампании по повышению значения, которое придаёт руководство КНР (особенно после XIX съезда КПК) идеологической работе и повышению исполнительской дисциплины. Темпы роста китайской экономики (до 7% в год) остаются одними из самых высоких в мире.

Тяжёлое наследие разгрома СССР и радикального изменения вектора социально-экономического развития РФ, наряду с несовершенством статистической информации, дало основание профессору МГИМО Алексею Подберезкину утверждать о том, что за 29 (1989–2017) лет «мы вернулись – и то лишь в целом, совершенно при иной структуре распределения национального дохода, при вопиющем социальном неравенстве – на уровень 1989 года... При этом у нас оказались угроблены целые отрасли производства, включая машиностроение (особенно станкостроение), производство электроники, автомобилей, шарикоподшипников, фармакологию – тут список на несколько десятков страниц»³.

¹ Александр Нагорный, Николай Коньков. Двойной удар по Pax Americana. «Завтра», № 37, сентябрь 2018.

² Сергей Глазьев. Евразийское партнёрство. «Завтра», №38, сентябрь 2018.

¹ Россия и глобальная нестабильность XXI века. «Завтра», №36, сентябрь 2018.

² Там же.

³ Там же.

Вышеприведённые точки зрения известных политических экспертов и публицистов подтверждают чрезвычайную актуальность и чуть ли не экзистенциальную сущность стоящих перед нашим обществом социально-экономических задач.

Идеология и мировоззрение

Нелогичность и ошибочность мнения о том, что в нашем обществе отсутствует идеология (так Ельцин и С^о написали и в конституции якобы утверждённой народным плебисцитом после расстрела Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 г.). Крайне нежелательно прибегнуть к претензиям на поучительство, но нельзя избежать повторений. Я уже в начале путинского периода правления отмечал для студентов некоторые положения, на мой взгляд, не требующие доказательств¹. Так, отдельные уважаемые авторы путают понятия идеологии и мировоззрения.

В этой небольшой книжке я писал учащимся экологами о том, что Русская православная цивилизация состоит из трёх необходимых и не сводимых друг к другу элементов: основного субъекта цивилизации и государственности – Русского народа, православно-христианского мировоззрения российского общества и Российского государства, без защиты которого никакая устойчивая и плодотворная историческая деятельность невозможна. Православное мировоззрение общества и государства уже на протяжении тысячи лет в принципе остаётся неизменным и базирующимся на истинах Евангелия и учениях святых отцов Христовой Православной Церкви.

Идеология – понятие в известной мере конкретно-историческое, привязанное к задачам текущего времени. Идеология времён Александра Невского, времён Смуты, нашествия Наполеона или Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. была для каждого из этих отрезков истории своя. Но в любом периоде это был комплекс признанных большинством населения страны и (или) его государственной властью и практических, и культурно-духовных идей, и целей национальных действий, направленных на усиление и сохранение цивилизации и права выбора субъектом цивилизации собственного пути развития в мировом сообществе.

Большевизм, коммунизм, советский социализм

Я являюсь современником и участником (отнюдь не равнодушным наблюдателем) того периода жизни нашей страны – СССР, когда в государстве была разрешена только одна политическая идеология, имя которой, большевизм, дал ей В.И. Ленин в 1903 году на Лондонском съезде РСДРП. Большевизм – крайне радикальное течение в социалистическом движении научной мысли и политики, существующем уже много веков. Теоретической базой большевизма является марксизм-ленинизм. Обобществление средств производства является обязательным составным элементом социалистических учений практически всех авторов домарковского периода.

Маркс и Энгельс добавили (и разработали) к этим философским конструкциям строгий материализм, атеизм, своё учение о ведущей роли и диктатуре пролетариата, о так называемой социалистической революции

и двухстадийном становлении новой социально-экономической формации: вначале социализм, затем коммунизм.

Многие практические детали революционного перехода от монополистического капитализма к социализму Ленин и большевики осуществили в процессе Октябрьской революции.

В полном соответствии с учением Маркса-Энгельса большевики во главе с Лениным, Троцким и другими сторонниками осуществили полный разрыв с историческими, философскими, политическими и государственными традициями России. Всё дореволюционное (до 1917 г.) прошлое России было подвергнуто лживой критике и обесцениванию, подлежащим полному уничтожению и переделке с чистого листа.

Первые годы советской власти ушли на восстановление некоторых элементарных условий жизни. От разрушения всего «негодного старого» и чрезмерного увлечения борьбой с внутренними «врагами революции» надо было переходить к тяжёлым будням созидания и выполнения безграничных обещаний счастливой жизни, которые так легко давались в период митинговой анархии, военных бунтов и гражданской войны.

В самой партии большевиков шла непрерывная и жестокая борьба за право главенствовать в провозглашённом большевиками на весь мир победном шествии мировой пролетарской революции. В партии и государстве всё более укреплялись авторитет и власть И.В. Сталина. Выдающийся ум, неподдельная искренняя вера в осуществимость социалистических идеалов, железная воля, почти аскетический склад личной жизни и умение находить понятные простому люду объяснения политических сложных истин – помогли И.В. Сталину занять то место в жизни общества, которое наиболее точно можно выразить термином «вождь народов СССР».

Сама большевистская идеология, конечно, претерпела важные мутации особенно в годы Великой Отечественной войны и после военного восстановления народного хозяйства. Сталин отказался от воинствующего атеизма, и по его инициативе в 1943 г. был воссоздан Патриархат Русской Православной Церкви. Был распущен Коминтерн. В Советской Армии были введены знаки различия подобные существовавшим в Царской армии.

Энергично и с большим пропагандистским успехом Сталин приступил к реализации самых трудных для исполнения планов обобществления сельского хозяйства и индустриализации страны. Всё это, включая создание новых отраслей промышленности, науки и новых военных и руководящих хозяйственных кадров, было осуществлено (конечно, не без издержек и ошибок) буквально в течение 10–12 лет. Темпы экономического роста СССР в эти годы были такими же, и даже выше, чем у нынешней КНР. Было очень много (но не всё возможное) сделано для усиления обороноспособности страны.

Сталину и идеологическим партийным службам удалось успешно убедить большинство населения страны в том, что в его, населения и особенно молодёжи руках, в его труде и творчестве находится счастливое будущее нашей страны и пример для подражания трудящимся всего мира. Авторитет Сталина и вера в правильность возглавляемого им пути развития были в нашей стране неподдельные и непререкаемые. Хотя, конечно, более старшая часть населения никогда не теряла духовных связей со всем тем богатым историческим опытом, который наш народ накопил за годы тысячелетнего развития своей цивилизации и культуры.

Без преувеличения можно сказать, что главное положительное содержание советского периода жизни России – это всё, что связано с «чудом»

¹ Курносоев А.М. Да воскреснет Бог... «Новый ключ», М., 2007.

индустриализации и создания коллективного механизированного сельского хозяйства, с Великой победой СССР в Отечественной войне 1941–1945 гг. и утверждением нашей страны в роли не только военной и экономической, но и научно-технической сверхдержавы, показавшей, несмотря на жестокие враждебные помехи и заговоры, на что способен народ, объединённый общей целью строительства социалистического образа жизни, – всё это было создано или заложено прежде всего в Сталинскую эпоху.

Успехи советского социализма, заложенные в Сталинскую эпоху, оказали совершенно очевидное влияние на мировое развитие: на ликвидацию системы мирового колониального господства, на создание руководимого Советской сверхдержавой целого союза социалистических государств, включая КНР, Вьетнам, Кубу и др.

Процесс развития и совершенствования новых и альтернативных капитализму социалистических образа жизни и хозяйствования в России и мире был прерван коллективными усилиями внутрироссийских предателей и сатанинских сил Запада в ходе так называемой «холодной» войны в послесталинский период Советской эпохи.

Подобно тому, как в 1917 году были разрушены государство и вполне благополучная традиционная система общественной жизни, так и в конце 80-х годов XX века вполне благополучная в экономическом и военном отношении система советского социализма и советской государственности были в одночасье разрушены в итоге двух государственных переворотов 1991–1993 гг. и заменены на жалкие подражания самым маргинальным и грабительским вариантам колониального капитализма. Нестерпимо унижительно для общественного сознания то, что это никакими и объективными факторами не мотивированная смена исторической роли второй глобальной сверхдержавы, пионера и лидера мирового социалистического движения на роль жалкого просителя на вход в «хорошее общество западной демократии» происходило (и происходит) по инициативе таких деградировавших партийных руководителей СССР, как Горбачёв, Ельцин, Яковлев, Кравчук, Шеварнадзе, Лужков, Черномырдин и др.

Действительно, велика роль в истории личностного фактора. Во всяком случае, в СССР после смерти Сталина равноценного или хотя бы подобного ему политического руководителя и вождя не нашлось, а в Китае достойные социализма руководители нашлись, и мир присутствует ныне в процессе формирования нового, вместо СССР, лидера сил противостоящих системе мирового зла (капитализма).

Россия сможет занять достойное место одного из ведущих лидеров полицентричного мира, если сумеет исправить и переосмыслить груз исторических побед и поражений XX века, которые она сотворила и которые её постигли.

Главный вывод из этой исторической «учёбы», это возврат к сотворению единого Российского государства и возврат к принципам общественно-жизнеустройства, которое можно назвать христианским социализмом, т.е. общественная собственность на средства производства и христианская этика общественной и личной жизни. Мы (Россия) показали человечеству путь достойного существования и развития в духе Христианских идеалов. Познание этого пути, пусть ещё неполное и в каких-то деталях ошибочное, стоило нам многих трудов и жертв. Если мы откажемся от творческого умножения и использования истин, добытых дорогой ценой, то проявим неуважение к достоянию предков и поставим под угрозу существование нашей тысячелетней Христианской цивилизации.

Опыт советского социализма по политическому конструированию аппарата государственной и всякой общественной власти, выразившийся в монопольном (единоличном, самодержавном «70-летнем правлении единственной партии диктатуры пролетариата») приведшей страну к «мирной» капитуляции и разгрому первого в мире социалистического государства, – оказался вполне отрицательным» и не может быть образцом для подражания¹.

Думаю, рациональные формы политической «надстройки» общество найдёт без особых затруднений. Главное на этом этапе – это осуществить замену либеральной, пока ещё господствующей в России идеологии, без большого промедления и с наименьшими потерями. Я согласен с точкой зрения первого заместителя Синодального отдела Московского Патриархата доктора политических наук Александра Щипкова о том, что на смену либерализму грядёт консерватизм или традиционализм².

Я сам позиционирую себя как православного консерватора³.

По моему мнению, разумный консерватизм – это не значит консервирование и сохранение любых общественных институтов, явлений и обычаев независимо от конкретно-исторических условий и их положительного или отрицательного влияния на развитие общечеловеческой или поместной цивилизации. И уж тем более это – не тупое сопротивление любым формам социального, научного и культурного прогресса и ностальгическое стремление к сохранению устаревших решений, конструктивных и полезных только для своего времени.

Вместе с тем разумный консерватизм или традиционализм не мыслим без уважительного и даже благодарного отношения к тем общественным институтам и решениям, и к проводившим эти решения людям – нашим предкам, которые активно содействовали (а некоторые содействуют до нынешнего дня) сохранению и усилению нашей Русской православной цивилизации и благотворно влияют на мировое развитие.

К числу таких институтов и факторов и даже необходимых условий несомненно относится тысячелетняя творческая роль Русской православной церкви; государственное и культурно-экономическое единство Русского суперэтноса (великороссов, малороссов, белорусов), самодержавная монархическая форма государственной власти; мирный незавоевательный характер Российского государства и российской культуры; мирный и соборный характер принимаемых общенациональных решений, способствовавший сохранению на территории унитарной России до 200 этносов и национальных культур; воспитанные христианством и суровыми природными условиями трудолюбие, терпеливость и бытовая нетребовательность, мужество русского и российского субъекта Русской цивилизации в защите своего Отечества от враждебных нашествий с востока, запада и юга и т.п.

Серьёзный и критический анализ перечня отрицательных традиций и алгоритмов общественного поведения и формулирование адресов ответственности за их реализацию в жизни следует, по справедливому замечанию А.В. Щипкова, не размазывать на весь многомиллионный народ России, а ориентировать его на выявление конкретных деяний и конкретных (имя рек) авторов (и виновников) этих неблагоприятных факторов.

¹ Хотя в условиях КНР подобная система работает вполне успешно.

² Щипков А.В. Кто мы, русские, и куда идём? Душа – встреча с Господом. Православный сборник. Апрель, 2018.

³ См. Курносов А.М. О прошлом и будущем. Кредо православного консерватора, «Великороссь», №2(8), 2013

ПОЭЗИЯ

Анатолий ГРЕБНЕВ

Анатолий Григорьевич Гребнев – родился в 1941 г. в с. Чистополье Котельничского района Кировской области. В 1965 г. окончил Пермский медицинский институт, работал в сельской больнице Кировской области, продолжает работать врачом в Перми. Окончил литературный институт им. М. Горького (1970–1976). С 1978 г. член Союза писателей России. В 1972 г. вышел первый поэтический сборник «Приволье», включавший и поэму «Бессмертник». За ним последовали «Родословная» (1977), «Зелёный колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Храм» (1991). Лауреат многих литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ (2004).

Живёт в Перми.

«И вдруг в глухой ночи звонок...»

Поминки

«Всё по закону, по закону –
Тут не попишешь ничего:
У нас в селе закрыли школу –
Село на смерть обречено.

Ох, доведут народ до бунта,
Давно уж всё идёт в распыл...» –
Так у закрытого медпункта
Мне старый фельдшер говорил.

Ещё грейдируют дороги,
На пилораму возят лес,
Но ощущение безнадеги
Тебя пронизывает здесь.

Душа скорбит, скорбит проста ли,
Когда воочью видишь ты:
Поля твои позарастали,
И на лугах растут кусты.

И не сбавляя обороты,
Летят в забвение года.
А на Покровскую субботу
В селе поминки, как всегда.

Но в эти сроки ножевые
Тебе сам божий свет не мил.
Мы плачем, временно живые,
И пьём сквозь слёзы средь могил.

Сидел в тоске я, одиноко.
Одно полено в печке шает.
И вдруг
В глухой ночи звонок
Меня для жизни воскрешает!

Преобразилось всё вокруг!
И звёзды мне в окно стучатся!
Да это же звонит мой друг.
Спасибо, друг, за это счастье!

Сейчас я выйду на крыльцо
И, небо в звёздах обнимая,
Увижу вдруг твоё лицо –
Твой лик,
Душа моя родная!

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯКУШЕВ

ВЛАДИМИР ЯКУШЕВ

Владимир Викторович Якушев – окончил Чердын-ский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 г. – председатель Пермской краевой организации Союза писателей России.

Живёт в Перми.

В рою надежд

Своим ходом

Шофёр канистру из-под масла
Оставил под моим окном,
А ночью дождь по ней зашастал,
И было слышно мне о том.

Потом канистра известила,
Что дождь ещё сильнее прижал.
И напугал осенней силой
Прогноз начала всех начал.

О, этой осени начало,
Её тяжёлая рука!
Ни у кого же не бывала
Сильнее красная строка!

Сквозь сон мне чудилось, канистра
Вела подробно репортаж
О том, как слушаюсь министра,
Шли люди на второй этаж...

Глобальным было потепленье,
Взбурлил поток библейских вод,
Чтоб посмотреть на наводнение,
Сел Президент на вертолёт.

Затем канистра сообщила
Дождя бегущую строкой,
Что человек приложит силы,
Чтобы помочь стране родной.

Он был везде! Он был, как гений!
Ему практически вода
Рукоплекскала при волнении
От вертолётного винта.

Притом, что делает Россия
Во время Третьей мировой,
Поведал Президент в эфире
С ему присущей прямоотой.

Когда советским поколениям
«Открылась бездна, звезд полна...»,
Как русского стихотворения
Классическая глубина, –

С тех самых пор, как вдохновение,
Влечёт Россию Звёздный фронт;
Все эти звёздные скопления
Пополнят наш Алмазный фонд!

Нужна, конечно, для начала
России сильная рука —
И Провидение послало
Полковника-силовика.

Генералиссимуса Сталина
В родной истории учтя,
Само собой, я слушал далее
Пресс-конференцию
Вождя.

Материнский капитал

Кудрявая, что ж ты не рада?..

Борис Корнилов

Мама русская идёт,
Не смеётся, не поёт,
Только брови хмурит,
Что ей надо, дуре?
Просто скучная пора,
Просто тошно ей с утра:
До кровавой рвоты
Муж ушёл в работу;
Объявились черти –
Адвокаты смерти;
И сидят в кутузках
Русские из русских.

...За детей постарше
Глупой бабе страшно,
И под сердцем плачет
Лялька, не иначе.

Затягивает осень всё Прикамье,
Идут дожди – налито до краёв.
А о тебе бегут воспоминанья...
Привет, родная! Проходи, любовь!
Бог знает почему, но я свободен
И тёмным светом изнутри объят.
Я ангелу слетевшему подобен,
Я помню крылья, как они болят.
Друзья мои, любимые, я с вами!
Мне крылья вырвали такие же, как вы.
Холмами я прошёл, как небесами,
Не преклоняя гордой головы.
И грязным льдом в пути изранив ноги,
Продравшись сквозь железные кусты,
Мы – ангелы,
униженные,
боги –
Найдём свои могилы и кресты.
И хладнокровно
мы
вдыхаем бездну
В испорченную кровь,
в конце концов.
Униженные боги бесполезны...
Но разве это чувствует любовь?

ПРОЗА

Июсса ИЛЪИНА
(ФЁДОРОВА)

Волшебник

*Посвящается моему мужу – артисту цирка
Минину Владимиру Анатольевичу*

Пролог

Поспорили однажды боги на Олимпе, что неспособен человек заниматься на земле чистым искусством, если это никому, кроме него не нужно. И сказал Аполлон: «Отправлю я к людям своего любимого коня Пегаса, пусть отыщет такого, а если нет, я выиграю спор». Отправили Пегаса на землю. Ох, и настрадался бедный крылатый посланник! Сначала его укротил мустангер и заставил скакать по диким прериям, пока однажды, хитрый вождь одного из индейских племён не выторговал его за несколько акров земли. Пришлось Пегасу возить вождю. При виде крылатого коня всё племя благоговейно падало ниц, веря в небесное происхождение их предводителя. Но во время очередной стычки с врагом племя было перебито. Пегас захвачен как трофей, погружен с другим добром на чужеземный корабль и через продолжительное время, по прибытии в порт, был продан первому попавшемуся покупателю. Порт оказался Венецианским. В городе проходил карнавал. Вокруг царило веселье. Гондольеры пели песни, убажывая скрывавшихся за разноцветными масками красоток. Кавалеры, наряженные в самые фантастические костюмы, ради дамы сердца были готовы на любые безумства. Один из них, одетый Аполлоном, не раздумывая, выложил круглую сумму за крылатого скакуна. – «Теперь я настоящий Аполлон с настоящим крылатым Пегасом!».

До самого рассвета продолжались безумные игрища, а под утро гуляющие заснули, не помня где. Сгинул куда-то и пьяный ряженный богач. Только забытый всеми несчастный брошенный конь носился по набережной и жалобно ржал. Усталые музыканты и цирковые артисты, всю ночь веселившие подвыпившую толпу, собирали

Июсса Иллина (Фёдорова) – поэтесса, актриса театра. Родилась в Москве, в Сокольниках. Окончила ГИТИС им. Луначарского. Член Союза писателей России, Академии Российской литературы, СП 21 века. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски», «Сны о Лемурии». Лауреат фестиваля «Фортост – 2014», дипломант международной премии «Филантроп – 2016», кавалер ордена «Трудовая доблесть России», лауреат международной премии Николая Зиновьева «Дельтаплан – 2017» – II степень. Дипломант и победитель различных конкурсов МГО СП России в номинации «Поэзия». Награждена медалями: им. А.С. Грибоедова, им. М.Ю. Лермонтова. В 2017 г. присвоено звание «Заслуженный писатель».

Живёт в Москве.

свои пожитки в фургон, чтобы на ближайшем корабле отплыть в другие страны. Вдруг их внимание привлёк ничейный крылатый красавец. «Вот это да, крылатый конь, да ведь это новый аттракцион!» – воскликнул старый клоун, – «Назову его – Звёздный Пегас!». Недолго думая, коня взяли в цирк. С той поры потомки Пегаса стали главным украшением цирковых представлений.

И был посрамлён гордый Аполлон. Но никак не могла успокоиться богиня любви Афродита. – «Я знаю, как отвадить человека от чистого искусства. Шерше ля фам! Дайте мне время, и я докажу, что права».

В ту же секунду Афродита под видом цирковой артистки отправила

на землю Сирену, дочь богини Мельпомены, деву чудной красоты, с чарующим голосом. Она должна была усыпить всех артистов своим божественным пением, чтобы возмущённые зрители навсегда перестали ходить в цирк, и пришлось бы артистам бросить свою работу и заняться чёрным трудом. Но стоило Сирене спеть первую ноту божественной песни, как хозяин цирка воскликнул: «О, вот этого мне и не хватало! Ну-ка, спой мне, пожалуй, вот эти куплеты...» Смущённая Сирена великолепно справилась с задачей. Да и самой ей понравилось выступать в цирке.

Напрасно ожидали на Олимпе свою посланницу. А раздосадованная Афродита, от обиды, на целый год вновь обернулась морской пеной.

Так в цирке появилась первая династия. А предводителя династии стали называть «Магом и волшебником» или просто – Волшебником.

Проигравшие боги – Олимпийцы не сдались. Решили ждать своего часа.

Глава первая

Эмир Бухарский и «Замороженная Роза»

Итак... Жил был Волшебник. У него была очень трудная работа – он держал на голове всю свою семью и при этом, балансируя, ходил по опасной, ни к чему не прикрепленной лестнице. Это очень нравилось публике, и поэтому его приглашали выступать в разные страны и города, чтобы полюбоваться на удивительное искусство. Он и членов своей семьи научил многим сложным трюкам. Так было заведено с давних пор, ещё его прапрапрадедом. А откуда начался его род, не помнил и сам Волшебник. Старенькая его бабушка, в прошлом красавица-канатоходка, рассказывала, что в годы её юности их цирковая семья выступала при дворе Эмира Бухарского. Ах, какие прекрасные были времена! Влюблённый в красавицу Эмир готов был бросить к её ногам все богатства мира, но не захотела она жить в золотой клетке, отказаться от любимого цирка, выбрала свободу. Эмир не затаил зла, щедро одарил всю семью и благословил на служение искусству при своём дворе.

В другом, северном королевстве, словно Роза во льду, расцвела юная княжна. Старая княгиня гордилась своим знатным происхождением и прочила для внучки достойную партию, чтобы в славе и почестях процветал старинный род. Однажды, во время очередного бала-маскарада, в город приехал знаменитый цирк. Конечно, княгиня с внучкой оказались среди почётных зрителей. Молодая княжна с первого взгляда влюбилась в волшебное искусство цирка, а хозяин цирка с первого взгляда влюбился в неё. И вдруг случилось чудо. «Замороженная Роза» начала оттаивать. Капельками-слезинками соскользнули с неё последние льдинки, и она вспыхнула жарким алым пламенем страсти.

Назревал скандал. Старая княгиня ни при каких условиях не желала выдавать княжну замуж за циркового артиста, будь он хоть сто раз самых королевских кровей. И тогда княжна решилась на побег. После финального представления цирк с почестями и фейерверками уезжал из Северной Столицы. И никто не знал, что в одном из фургонов навсегда покидала родное гнездо бывшая наследница старинного княжеского рода, лишённая роднёй за своевольный поступок всех званий и привилегий.

На цирковом небосводе зажглась новая цирковая династия. А под сводами Олимпа продолжался спор. «Ну хорошо, – говорил Аполлон, – пусть я проиграл, и люди доказали, что ради чистого искусства и любви можно отказаться от благ земных. Но не желаю я быть побеждённым, я, бессмертный бог! Давайте придумаем человеку такое испытание, которое отобьёт у него всякое желание заниматься искусством!»

Глава вторая Волшебник

Если Мойры, богини судьбы, за пряжу и соткали затейливый узор. Когда линия судьбы была готова, на свет появился Волшебник, достойный продолжить двойную цирковую династию. Длинным шлейфом тянулась за ним слава лучшего из лучших. Напрасно самые искусные конкуренты старались выведать секреты его трюков. Их просто не было! Секрет был в уникальной технике мастерства, взращённого на пятисотлетнем опыте предков. К тому времени сменилась эпоха, и не досталось ему ни покровительства Эмира Бухарского, ни блестящих царских щедрот. И стал он путешествовать по городам и весям родной страны и радовать зрителей своим волшебным искусством. И называли его не иначе, как Волшебник.

Но Волшебнику, как и богам на Олимпе, нужно собственное пристанище. И нашёл он тогда самое красивое место в Абхазии, где из горных говорящих рек бегут ручьи с чистой водой, где ласковое море баюкает лунную дорожку на лёгких волнах. Семь дней и семь ночей скитался он высоко в горах. А когда заснул, усталый, в горном ущелье, под стрёкот цикад и мерцание светлячков, неведомая сила перенесла его в самое сердце этих мест... в Новый Афон, под стены древнего монастыря. И услышал он голос, который говорил ему: «Смотри, вот пристанище духу твоему в момент великой скорби. Когда захочешь, закрой глаза и тут же окажешься здесь, ибо это место силы твоего Рода». В ту же минуту, раздался нежный голос прародительницы Сирены: «Отныне будет у тебя спасительный дар сочинителя песен и стихов. В нём будешь черпать силы для спасения души!» И подумал Волшебник: «Здесь моя Родина!» И построил большой дом с просторными комнатами и высокими окнами для своей семьи и для друзей – артистов, чтобы всем хватало места для жизни и отдыха от бесконечных трудовых странствий.

Возрадовался олимпиец Аполлон: «Победа! Скоро человек почувствует, что значит владеть собственным домом, собственной землёй, и станет жить ради собственных мелких ценностей. Начнёт выращивать помидоры и продавать, а чем больше он будет продавать, тем сильнее станет жажда наживы. И забудет он своё высокое искусство!

Но рано праздновали Олимпийцы победу. Не стал Волшебник ни продавцом мандаринов, ни помидорным плантатором. Вместо грядок построил он во дворе цирковой манеж, натянул проволоку, и теперь все члены его семьи, они же члены его труппы, могли репетировать, чтобы не терять навыков мастерства. Соседи называли их лентяями. Им было непонятно, зачем столько земли пропадает ради каких-то чудаческих причуд, почему в пристройке дома живут обезьянки, вместо приносящих доход жильцов, а по двору гуляют собаки на задних лапах и хозяин постоянно разучивает с ними разные уморительные трюки. А Волшебник творил свою Вселенную, своё Чудо и своей жизнью доказывал, что можно жить по-другому.

Глава третья Зависть богов

И воскликнул Ахиллес: «Даже у меня, неуязвимого, есть слабое место! Не может быть, чтобы не нашлось такого испытания, которое навсегда погасило бы в человеке творческое начало».

И поднял голову премудрый Зевс: «Какие испытания могут сломить самого мощного Титана?.. Испытания любовью к детям... Посмотрим, сможет ли он, поддерживая порядок, не стать деспотом?».

Волшебник к тому времени достиг многого, о чём мечтал. Но и время не стояло на месте. Мастер был спокоен за детей. Дочери в совершенстве владели основными цирковыми навыками и к тому же успели обзавестись собственными номерами. Вырос и возмужал старший сын, до тонкостей изучил секреты профессии и в любой момент мог заменить отца во главе семейного дела. Да Волшебник и не был против. Оставалась в его жизни светлая радость – младший сын, ласковый и златокудрый. Звонкое счастье матери и отца, подаренное судьбой. Долго Волшебник не хотел приобщать его к цирковому делу,

словно хотел оградить от тягот профессии, видя, что передалась младшему тонкая творческая натура истинного артиста, а значит, избрав отцовский путь, перейдут к нему и муки творчества, и вечное недовольство достигнутым.

Одинок путь истинного Волшебника. Даже если его окружает большая семья или единомышленники, в глубине души, не имея рядом равного себе или более сильного, способного повести за собой, он обречён, подобно Дон Кихоту, постоянно бороться с ветряными мельницами.

А жизнь бежала всё быстрее. Незаметно повзрослел и младший сын и со всей жадной юности устремился к семейному делу. Чувствуя принадлежность к великой династии, он легко постиг всё, от чего так старательно пытался оградить его отец, и однажды выпорхнул из родного гнезда, чтобы учиться и совершенствоваться в профессии, а потом вернуться в семейный номер готовым артистом. Казалось, всё складывалось хорошо. И настал день, когда Мастер передал руководство семейным делом старшему сыну.

Вновь оживлённо насторожились боги-Олимпийцы. «Мы ломаем его – промолвил Зевс. – Он думает, что сын продолжит его дело, не притеснив при этом интересы отца? Но разве когда-нибудь было по-другому, и не попадал ли в подобную ловушку старый Лир?»

Вскоре представился случай убедиться в этом. В одном из решающих рабочих моментов заиграла горячая кровь, не поддержал сын отца, поступил по-своему, сломав Традицию, заведённую Мастером. Словно карточный домик сложился великолепный аттракцион, годами создаваемый Волшебником. Рассыпался жемчужинами на отдельные номера. Дерево великого рода дало самостоятельные ростки, и каждый стал отвечать сам за себя.

«Осанна! – ликовали Олимпийцы. – Нет ничего вечного в мире людей. И самые великие начинания разрушают самые близкие. Ну, что ж, пожалуй, пришёл конец спору. Не может человек заниматься чистым искусством, если это никому, кроме него, не нужно!» И затеяли боги пир ради собственной славы, и поднимали за себя – любимых кубки, наполненные мёдом и амброзией.

Глава четвёртая Несломленный

Огненные стрелы божественных насмешек смерчем полетели в Волшебника. В гневе и смятении покинул он любимый цирк и заточил себя в родовом гнезде под небом Абхазии. Никого не желая видеть, обидевшись на всех, строил он для себя жилище отшельника. Душа, раздираемая тоской и ядом предательства, рвалась из тела. И в момент наивысшего отчаяния схватил он кувшин с цементным раствором и поднёс к губам. В тот же миг чарующей музыкой зазвучал в голове его полузабытый голос прародительницы Сирены. Музыкальная тема невыразимой красоты заструилась исцеляющим бальзамом, проникая в самые больные уголки сердца, залечивая раны души и тела. Так родилась его первая песня о Любви. И было их много, потому что остановиться он уже не мог. Новое творчество открылось подобно второму дыханию.

А на Олимпе вновь воцарилось смятение. Боги недоумевали: откуда он черпает вдохновение?! Ведь никто не знает его песен, разве что ставшие успешными артистами дети со своими семьями, да приезжающие с ними на

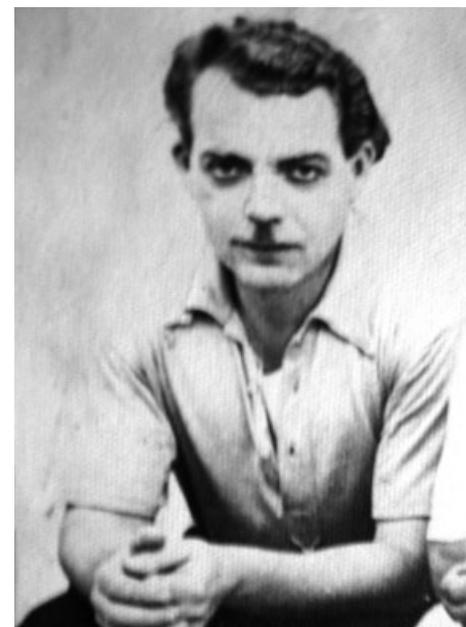

отдых друга. Да и тем не понятно, почему не стремится он сделать свои песни известными для более широкой аудитории. Он, познавший славу и восхищение поклонников? Да потому, что за долгую жизнь на вершине успеха он понял, что, в сущности, цена удачи и несчастья одинакова и составляет важность лишь до той поры, пока человеком движет гордыня. Гордыня – болезнь начинающих. У Волшебника не было гордыни, потому и не сломили его козни богов-Олимпийцев. В тяжёлые времена цирковых скитаний он мог отдать последнюю рубашку нищему и приютить бездомного пса, когда на столе не было лишнего куса. А теперь, через песни, он отдавал любовь своим близким.

А дети... Дети жили своей жизнью. Понимал Волшебник, что невозможно повернуть реки вспять. Всё чаще оставался он один. Всё реже выдавались моменты душевного единения с семьёй. Нечасто появлялась возможность исполнить для близких новые произведения. И он стал записывать свои песни. Через некоторое время были созданы «Пятьсот песен о Любви», которые однажды он передал младшему сыну с надеждой, что сбережёт он для всего рода Духовное Завещание Отца.

...Если когда-нибудь вам доведётся побывать в Абхазии, недалеко от Нового Афона, и заночевать в горном ущелье, возможно, вам повезёт услышать сквозь журчание горной реки чудесную музыку, струящуюся от стен древнего монастыря. А может быть, до вас долетят звуки необыкновенно красивого голоса. Это Сирена, добрый дух – хранитель чистого искусства Волшебника, поёт его песни. А если вы посмотрите на небо, то среди россыпи созвездий, возможно, увидите крылатого коня, мчащегося по невидимому манежу. И вот уже небесный свод превращается в цирковой купол, и возникает во всей красе уникальное действо, созданное Волшебником, – непревзойдённый семейный аттракцион. И сам Мастер поднимается по незакреплённой лестнице в бесконечность звёздного пространства, ибо бесконечно чистое искусство, и бессмертен Волшебник, создающий его.

Вместо эпилога

«Гудэрчи, гудэрчи!» – щебечет заморская птичка.

– Откуда ты взялась здесь, в осенней Москве, отчего не даёшь мне покоя, будишь воспоминания о цветущих горных краях, о давних путешествиях по сказочной Абхазии?..

«Гудэрчи, гудэрчи, я напоминаю, что пришло время собирать камни, собирать по крупичам события давних времён, пока ещё живы потомки и есть, кому помнить».

– Ты думаешь, воспоминания живут, пока живы те, кто помнит?

Нет ответа... Только смотрят со стен старинные фотографии да пожелтевшие афиши, молчаливые хранители истории славной цирковой династии. А ещё толстые альбомы и семейный архив, уходящий корнями

в прошлые века... Пока живы потомки, есть, кому помнить. А что потом?

«Гудэрчи, гудэрчи! – не унимается маленькая птичка моих воспоминаний. – Память, облечённая в Поэтическое Слово, бессмертна!»

Так, подлинная история возникновения старинной цирковой династии с афиш и фотографий перешла на страницы этого повествования, а в основу сюжета легла жизнь отца моего супруга, замечательного русского циркового артиста Анатолия Фёдоровича Минина.

ПОЭЗИЯ

Алексей ЕВДОНОВ

Алексей Николаевич Евдонов – поэт. Участник Первого Всероссийского (Москва, 1994 г.) совещания молодых писателей, по итогам которого указом Президента Российской Федерации ему была присуждена именная Государственная стипендия. Член Союза писателей России с 1997 г. Автор трёх книг стихов и множества публикаций. Лауреат литературной премии им. Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии», литературной премии «Звёздная строфа», литературной премии «Светить всегда», литературной премии «Русь моя». Кавалер орденов «В.В. Маяковский» и «С.А. Есенин». Имеет благодарность от министра культуры РФ. Заслуженный писатель.

Живёт в Москве.

«Я выбираю жизнь!..»

Выхожу под колючий смех,
Ухожу в бесконечный дождь...
Я живу на виду у всех! –
На себя одного похож.

Эти стихи я сочинил в 16 лет.
Я был готов не быть, надеясь сбыться!
Потом случилось много всего и разного...
Было и такое:

Душа чуть взлетит – и падает...
– Что, жизнь?! – черед потерь! –
Твой жалкий обман, теперь, –
Лишь в гибельных снах! – и радуется...
Кипи! Выкипай скорей!
Себя не сберечь... – И надо ли? –
Кружиться в мельканье
– дней –

С бессмысленным взглядом падали?!.. –
Кипи, выкипай скорей!

И это в девятнадцать-то лет!
Надо было выбирать:
или жить как все на свете, или умирать...
Я выбрал жизнь!

«Как стать звездой»

Влюблённым не быть!.. Над поэтом
Глумиться. И всё презирать! –
Настолько, чтоб в холоде этом
Бесчувственным светом играть.

Моим доброжелателям

Они трюндят: – Ты выиграл игру!..
– Мне всё равно, – я говорю, играя, –
Конечно, как поэт я не умру...
Мог умереть! Но отошёл от края.

Одинокий лицедей

*Беззаветному рыцарю поэзии,
гениальному «будетлянину»,
Велимиру Хлебникову*

Пленник жизни и чародей,
Рыцарь бедный, философ строгий,
Что стучишься в сердца людей?
Люди гонят: «Уймись, убогий!»

Поэту

Дорогу к славе не отыскивай! –
Глумливой, – ты не нужен ей!..
И перед смертью не заискивай,
И перед жизнью... – Не робей!

Высотой своей убит..

Памяти Бориса Примерова

Руки раскинул.
В неведомых мирах
Ты окликаешь кого-то...
Страх оковы
– разорваны –
– в прах! –
Гибельной жаждой полёта!

Просиять сквозь холодную мглу...

Памяти русского Поэта

Порицающих автора за обращение к великому Поэту на «ты» спрошу:
фарисеи, а к Богу как обращаетесь? –

«Помогите, Господь... Простите, Господь!»?

Нет, лицемеры! – «Господи, помоги! Прости, Господи!»

А к родине как? – «Здравствуйте, родина!»? Конечно же нет!.. –

«Здравствуй, милая родина!»

По старинному русскому обычаю даже простой народ к царю-батюшке
на «ты» обращался: «Не вели казнить, изволь выслушать!»

А на «ВЫ» на Руси к врагам обращались: «Иду на ВЫ», – говаривали.

Тем более, ВЫ – слово, чёрной энергетикой напитанное,
так как тёмный, загробный мир по древне-славянски ВЪРий назывался...

1

Жертва вечерняя

*Здравствуй ты, моя чёрная гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!*

С. Есенин

Чёрный лес впереди – стеной.
Не разгонишь коней стреноженных...
«Покуражились!»

– Над страной! –

Проходимцы в тужурках кожаных!...
...Месть иуды. Власть палачей.
На душе, чем больней, тем звонче:
Лгали, что средь таких ночей
Ты, удалый, с собой покончил!

2

Тихо розы бегут по полям.

С. Есенин

Ты Русь покинул не для роз чужбины
Не дивы Персии тебя сманили в даль!
Ты листья целовал с куста рябины
И уловил в их запахе миндаля...

3

*Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный,
На горах твоих, земля.*

С. Есенин

Нас мало – звонких и крылатых –
В забвенье, смолкнувших давно!
А Русь?.. – Зачем мне не дано –
Лучом! – скользнуть в её закаты?
Коснётся ль уст её неозлобимых
Жених Пресветлый?! – Там наверняка
В венок Поэзии – цветком неповторимым –
Твой стих вплетёт незримая рука!
А мне не суждено в краю весеннем
Быть даже лепестком того венка –
Ни первым ливнем, ни чужим весельем,
Ни ветром в мокрых лозах ивняка...
И счастлив, кто глядит в твои долины,
С молитвой на заре уходит вдаль, –
Зовёт и кличет светлую печаль
На голос лиры из твоей чужбины!

Русь моя! Для тебя во тьму
Звёзды слов высекал до дрожи.
За тебя и суму приму!
Звон вериг... Да барак острожный!

Русский Самсон

Во имя святого праведного Силуана Афонского

*Спивающемуся романтику и поэту,
мукомолу Алексею Булавину*

*И оковали его и двумя медными цепями,
и он молот в доме узников.*

Библия, Книга Судей, глава 16, стих 21

Тяжко!
Мелют вальцы стальные...
Гложет, душит тебя недуг.
Ах, постой! Я расслышал вдруг
Среди грохота звуки иные.

Слышишь: мерно журчит река,
Старый жёрнов стучит слегка... –
Это Время – мельник скупой –
Мелет души, пылит мукой.

Про желанный твердишь покой...
Скоро дням потеряешь счёт!
«– Жизнь?!.. – зажатая тесной трубой, –
Под землёю! – река течёт...»

Но очнёшься! И вдруг поймёшь:
В этой жизни – уввы! на краю –
Ты, безропотный, мелешь рожь... –
Кто-то мелет судьбу твою!

Идущему за мной

*Восторженному юноше
И кто не несёт креста своего и идёт за Мною,
не может быть Моим учеником.*

Лк. 14:27

Что такое талант?
Ты поймёшь,
как жестоко страдает
Всяк, отмеченный им
на недолгих путях бытия!
Истерзаешь себя.
Пропадёшь!
Твой румянец растает.
Отрекутся друзья.
И в кармане твоём –
ни рубля!

Никогда не перестает...

В куцах снов и берёз, где впервые любовь пригубил,
Где – в стихах – столько вёсен! – её окликать не устанешь,
Тёплый ветер вздыхает: «Я светлым, я облаком был,
Лёгким ветром весенним ты тоже когда-нибудь станешь...»

Ах, ты снова влюблён!.. – Ты любимую к сердцу прижмёшь,
Ты своей назовёшь, ты голубкой её называешь...
Оглашенный мечтою, ты с талой водой уплывёшь,
И не взглянешь! И мимо пройдёшь... – и её не узнаешь!

Может, завтра тебя по весенним лугам – без следа –
Вдаль умчат... – иль в зенит! – белогривые кони рассвета...
...Если нынче слукавишь... – мечта отзвенит навсегда! –
Только знай: ты судьбою, ты жизнью заплатишь за это!

Тонкий месяц блеснёт над крестами забытых могил,
Томный луч озарит разрушенья унылую груду,
Лёгкий ветер вздохнёт: «Я влюблённым, я мальчиком был,
А теперь тополя до метелей раскачивать буду!»

Но играет река, где украдкой любовь пригубил,
Где – в стихах – столько вёсен! – её окликать не устанешь,
Тёплый ветер вздыхает: «Я светлым, я облаком был,
Лёгким ветром весенним ты тоже когда-нибудь станешь...»

Я дивной музыкой разбужен был...
Она и в сон мой радостный проникла!
Прибрежный там песок... – он не остыл –
Где ты – счастливая! – смеясь, ко мне приникла
Устами влажными...

И я разбужен был

в слезах от счастья!

Я разбужен был той, *нашей* музыкой...

Элегия

Я очнулся... – Под звон струны –
Вышел... – Звёзды горят высокие...
Все законы природы верны,
Только есть среди них жестокие!
Что любовь?.. – Лишь казалось: шаг...
И от песни не стать счастливым.
Мёрзлой жнивой застыла душа,
А была голубым разливом!

О, сквозь слёзы... чужими ночами... –
Видишь, милая, – стынет звезда!
Я тянусь к тебе зимними снами –
Зыбким светом по трещинкам льда...

Отрекаясь, снова начиная,
Чудный дар безжалостно губя,
Вдруг осознаёшь, что жизнь иная
Так же безнадежна, как земная,
Так же недоступна для тебя!

Сквозь неизбежность поражения
Мы видим Свет.
«— Потерянное поколение!..»
А если нет?!

Как в строю новобранцы,
Стоят тополя.
Снова ветви упрямцев
Подрезаны коротко...
Без солдатских могил,
Без Святого огня
Не припомнит земля
Ни деревни,
ни города!

Русскому воину

Аз воздам.
Священное Писание

От поруганья ты восстал!..
На голос чести
Душа воскресла, смертью смерть поправ! —
Не для корысти и пустых забав,
А для молитвы и Великой мести.

Русская весна

Русским поэтам

Теперь для нас разведены мосты,
Нам не впервой, и мы отыщем броды.
Мы все хмельны дыханием весны,
Мы бредили её приходом!

Нагрянет день, и вызреет гроза,
Смывая ливнями с измызганного рода
И эти скорбные, усталые глаза,
И лица хмурые, и думы без исхода.

Когда ты улыбаешься...

Когда ты улыбаешься мне, —
Такая молодая и красивая,
И глаза твои сияют любовью... —
О! Не проси меня читать
Мои безумные стихи
О погибшей любви
И прощании с жизнью!
*Когда ты улыбаешься,
Мне так хочется жить!*

Рассказы

Рождественская мистерия

подлинная история, случившаяся в 1762 году на святках в Санкт-Петербурге, рассказанная отставным майором Тимофеем Андрияновичем Павловым и записанная внучатым племянником его надворным советником Сергеем Валентиновичем Юдиным в 1804 г. в г. Москве.

(Печатается по изданию С.П. Хитрово 1908 г. с некоторыми сокращениями)

<...>

Зимой 1761 года завершилась служба моя при корпусе генерал-майора графа Тотлебена, с коим довелось мне побывать во многих славных для нас баталиях в землях Прусских, присутствовать при капитуляции и занятии войсками русскими ихнего столичного города Берлина и других менее знаменитых городков и местечек немецких.

Случилось же сие через то, что в первых числах января того года скончалась блаженной памяти Государыня Императрица Елисавета Петровна, оставив государство племяннику своему Великому князю Петру Фёдоровичу, кой и взошёл тотчас на российский престол под именем Петра III.

Говорят, едва ли не в самую ночь смерти Государыни новый Император разослал гонцов в различные корпуса армии русской с приказом прекратить неприятельские действия. Все наши войска, занимавшие Восточную Пруссию, обязаны были приостановить своё наступательное движение, те же, что стояли вместе с цесарской армией, немедленно отделиться от нея. Кроме того, и тем и другим было отдано повеление сейчас же соглашаться на все условия перемирия, каковые будут предложены генералами прусскими.

Сие было тем более досадно, что к оному времени, после наших побед при Грос-Егерсдорфе и Кунесдорфе, а особливо после недавнего взятия

Сергей Валентинович Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Изысканная словесность» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Менестрель» (Омск), «Искатель» (Москва), «Зеркало» (Тель-Авив), и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010), «Тёмные» (АСТ, 2016). Автор романа «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с А. Юдиным).

Живёт в Москве.

считавшегося дотоле неприступным Кольберга, всего несколько лишних месяцев, будь они дадены для совокупных действий союзных русских, цесарских и французских войск, неминуемо повлекли бы верную гибель Фридриха II. Ноне же он справедливо мог почитать себя спасённым смертью Государыни Елисаветы.

Видя таковые дела, принялся я тотчас же хлопотать при медиации свойственника моего генерал-лейтенанта Пурчура пред Военной коллегией о переводе на какую-нибудь должность в Петербурге. И хлопоты сии очень скоро окончились для меня весьма благополучно, ибо из коллегии пришёл приказ о назначении меня флигель-адъютантом при особе тогдашнего генерал-фельдцейхмейстера Александра Никитича Вильбуа, у коего оный Пурчур в ближайших помощниках состоял и потому-то мне таковую успешную протекцию оказать сумел.

Между тем, чуть ранее того успел я испросить и добиться у полкового начальства разрешения отбыть в отпуск, для того, что, собирався, будучи уже тридцати двух годов от роду, вступить в законный брак с девицею Татьяной Степановной Неверовой.

Невесту свою я дотоле ни разу ещё не видывал, но знал только по описаниям матушки моей Серафимы Густавовны, которая в недавних письмах своих и объявила мне таковую последнюю волю покойного отца моего Андрияна Фёдоровича Павлова, скончавшегося в августе месяце.

Родитель оной девицы – Степан Алексеевич Неверов (умерший едва ли ни в год появления на свет дочери своей) – так же как и отец мой, был из тверских помещиков и оставил ей в наследство восемьдесят душ и пустошь, именуемую Павловской и почти примыкающую к землям нашего родового имения Ногино. Это-то даваемое за ней приданое более всего и соблазняло покойного Андрияна Фёдоровича, ибо явилось бы существенным добавком к имевшимся у нас с небольшим сорока душам и несколько округлило бы владения наши. С матерью её, Акулиною Прокофьевной, обо всём уже было сговорено, и дело оставалось за малым – моим приездом и свадьбою.

Так-то, прежде нежели явиться к новому месту службы, поехал я в своё Ногино, куда и прибыл через положенное время. Отдохнув только дней восемь, отправился я вместе с матушкой свататься к будущей невесте в Москву, где Неверовы, имея собственный дом на Никольской улице близ Синодальной типографии, каждую зиму и проживали, на лето уезжая в имение Выпуково под Калугою (Акулина Прокофьевна, урождённая Дубинина, была из калужских дворян и владела там тремя деревеньками и довольно изрядным числом душ).

<...>

Невеста мне сразу очень приглянулась, хотя и была она двадцати пяти годов от роду, так что по тем временам считалась уже перестарком, но приятная наружность её, весёлый и открытый нрав, стройность и гибкость стана, особливо же выказываемые ею в беседе ум и даже некоторая образованность, не могли не привлечь меня, да и, сказать по правде, тотчас покорили мое сердце.

К несчастью, не мог я того же сказать и о матери ее, которая показалась мне старухою глупой и надменной. Собою она была толста и приземиста, лицом убога, так что я порою недоумевал, как эдакое чудище могло произвести на свет столь нежное и воздушное на вид создание.

Манеры Акулина Прокофьевна имела самые дурные, разумом (как уже сказано) не только не блистала, но иной раз при разговоре невозможно было понять, о чём она говорит и не бредит ли. Голос у неё был очень громкий, скаросый, и имелось в нём нечто такое особенно неприятное, что можно его было не только слышать издали, но и отличать от всех прочих голосов.

Всё сие было, конечно, до некоторой степени огорчительно, но я утешал себя мыслию, что век-то коротать мне придётся не с нею, а с дочерью ея.

Долго ли, коротко ли, но, поживя некоторое время в первопрестольной нашей столице, сговорились мы обо всём: и о приданом, и о подарках, и о других необходимых в таковых случаях мелочах. Получивши же наконец окончательное согласие невесты и благословение матери ея, воротились мы в имение, где и стали делать все приготовления к свадьбе и поджидать скорого прибытия будущей супруги моей.

Много, недели через три приехала она в дом мой вместе с матерью, двумя дядьями, дедом – Прокофием Антипатровичем Дубининым и в сопровождении ажно восьми дворовых девок. Едва дождался я, покуда закончится Петров пост, да в тот же день, на Петра и Павла, нас и повенчали в приходской церкви.

Венчание прошло весьма благолепно и торжественно. Священный обряд был совершён престарелым отцом Василием со всею важностью и степенностью, оному приличествующей, дабы я с Татьяной Степановной воистину почувствовали себя связанными неразрывными узами брака. Только пономарь наш (прозванный, к слову сказать, «Помелом» за присущую ему способность необыкновенно скоро отжаривать ектинью, так что заместо возгласений «Господи, помилуй», на весь храм раздавалось обыкновенно «помело-с, помело-с!»), по неосторожности или будучи в весёлом расположении духа, подпалил свечкою кудлатую бороду отца Василия, отчего гости имели удовольствие обонять аромат жжёного волоса и слышать жалобное щёлканье несчастных, заживо сгораемых насекомых, в обилии населявших власы почтенного старца. Впрочем, досадный казус сей был всеми истолкован как предзнаменование вполне благоприятное и даже счастливое.

Пропуская описание пиршества свадебного, ибо мало чем оно отличалось и от теперешних деревенских свадебных застолий, скажу только, что вышло всё не пышно и не убого, а так, что лучше я и желать не мог.

<...>

Как время моего отпуска истекало, и надобно мне было уже собираться в дорогу, сговорились мы с женою, что я поначалу поеду в Петербург один, дабы приискать приличное жилище и служебные дела свои уладить; тем паче, что по дороге хотел я ещё завернуть во Псков, имея намерение поблагодарить за все услуги генерала Пурчура, кой в это самое время там по государственной надобности находился. Она же, проведя последние седмицы осени, а равно весь Рождественский пост и святки в деревне, соединится со мной не ранее Крещенского сочельника.

Привезти её намеревалась сама Акулина Прокофьевна, которая очень желала отпраздновать Богоявление в Петербурге и обещалась, пожив с нами не более месяца, отбыть уж сразу из столицы в калужское своё имение.

В путь пришлось мне отправиться по самой что ни на есть распутице, так что не раз пожалел я, что в коляске поехал, а не в санях.

<...>

Наконец, утром в день Покрова Пресвятой Богородицы подъехал я к столице нашей, в коей до того времени и бывать мне не приходилось. Едва лишь приблизившись к Петербургу, был я весьма поражён и восхищён открывшимся мне видом: в лучах восходящего светила ярко блистали золотые спицы высоких башен и колоколен, а особливо выделялся видимый издали и превозвышающий кровли всех прочих домов верхний этаж нового дворца Зимнего (который тогда только что отделялся), уставленный множеством статуй, всевозможные кумиры языческие изображающих.

Первым делом по приезду в город отправился я с визитом к генералу моему, дабы не быть как-нибудь обвинённым или заподозренным в контумации и пренебрежении к обязанностям своим. Будучи принят с довольным респектом и даже весьма обласкан Александром Никитичем, озадачился я вторым делом – приисканием приличной квартиры, в коей не только я, но и ожидаемое семейство поместиться могло.

Как я довольно мало был озабочен предстоящей службой и не ожидал от неё особых хлопот, то и квартиру велел высматривать не вблизи от генерал-фельдцейхмейстера дома, что на самом берегу Мойки близ старого дворца находился, а где-нибудь подальше. Таковая вскоре и нашлась в доме княгини Долгоруковой в Миллионной улице. Это был большой поземельный деревянный дом постройки довольно нелепой, ибо весь состоял из неуютных проходных комнат, обставленных ветхой разномастной мебелью. Сами комнаты были с низкими потолками, парадные – расписанные какими-то невиданными фантастическими цветами, птицами, фруктами расцветок самых ядовитейших. Помимо того, к дому примыкало множество позднейших пристроек и флигельков, кое все вместе образовывали некий таинственный лабиринт, с тёмными коридорами и тупиками, лесенками, разными закоулками с лежанками, со спящими на них жирными котами и шныряющими под ними не менее жирными мышами. Однако ж один из таковых флигельков, видимо, совсем недавно пристроенный, мне довольно приглянулся. Был он достаточно поместителен и состоял из четырёх комнаток с большими окнами, потолками, подбитыми холстиною и выбеленными, и стенами со светлыми штофными обоями. Наибольший из сих покойцев составлял род гостиной или передней, был освещён тремя порядочными окнами, одно из коих выходило во двор перед домом, а два – в небольшой садик, что располагался на задах строения. Второй покоец с двумя окнами вполне годился для подклети (или, как немцы говорят – браутенкамеры), и в нём решил я обустроить нашу с женою супружескую спальню. Третий же и четвёртый представляли собой разгороженные стеною на две неравные комнатки сени, меньшую из которых я решил отвести под спальню тёщи, а ту, что поболее, – под лакейскую.

Таковым образом обустроившись и более всего довольным оставшись крайне умеренной ценой, запрошенной хозяевами за квартиру, начал я жизнь свою в Петербурге.

Как генерал Вильбуа действительно мало нуждался в новом флигель-адъютанте, ибо таковых молодцов у него уже было четверо, которые сами порой от безделия томились, то служба моя и взаправду оказалась весьма необременительной.

Однако ж первое время, более по своему хотению и из любопытства, нежели по необходимости, я довольно часто сопровождал генерала при его визитах ко двору, куда он езживал почти ежедневно. Куртаги придворные были

для меня зрелищем новым и никогда дотоле не виданным. Тут-то я наконец и увидел всех первейших тогдашних вельмож наших и самого Государя Петра Фёдоровича и Государыню (будущую великую Екатерину). Впрочем, Императрица Екатерина Алексеевна весьма редко покидала свои комнаты и в обществе супруга своего бывала. Зато неизменно при нём можно было лицезреть тогдашнюю фаворитку Елисавету Романовну Воронцову.

Первый раз увидевши её близ Государя и спросив о ней бывшего с нами и почти всегда неизменно сопровождавшего генерала Вильбуа казначея артиллерийских войск Григория Орлова, я отказался было поверить, что эта-то толстенная и дурная собой, нескладная и ширококостная, с обрюзгой рожею боярыня и есть Государева любимица. Ибо более всего походила она на ожиревшую бабу-торговку, коих можно видеть на рынках, сидящих на корчагах со щами с целью удержать теплоту в них. Но раньше всего поразило меня удивительное сходство оной с тёщею моей: хотя Елисавета Воронцова и была много моложе, но чертами лица и всей непомерной корпулентностью своей и приземистостью, а равно и повадками, очень напоминала мне дражайшую Акулину Прокофьевну.

Надобно отметить, что двор тогда находился в старом дворце, что был построен на берегу Мойки, подле самого Полицейского моста, на том месте, где воздвигнуто ныне здание Дворянского клуба. То был не весьма высокий, но довольно просторный деревянный дом со многими флигелями, коий служил для пребывания императорской фамилии, покуда ещё не был отделан новый Зимний дворец на берегу Невы, подле Адмиралтейства.

Туда-то и езживал я с генералом на даваемые ежедневно Государем большие обеды. Но вскоре таковое времяпрепровождение изрядно мне надоело, ибо зрелище это бывало зачастую весьма досадно и ни с чем не сообразно. Император любил, чтобы общество за столом его было как можно более многолюдное и пёстрое, почему в обедах этих участвовали не только певицы и танцовщицы его оперы, но нередко и целая толпа простых женщин из самого подлого народа, которых прихватывали с собой офицеры его голштинского войска. Кроме того, был он великий охотник до курения табаку, и, чтобы угодить ему, надлежало и всем бывшим с ним закурить и не выпускать трубку изо рта в течение нескольких часов, так что иной раз не успеют ещё отзвучать первые тосты и здравицы, как уж лакеи тащат целую корзину голландских глиняных трубок и множество картузов с кнастером и другими табаками, и вмиг вся зала наполняется густейшим дымом и скверным табачным запахом, а Государю то и любо. Нечасто возможно было увидеть его и трезвым и в полном разуме, а всего больше уже до обеда, чуть проснувшись, опоражнивал он с десяток бутылок аглицкого пива, до которого был превеликий охотник, да и за обедом рюмки и бокалы, натурально, не гуляли. Напротив, звенели столь прилежно, что многие и из сановников даже важнейших доводили себя продуктами бахусовыми до такого оглумления, что выйти из-за стола и сесть в линею и сил не имели, а гренадеры уже выносили их туда на руках своих.

Наконец, утомившись окончательно присутствием на сих оргиях, упросил я генерала более меня с собой не брать, что тем легче оказалось, как и сам начальник мой всё чаще стал манкировать под разными предлогами своими посещениями двора Государева, а нередко теперь уже видывали его на половине Императрицы.

Около сего времени не только среди знати, но и в простом народе ропот на Государя усиливаться начал, ибо ежели знатные были крайне недовольны

заключённым с пруссаками перемирием и негодовали на слепую приверженность его к Фридриху, то простолюдины не могли не видеть явную ненависть Помазанника к православию и вообще ко всему русскому.

Повсеместно уже многие отваживались публично даже судить и рядить все поступки и дела Государевы и сожалеть о горькой участи Государыни Императрицы, ибо слышны были неведомо откуда взявшиеся слухи о том, что супруг-де едва ли не готов оную постричь в монахини, а наследника своего Павла Петровича объявить незаконнорожденным и от престола отринуть.

Так-то и всё общество петербургское оказалось расколотым на две партии, одна их которых, состоящая преимущественно из иностранцев и особливо голштинцев, вождём своим числила дядю Императора – принца Георга Голштинского (оный к тому времени был назначен главнокомандующим всей русской армии и поставлен во главе конной гвардии, до того не знавшей другого командира, кроме самого Государя) и привержена естественным образом была к особе Императора; вторая же, хотя и не имевшая какого-то единого вождя, но значительно более многочисленная, почитала, что засилие иностранное преодолеть можно лишь посадив на престол Великого князя Павла Петровича (о возможности воцарения Государыни Екатерины Алексеевны никто ещё тогда говорить открыто и не осмеливался).

Вот с оными-то последними и познакомил меня упомянутый гвардии поручик и казначей артиллерии Григорий Григорьевич Орлов (будущий князь и первейший вельможа наш). Он ввёл меня в дом к князю Алексею Александровичу Вяземскому, где едва не каждый вечер собирались молодые офицеры Семёновского, Преображенского, Измайловского и Конно-гвардейского полков и все вместе говаривали и рассуждали о всех тогдашних обстоятельствах и огорчениях. Приставши к этой компании, более всего сдружился я с двумя братьями Олсуфьевыми – Иваном и Петром, первый из которых служил в Измайловском, а второй – в Преображенском полку, а также с капитан-поручиком Преображенского же полка Андреем Капышкиным.

Строго говоря, главнейшими различиями голштинской и русской партий были те, что приверженцы первой по примеру и в подражание Государю предпочитали пить аглицкое пиво и пунш, а в картах, вместо обычного у нас фараона, играли в любимую Императором «samri» – особую игру в роде «chat qui dort» или «as qui court»; мы же в компании пили водку, да и за ломберным столом традиций придерживались.

<..>

Князь Вяземский владел довольно поместительным домом на Сенной близ церкви Спаса; первый этаж оного был каменный, и там размещались всеразличные службы, а второй – деревянный и жилой. Там-то и проходили наши ежевечерние собрания. Бывало, чуть смеркаться начинает, как и подтягивается народец один за другим, а у князя уж и стол готов. Хотя в ту пору он лет тридцати пяти был, но женою не обзавёлся и проживал один с немногочисленной челядью, зато поваров держал отменных. Среди оных вяще всего славились двое: француз Трамбле и Михайло Кукин из его дворовых людей. Француз обыкновенно готовил сладкие кушанья и соусы, а уж Кукин на закуски был особенный мастер: блины у него знатные получались и с икрой, и с сёмгою, и с балыком, а уж что за стерляжьё уху с подовыми пирожками он делал, так это я вам и передать не могу.

Насытившись, вся компания, натурально, садилась за карты. Играли обычно не по крупному, однако бывало, что к утру счёт уже и на сотни шёл. И хотя до сей поры я и небольшой охотник картёжный был, но тут открылось, что фортуна в этом деле особенно для меня благоприятна, так что редкое утро я без выигрыша в кармане домой ворочался.

Вот в таковом-то приятном времяпрепровождении и приближался для меня светлый праздник Христова Рождества, вскоре после коего ожидал я прибытия молодой жены своей и любезной тётки.

Надобно отметить, что по первоначально оные сборища наши сугубо мужской и холостяцкий характер имели, но вскорости стали на них появляться и дамы. Первыми отметились приятели мои Олсуфьевы и Капышкин. Как-то испросивши на то согласие князя, привели они все трое своих конкубин из петербургских мещаночек, с коими дотолы лишь по собственным холостяцким квартирам одиночество коротали. Ну, а дальше – больше: Григорий Орлов и бывший тут же брат его Алексей, что ни вечер – с новыми пассиями являться принялись, а за ними и другие гвардейцы тушеваться не стали, так что с той поры уж у нас иное веселье пошло: то и глядишь, что после ужина заместо того, чтобы к столам ломберным поспешать, некоторые парочки стремятся уединиться в разных закоулках, дабы время ещё с большей приятностью провести.

Князь, который сам же первый своим попустительством и дозволил эдакую вольность, был поначалу не весьма доволен характером, кой приняты дружеские застолья наши. Однако ж братьям Орловым удалось убедить его, будто таковым образом мы отведём от себя всякие подозрения со стороны двора и правительства, и догляд-де за нами прекращён будет.

Между тем Государю и окружавшим его немчинам и так не до такового догляду было, ибо и самый двор пребывал в непрерывном загуле, так что сложнѣхонько было отыскать в ту пору среди правителей наших хотя бы две пары голов трезвых.

<...>

Наконец до Святого праздника осталось уж не более дня, и тут в вечеру Рождественского сочельника попутал меня нечистый разгласить предстоящий приезд супруги среди приятелей моих. Тотчас же все оные принялись кто во что горазд бранить меня и смеяться. Более же всех старался Андреян Капышкин: «Ба, ба, ба! Что ж ты такой-эдакой до сей поры время-то терял, да ни разу последними деньками свободы своей не попользовался! Мы-то тут почти все ещё неохомутанные и от уз Гименя свободные, да и то не плоховали; ты же, точно чернец какой, женского полу сторонился». Оба же брата Олсуфьевы порешили, что как я опять в оный вечер к князю один явился, то надобно непременно везти меня к девкам и там уж веселие продолжить. Не зная, смеяться мне или плакать над предложениями эдакими, напомнил я товарищам своим о том, что ноне строгий пост, в каковой честному христианину прелюбодеянию предаваться совсем уж негоже, да ежели бы и поста не было, всё одно мне, как человеку женатому, к девкам бегать непотребно. На это Капышкин пуще прежнего засмеялся: «Что ж, что пост? Водку-то ты, эвон, пьёшь и не морщишься, да и ко Всенощной не больно-то поспешаешь, а естественнейшие потребности человеческие за грех держишь! Да и что, скажи, за важность, что ты женат? Разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что у тебя дома кухня имеется?».

К чести своей должен сказать, что, невзирая на все оные реприманды, остался я неколебим и искушению диавольскому не поддавался. Но уж от возлияний совместных по поводу предстоящей разлуки с товарищами моими (ибо немощно же с супругою живя, все-то ночи вне дома проводить) уклониться никакого способу мне не представилось. И так-то усердно и сам хозяин, и гости его меня потчевали, что в скором времени упился я, что называется, до положения риз.

Плохо помню, как уж ночью усадили меня Иван да Пётр Олсуфьевы в свои сани и, до самой квартиры доведя, под руки, с трудом ногами передвигающего, в оную завели.

С грехом пополам добравшись до лакейской, дабы растолкать слуг, попытался я кого-либо из людишек своих отыскать. Но сколько ни тыкался в кромешной тьме по углам, сколько ни звал их, вопя уж благим матом, никого живого ни найти, ни добудиться не сумел. Тогда, не зная, где добыть огня, и не имея и сил добраться до комнат своих, вознамерился я лечь тут же в лакейской, на диванчике, но и в этом постигла меня неудача, ибо всё я натёкался на какие-то сундуки и шкафы, ничего же мягкого и похожего на постель обнаружить не мог. Делать нечего, и, помянув недобрым словом чрезмерное княжеское хлебосольство, стащил я с себя сапоги и порты, постелил на пол кафтан свой и, прилегши на него, тут же и заснул, словно в яму какую провалился.

Первоначально спал я безо всяких сновидений, словно чурбан бесчувственный, однако через какое-то время стало мне грезиться, будто стою я в некоем большом храме, по великолепию, отделке и множеству изваяний более на языческое капище, нежели на церковь христианскую походящем. Клиросы сего храма были затянута некоей узорной пеленою, легчайшей дымке подобной, и ангельское пение слышалось из-за сей пелены, сладкозвучное и гармоническое, в самую душу проникающее. Тут-то за все грехи мои стало глотать меня раскаяние и, придя в умиленное состояние духа, принялся я, проливая слёзы и в грудь себя бия, страстно взывать к Творцу о спасении: «Господи и Владыко живота моего, избави мя от духа праздности, уныния и прелюбодеяния всякого, но даруй рабу Твоему дух целомудрия, смиренного мудрия, терпения и любви! Ибо бездна последняя грехов обыде мя, и яко Иона вопию Ти, Владыце: от тления изведи мя!» Сразу за таковой молитвой моей, откуда-то сверху, из расписанного облаками и звёздами свода сами собой появились большие серебряные трубы, в коих нельзя было не признать те, что должны служить о приближении Страшного суда возвещать, и разлился по всей храмине рёв столькой силы и громкости, что я тут же и проснулся. А проснувшись и продрвав глаза, обнаружил, что наступило уже утро, в дверях же лакейской, заслоняя проём весь, стоит тётка моя Акулина Прокофьевна и широко раскрытым ртом издаёт тот громогласный вопль, что принял я во сне за трубный глас Страшного суда. Из-за тёткиной спины выглядывала юная супруга моя, Татьяна Степановна, и непонятный мне ужас плескался в глазах её.

Весьма озадаченный таковым явлением, попытался приподняться я с полу, где, натурально, так и лежал на собственном кафтане. Увидав моё пробуждение, Акулина Прокофьевна перестала уподобляться инструменту гнева Божьего, но зато разразилась потоком слов бранных, нежнейшими из которых были: прелюбодей, сосуд смердящий, изверг рода человеческого и блудник Вавилонский. Добрая же жена моя, напротив, не говоря ни слова, огласила дом плачем и рыданиями.

Совершенно уже сбитый с толку бурными проявлениями чувств обеих дам, и никак не возмыв в голову, что же могло их вызвать (уж, наверное, не то, что увидели они меня не вполне одетым и на полу отдыхающим), вскочил я на ноги и хотел было броситься к ним. Однако стоило мне сделать первый шаг к двери, как тёща словно в ужасе выкатила буркалы свои и, схвативши за руку дочь, кинулась вон, точно за нею целая стая чертей поспешала.

Чуть помедлив от изумления, я, поскорее натянув порты и сапоги, последовал за ними, но успел только увидеть, как обе они садятся в стоявший у крыльца возок, что визгливо скрипя полозьями стремительно укатывает прочь. Лишь напоследок, выглянув из окошка своего рыдвана, старая карга погрозила мне кулачищем и гаркнула: «Так оставайся же, срамник, со шлюхою своею! Доченьку же мою не видать тебе уж вовек!»

Не зная, что и думать обо всей этой кутерьме, побрёл я в некоторой прострации обратно в дом и, вернувшись в лакейскую, тотчас узрел и осознал несчастную причину случившегося: кафтан мой валялся на полу комнаты подле самого дивана, коий ночью я столь упорно искал; на самом же диване, в соблазнительной позиции, с едва прикрытыми одеялом ногами и, напротив, стыдливо укутанной какою-то тряпицею головой, возлежала обнажённая дева, являя взорам и белоснежную грудь и самое лоно своё!

В сознании моём вихрем промелькнули все события ночи прошедшей, и вмиг понял я, что коварные друзья, воспользовавшись опьянением и беспамятством моим, решили потешиться над выказываемой мною дотоле скромностью и целомудрием, привезя на квартиру одну из продажных красоток своих.

Однако фортуна готовила мне ещё большее испытание, ибо дотронувшись до оной девицы, ощутил я под рукою лишь смертный хлад и окоченение: на диване лежало мертвое тело!

Тут от всего пережитого волнения и давешних возлияний неумеренных случилось со мной нечто вроде обморока: перед очами поплыли какие-то радужные круги, вся комната завертелась подобно ярмарочной карусели, и сознание оставило меня.

Очнувшись я от действия холодной воды, которой мне плескали в лицо, и увидал, что лежу уже в своей комнате на застеленной кровати, а надо мною хлопочут денщик Прохор и кучер Иван. Вспомнив тотчас всё дотоле случившееся и, задрожав от ужаса, вскричал я не своим голосом: «Где труп?!»

– Какой труп, батюшка? – ответствовали слуги мои хором. – Нету никакого трупа!

– Там она, в лакейской лежит, покойница! – вновь закричал я.

– Да и в лакейской никого нету! Померещилось тебе, кормилец! С пьяных глаз померещилось. Вот, возьми-тка, рассольчику испей, да и успокойся, – запричитал на это старик Прохор.

Вскочив с кровати и оттолкнув от себя бездельников, бросился я в лакейскую. И что же? В оной и взаправду никакой девки – ни мёртвой, ни живой – и помину не было. Не успокоившись на том, обежал я все комнаты, заглянул во все углы, под все лежаки, топчаны и лавки, а затем, выскочив во двор, слазил даже под крыльцо, но всё тщетно: покойницы нигде не было! Тут уж я накинулся на слуг своих Ивана да Прохора и стал пытаться их, выспрашивая: «Куда тело дели, изверги? Да и не ваша ли это работа? Не сами ли вы, негодяи, бабу в моё отсутствие для утех на квартиру привели? Да и не вы ли, душегубцы, до смерти её уездили, а ноне гдей-то хороните?!»

Услыхав такие слова, оба повалились мне в ноги и, обливаясь слезами, перебивая друг дружку, рассказали-таки как на духу всю правду.

Правда же оказалась столь простецкой и смеху достойной (кабы не вызванные ею печальные последствия), что долго я не мог в оную поверить, покуда не были мне явлены и самые веские доказательства.

Однако, расскажу всё по порядку.

Как и ноне водится, к торжеству Христова Рождества деланы были во всём Петербурге приуготовления великия. Но нигде так сие приметно не было, как во дворце, ибо Государю неотменно хотелось к празднику переехать в новопостроенный дворец Зимний. Посему во весь Рождественский пост кипели в оном тысячи народа, денно и ночью поспешая все внутренности отделать.

Наконец к сочельнику дворец был уж совсем готов к переезду двора, и только большой плац перед оным оставался неочищенным и столь загромождённым, что никто не мог сообразить и додуматься, как успеть освободить его в столь короткое, оставшееся уже до праздника время.

Плац сей, лежавший перед дворцом и Адмиралтейством, простирался в один конец почти до самой Мойки, а от Миллионной – до Исаакиевской церкви. Всё его обширное пространство не было ещё тогда застроено, как ныне, многими пышными и великолепными зданиями, но загромождено премножеством хибарок, избушек, шалашей, сарайчиков и барачков, в коих жили все те мастеровые, которые строили и отделявали снаружи и внутри новый дворец. Тут же обрабатываемы были и потребные для этого материалы: граниты, мраморы и всякое дерево. Почему и запружено всё кругом было разными отходами, горами мусора, щебня, кирпичича, брёвнами и прочим всяким вздором.

Вот тогда-то, увидев, что никакими силами за оставшееся время успеть убрать этот дрязг невозможно, Государь и повелел тогдашнему петербургскому генерал-полицмейстеру Корфу объявить жителям через полицию, чтобы всякий, кто только хочет, шёл и брал себе безданно, беспошлинно, всё, что тут есть.

Вмиг вся столица словно взбеленилась: со всех улиц и изо всех дворов побежали и поехали целые тысячи народа, и всякий хватал и тащил, что под руку попадалось, спешил отнести или отвезти в дом свой и опять скорее воротиться. И действительно, уже к следующему утру вся та великая площадь была освобождена и очищена.

Я же, своевременно узнав о распоряжении том от генерала моего и памятуя о скором приезде жены, тако же отправляясь ввечеру к князю, велел своим людям, чтобы они съездили бы ко дворцу и набрали телегу-другую дров, коих для обогрева квартиры моей надобно было, по стоявшей тогда промозглой и холодной погоде, великое множество.

Исполняя это, Иван тем же вечером запряг лошадку и со старым денщиком моим Прохором отправился за дровами.

Съездив раз и набрав полную телегу всяких обрубков, брёвнышек и досок, они снова воротились за добавкою. Тут-то и случись, что Прохор, который сызмальства до всякого художества был большой охотник (умел и короба плесть, по дереву резчик был отменный, и даже для нашей приходской церкви образа писывал), углядел под какой-то кучей щепы мраморную статую некоей богини или нимфы италийской. Кумир сей был, видать, при перевозке повреждён и от постаменты отколот, почему и не сподобился украсить кровлю нового дворца, а здесь же, на площади, за ненадобностью брошен.

Углядев эдакую красоту, Прохор сейчас же часть дров из телеги повыбрасывал, а заместо них, не без помощи Ивана, уложил оную статую. Привезя

её на квартиру, они для пущей сохранности, дабы ещё больших повреждений не допустить, затащили её к себе в лакейскую и на кушетку уложили, ещё и всяким попавшимся под руку тряпьем прикрыв. Сами же, памятуя о том, что я обыкновенно никогда раньше утра от князя не ворочался, пошли в трактир, попить чайку и от трудов праведных отдохнуть.

Так-то и довелось мне ночь с сочельника на Рождество провести с богинею, а вовсе не с девкою гулящей, как тёще моей примерещилось и как я сам попервоначально думал! Сим же, конечно, объяснялось и то, что я с похмелья холодность мрамора принял за окоченение трупное.

Всё бы это было ничего и сошло бы по-хорошему, кабы не довёл я себя повечеру продуктами Бахусовыми до оглушения, да не притащила бы старая ведьма дочь свою в Петербург много ранее срока, прежде между нами уговоренного.

Закончив рассказ свой, оба мои верные слуги отвели меня к дровяному сарайчику и, разбросав часть поленьев, предъявили и саму статую, которую с перепугу там сховали, увидав меня без памяти и прознав от соседей о случившемся скандале и поспешном отъезде моего семейства.

Кипя злобою на дурь мужицкую, хотел было я сию статую всю молотком на куски раскрошить, но вовремя спохватился, что тем себе более зла причину, нежели слугам моим досады, ибо долгонько пришлось бы мне после убеждать молодую супругу, что не с блудницею я ей изменил, но с неживою богинею.

Напротив, поразмыслив хорошенько, догадал я, как всё дело поправить и из этой заварухи с честью выйти: приказав Ивану немедля запрячь лошадей, посадил я Прохора в обнимку с богинею его в двуколку и велел скакать вдогонку за дамами моими, а, догнав, предъявить им мраморный кумир сей, да без утайки поведать, как всё дело было.

Уж за заставою, на обратной дороге в Москву, удалось моим верным автотомедонтам настичь тещин ландцуг и исполнить всё, как было велено. Умная моя Татьяна Степановна сразу всё поняла и, несмотря на сопротивление матери своей (которую убедить в очевидном было труднее, нежели заставить поверить нелепицам сущим), понудила её воротиться назад. Тем дело и кончилось.

Вот и вся приключившаяся со мной на Рождество 1762 года история. Добавлю лишь, что, не успели ещё окончиться святки и отшуметь неизбежные в сие время балы, празднества и гуляния народные, как Император подписал мирный договор с Пруссией и, паче того, заключил с любезным его сердцу Фридрихом оборонительный и наступательный союз супротив всех прочих держав.

Я же, добившись в Военной коллегии абшида, с лёгкой душой покинул службу Государеву и, сделавшись свободным и вольным навсегда человеком, увёз жену в родовое своё в Тверскую губернию. Тёщу же Акулину Прокофьевну с этих пор я более не видал ни разу, чему и рад бесконечно.

Что же касается статуи, то она и до сей поры у нас с женою хранится, ибо велел я Прохору приладить к ней постамент и, в поминание рассказанного мною происшествия, установить в саду возле усадьбы нашей Ногино. Между прочим, выяснилось, что ваял её известный художник французский Ролянд по образцу кумира Венеры, что в Ватикане у первосвященника Римского хранится.

Морок

Сколько раз говорил себе Рузанин, что негоже возбуждать себя горячительными напитками перед вылазкой в лес, и вот на тебе, не удержался, принял-таки двести пятьдесят на дорожку. Видать, поэтому грибная охота сразу не задалась: глаза туманила какая-то слезливая пелена, а сами грибы, которых об эту осеннюю пору должно было быть видимо-невидимо, словно бы разбегались, почуяв исходящий от охотника тлетворный водочный дух.

Вот уже полтора часа, с самого полудня бродил он по знакомому осиннику, и хоть бы одна охряно-красная головка или крепкая коричневая шляпка мелькнула в гуще невысокой пожухлой травы или на кочках зеленоватобурого мшаника. Лишь с десяток хлипких тонконогих болотных подберёзовиков лежали на дне его поместительной корзины.

Но и то сказать: как было удержаться-то? Очнувшись этим утром, Алексей Рузанин едва сумел оторвать распухшую голову от подушки, даже ведро ледяной воды, которое он с утробным рыком вылил на себя во дворе, не смогло совсем прогнать похмельную одурь и дикую пляску рук. Вчерашний скандал с женой совершенно выбил его из колеи. Далеко не первый скандал, но уж очень безобразный. Взаимные упрёки и обвинения в неверности едва не закончились рукоприкладством. В конце концов Людмила хлопнула дверь и ушла ночевать к соседке. Напоследок посулив мужу показать «небо в алмазах» вкупе с «кузькиной матерью». Алексей ей поверил – чего-чего, а мстительности его благоверной не занимать.

Ему бы переждать, полежать в шезлонге, погреться в ещё тёплых лучах осеннего солнышка, но Алексей решил, что только в лесу ему может быть облегчение, только там, под сенью вековых сосен и поклятых осин, живительные запахи прелой листвы и смолистой хвои прогонят наконец прицепившуюся хворь, заставят бежать кровь по жилам, убьют глухую тоску...

Когда же и на третий раз не сумел он натянуть резиновые сапоги – сил не было протолкнуть в голенище ногу в толстом шерстяном носке – то, раздражённо выматюгавшись, пошёл на кухню. Не найдя на столе и на полках стакана, подошёл к русской печке, пошарил по печуркам и вытащил стограммовую фарфоровую стопку в виде босой лешачьей лапы. «Очень кстати, – подумал Рузанин. – На ход ноги, значит».

Открыл непочатую бутылку «Ярославской», расплёскивая живительную влагу трясуцимися руками, налил первую и быстро, чтобы не дать тремору его опередить, забросил содержимое прямым в глотку. Покорчился минут пять, унимая рвотные позывы, занюхал куском заплесневелого сыра и сейчас же выпил ещё. Короче говоря, ополовинив пузырь, Алексей почувствовал некоторое облегчение. Во всяком случае, ушла из тела противная дрожь, а на душе стало не так муторно и тоскливо.

Когда он, прислонив снаружи к двери в избу батог, дабы всем было ясно, что хозяина дома нет, направился по заросшей овечьей травой деревенской улице в сторону леса, было уже около полудня.

Не оглядываясь, миновал Рузанин поросшее лебедой, бурыми свечами конятника и лопухами давно отцветшей мать-и-мачехи бывшее совхозное поле и вошёл в лесную просеку-визирку, что вела прямым к молодому двадцатилетнему березняку, за которым как раз и был нужный ему старый осинник, где он надеялся набрать никогда не переводившихся там подосиновиков и белых.

В лесу было тихо, только сухая листва шелестела у Алексея под ногами, да лёгкий ветерок шевелил самые верхушки янтарных сосен. Высоко над ними почти безоблачный небесный купол был лёгок и светел, синь его ещё не успела отцвести, но неуловимый стальной отблеск напоминал о близящейся промозглой поре затяжных дождей и студёных ветров. Лучи усталого осеннего солнца заливали просеку приятным тепловатым светом, сквозили в сильно поределой листве дубов и осин. Лес стоял печальный и прозрачный, словно готовясь к зимнему умиранию. Не было слышно привычного летом птичьего гомона, лишь изредка пронзительный вскрик сойки нарушал осеннее безмолвие.

Рузанин свернул с травянистой тропки и углубился в березняк. Остановился на несколько минут, чтобы закурить и срезать себе подходящую ветку попрямее: с палкой об эту пору грибы искать сподручнее, шевелить толстый многоцветный покров опавших листьев.

По сторонам Алексей особо не глядел – места кругом были знакомые, много раз хоженые. Правда, осенний лес – не то что летний, и знакомые места подчас кажутся чужими, но уж до осинника Рузанин сумел бы добраться и с завязанными глазами.

В этом самом попутном березнячке, среди высокой, начинающей желтеть осоки, он и нашёл тонконогих болотных черноголовиков, которых в здешних местах почему-то величали «обабками». А затем удача ему изменила.

Споткнувшись в очередной раз о толстое корневище и едва не ткнувшись носом в землю, Алексей решил передохнуть. Сел на сухую листовую подстилку, устало прислонился к замшелому стволу старой осины, закурил. Было очевидно, что тут бродить долее особого смысла не имеет, но и с пустыми руками домой возвращаться он не хотел: завтра должен был приехать его старый товарищ – Колька Иконников, а Алексей твёрдо обещал угостить его приготовленными по собственному рецепту грибами. Что ж делать? Куда ещё пойти? Осенние опять уже прошли... Может, вернуться обратно и поискать белых в сосновом бору по краям просеки? Но много ли там найдёшь! В том бору и в хорошие времена белые встречались по штуке на гектар, а сейчас, коли уж фарт не пошёл...

Неожиданно Рузанин вспомнил о дальнем ельнике, что лежал за небольшим болотцем километрах в двух к востоку отсюда. Рядом с тем ельником, в тёмном смешанном леске, в конце лета и осенью всегда росло невероятное количество польских белых. С боровиками их, конечно, не сравнить, зато и растут они целыми семьями: полчаса – и корзина полная.

С некоторым трудом поднявшись на неожиданно ослабевшие после отдыха ноги, Рузанин огляделся, наметил направление и как мог быстро зашагал на восток.

Осинник поредел, расступился, и перед Алексеем открылась большая поляна, поросшая осокой и редкими купами молодых берёзок. Пройдя вдоль неё, Алексей нашёл нужную ему почти неприметную тропку и побрёл через сухо шелестевшую траву, стараясь не запинаться за многочисленные кочки.

Перебежав замысловатыми извилами поляну, тропинка упиралась прямо в очередную старую лесную просеку, называемую «полдницей», ибо в былые незапамятные времена бабы ходили по ней к полудню доить коров, пасущихся на заливных лугах близ деревни Рогозино. Правда, нынче ни тех лугов, ни той деревни давно и в помине не было, но название сохранилось.

Просека поросла местами невысоким сивым тальником, по бокам её сплошной непроницаемой тёмно-зелёной стеной стояли угрюмые разлапистые строевые

ели. Их могучие, начинающиеся едва не от самой земли ветви стелились и по самой просеке, мешая идти и заставляя Алексея то и дело спотыкаться.

Запнувшись в очередной раз, Рузанин не устоял на ногах и сунулся носом в траву, выматюгался, поднял глаза и увидел прямо перед собой выводок крепких листовенных маслят, спрятавшихся в переплетении пожухлой, но ещё густой травы. «Вот те раз, – подумал Алексей, – видать, я прямо по маслятам шастаю. Экая дубина! Однако упал это я удачно». Усевшись потурецки, он стал осторожно вытаскивать грибы из земли, аккуратно очищать ножом корешки и складывать в корзину. Рузанин никогда не срезал грибы, считая таковую привычку верхом дурости, ибо знал, что в девяноста случаях из ста при срезании половина грибного корня остаётся в земле, червям на потребу. Ссылка же некоторых его знакомых на то, что при подобном «варварском» способе сбора разрушается грибница, ничего кроме смеха у него не вызывала. Как можно повредить раскинувшуюся на множество метров под земным покровом грибницу, сорвав порождаемые ею плодовые тела? Равным образом верно утверждение, что яблоки с яблони надлежит не обрывать, но срезать ножом, оставляя половинки их гнить на ветках.

Вставать с земли Алексей не спешил, отставил в сторону корзину и принялся внимательно обследовать траву вокруг найденного грибного семейства. Поиски не замедлили дать положительные результаты: в короткое время он сумел обнаружить ещё десятка три склизких оливково-оранжевых шляпок. Почти все маслята оказались на удивление чистые, червивых попадалось мало, что для этих капризных грибов большая редкость. Видимо, сказывалась осенняя прохлада.

Наконец, тяжело поднявшись на ноги, Рузанин пошебуршил ещё для очистки совести палкой в траве и, не обнаружив ничего достойного внимания, двинулся дальше по просеке. Корзинка его была теперь на четверть заполнена и приятно тяжелила руку.

Просека кончилась, вековой ельник перешёл в какие-то донельзя искривлённые сосенки, затем пошёл кустарник, и перед Алексеем открылось неглубокое на вид, но топкое болотце с бочажинами чёрной воды, подёрнутой плесенью ярко-зелёной ряски.

Алексей остановился, припоминая, с какой стороны лучше всего обойти это препятствие.

Прямо за болотцем, за почти голыми купами лозняка опять начинался строевой еловый бор, а где-то левее должен был быть тот самый лесок, обильный ядрёным польским грибом.

Однако слева топкая местность простиралась на весьма значительное расстояние и заканчивалась совершенно непроходимыми зарослями сивого тальника. Туда лучше было не соваться. Рузанин повернул направо и решительно, насколько позволяла накопившаяся усталость и общее ослабление, вызванное постепенным прекращением действия алкоголя, зашагал вдоль мшистых кочек и островков всё ещё зелёной болотной осоки.

В воздухе остро пахло быльником и веяло ещё каким-то особенным болотным духом, не сказать, что неприятным. Досаждающей путникам в этих местах мошкара не было и в помине, лишь редкие белёсые мотыльки, разбуженные солнечными лучами, порхали над осокой. Засмотревшись на их дёрганые движения, Алексей не сразу заметил, что под ногами у него захлюпала вода. Сообразив, что слишком рано стал принимать влево, он вновь вылез на сухой пригорок, тянущийся вдоль болота, и огляделся вокруг. Странно. По его

расчётам, он уже должен был выйти к правой оконечности болотца, однако перед ним по-прежнему была всё та же картина: мшистые кочки и осока – по одну сторону и хилые заросли лозняка – по другую.

Между тем, небо начало заволакивать серыми дождевыми облаками. Они медленно наползали откуда-то из-за невидимого за деревьями горизонта и неуклонно подбирались к тускловатому солнечному диску. В то самое мгновение, когда последние лучи его, блеснув ещё пару раз в облачных окнах, совсем погасли, с неба посыпал беззвучный мелкий дождь.

Рузанин натянул на голову капюшон куртки и застегнул молнию, – становилось зябко. Он как мог постарался ускорить шаг. Надвинутый на глаза капюшон сильно мешал обзору, поэтому Алексей смотрел только себе под ноги, опасаясь потерять путеводный пригорок.

Ну вот, наконец, местность стала более ровной, чахлая болотная растительность сменилась сначала низеньким ельником, затем величавыми кондовыми соснами; их неохватные, со стальным, янтарным и медно-красным ближе к кроне отливом стволы высились тут и там, будто колонны Карнакского храма. Подлеска почти не было, почву устилал толстый слой опавшей хвои, а воздух был напоён приятным смолистым ароматом; лишь беспрестанно сеющей с низкого неба липкий дождь портил впечатление.

Рузанин остановился, откинул капюшон и осмотрелся. Да, всё верно: болото осталось позади, теперь главное – не потерять его из виду и добраться до ельника, а там и до места рукой подать.

Алексей вновь нахлобучил поглубже капюшон, ознобливо передёрнул плечами и, низко нагнув голову, почти бегом устремился вперёд. Нужно было спешить, чтобы успеть вернуться до ранних в это время года сумерек.

Лесок, куда направлялся Рузанин, был довольно странным. Росли в нём деревья почти всех возможных для здешних краёв пород: и осина, и клён, и рябина, и ольха; густые пахучие заросли бузины соседствовали с колючим можжевельником и мохнатыми замшелыми елями; морщинистые дубы – с редкими корабельными соснами, а место подлеска занимали обильно разросшиеся папоротники и ядовитый вороний глаз – неперенные спутники польского белого. Странен же он был тем, что, несмотря на занимаемое им небольшое пространство, ограниченное болотом с одной стороны и старым ельником – с трёх других, Алексей не единожды умудрялся там плутать. Расстояния и направления в этом леске, казалось, беспрестанно менялись. Сколько раз пытался он помечать свой путь заломленными ветками или зарубками на древесных стволах, чтобы легче было выйти к знакомым местам, но всё одно выбираться приходилось каким-нибудь новым, неведомым дотоле путём, оставленные же им приметы бесследно исчезали. И это была не единственная странность.

Не прерывая быстрого шага, Алексей подёрнул левый рукав куртки и мельком глянул на часы. Часы стояли. Видимо, вчера он позабыл их завести, и теперь они намертво застряли на половине третьего. Сколько точно времени бродил он уже по лесу, Алексей не знал, а серое слезливое небо ничего не могло ему подсказать. Вот если бы выглянуло солнышко, хотя бы на миг. «Однако уж никак не менее четырёх часов, – подумал он, зло сплёвывая и опять прибавляя шаг. – Надо поспешать, поспешать!» И тут, будто натолкнувшись на невидимую преграду, он остановился и, глянув влево, обнаружил, что болото давно уже кончилось и на месте его громоздится непроницаемая стена векового ельника.

Пробираться через ельник было значительно сложнее, нежели бежать по чистому сосновому бору. Каждая колючая лапа норовила захватить в лицо, стащить с головы капюшон; часто приходилось петлять, огибая ощерившиеся острыми, как ножи, сучками завалы упавших деревьев. Одно утешение – дождь здесь почти не ощущался, мелкая морось не проникала сквозь густое переплетение ветвей хвоистых великанов.

Обходя очередное нагромождение почерневших осклизлых стволов, уныло догнивающих под сенью своих ещё живых собратьев, Рузанин неожиданно наткнулся на едва приметную узенькую лесную тропку. «И тропок-то тут раньше никаких не бывало», – подумал Алексей, но искушать судьбу всё же не стал и двинулся дальше по ней, тем паче, что тропа бежала, как ему казалось, аккуратно в нужном направлении.

Действительно, не прошло и получаса, как ельник оборвался неглубокой ложиной, за которой начинался тот самый «странный» лесок.

Алексей передохнул пару минут, приводя в норму сбившееся дыхание, потянулся было в карман за сигаретами, но передумал и осторожно ступил на сплошной ковёр хрусткого брусничника, металлической зелени которого, казалось, были нипочём ни холодные осенние ночи, ни лютая зимняя стужа.

По дну брусничной ложины бежал небольшой, скоро впадающий в болотце прозрачный ручей, и Рузанин сразу ощутил мучительную жажду, встал на колени и долго пил горстями ледяную, пахнущую папоротником воду. Когда же он наконец насытился и поднялся на ноги, с удивлением обнаружил то, что должно было сразу броситься ему в глаза: раскинувшийся перед ним лес не являл и малейших следов осеннего увядания; сочная, влажно поблёскивающая листовая зелень его более соответствовала летней июльской поре, нежели второй половине сентября. Казалось, что под его дремотным пологом время остановилось, прекратило свой назойливый бег, навсегда забывшись в прекрасном таинственном сне.

Однако предаваться размышлениям было некогда, – дождливая серость этого дня совсем скоро могла обернуться вечерними сумерками, и тогда думать придётся уже не о грибах, но о благополучном возвращении. «Впрочем, – успокоил себя Алексей, – мне бы только до осинника засветло добраться, а там уж пускай смеркается, все тропинки хожены-перехожены»

Разросшийся по самой кромке леса орешник уступил место раскидистым кустам папоротника и невысоким мясистым стрелкам лесного хвоща, вскоре замелькали и чёрные бусинки вороньего глаза, чаще стали встречаться ели и колючий можжевельник. Вот наконец и первая каштаново-коричневая шляпка влажно блеснула среди травяной путаницы. Стоило Рузанину нагнуться за грибом, как он заметил невдалеке ещё пару, затем ещё, а там уж польский белый стал попадаться через каждые восемь-десять шагов, да не по одному, а всё больше по два-три. Правда, и гнилых среди них встречалось немало, поэтому далеко не каждый гриб оказывался в корзине, некоторые, порезав корешок и располовинив шляпку, Алексей тут же и отбрасывал в сторону, дабы не таскать с собой лишнюю тяжесть. Не прошло и нескольких минут, как он позабыл обо всём на свете, кроме этой увлекательной грибной охоты, а добрая половина его корзины была заполнена отборными крепкими *Xerocomus badius*. В душе Рузанина воцарились тишина и покой, а мир вокруг него снова стал прекрасен и гармоничен, как в прежние, давно канувшие в Лету времена.

«Ага, панове, – с некоторой досадой думал Алексей, очищая от земли и хвои очередной склизкий экземпляр, – как же это я о вас раньше-то не вспомнил? Стоило столько времени тратить на прочёсывание треклятого осинника! Вот уж правду говорят: дурная голова ногам покою не даёт. Ну да ничего, ничего, сейчас отыграемся. Не бывало ещё того, чтобы я пустой возвращался из лесу».

Первоначально он не понял, что заставило его насторожиться и оторваться от кропотливых поисков. Но вскоре сообразил: умолк неустанный шелест дождевых капель в осенней листве, умерли вообще все звуки, и вязкая колдовская тишина опустилась на зачарованный лес, а с ней белёсый молочный туман пополз откуда-то из влажных низин, заклебил у древесных корней, окутал могучие папоротники, проник длинными языками в бузинные заросли. Сумерки упали сразу и внезапно.

Враз вернувшись к действительности, Алексей досадливо чертыхнулся и огляделся по сторонам. Насколько ему помнилось, он вроде бы никуда не сворачивал и шёл всё время почти по прямой, так что теперь ему нужно было просто развернуться в обратную сторону, выйти к ручью, а там – через ельник... Нет. В ельнике, в таком ельнике, да еще в темноте, заплутать легче лёгкого. Надо принять влево и выйти к болоту, а там – вдоль берега и на ту сторону.

Алексей срезал охотничьим ножом две орешины, туго перевязал их лыком в виде креста и воткнул в землю, чтобы пометить на всякий случай место. Ещё разок внимательно осмотрелся – как бы чего не напутать – и пошёл в сторону болотца, которое, по его разумению, могло лежать только там, по левую руку.

Минут через двадцать ходу он забеспокоился, впереди не было видно ни малейшего просвета, лес и не думал кончаться, всё так же безмолвно смыкались над его головой тёмные кроны, а лохматый папоротник стал только гуще и выше. Рузанин взял ещё левее в надежде выйти хотя бы к ручью, а по нему уж добраться и до болота, и, действительно, через какую-то сотню шагов перед ним открылась лощина, едва не до самых краёв заполненная причудливо клубящимся туманом. Алексей осторожно спустился вниз, но никакого ручья там не оказалось, только кучи старого замшелого валежника гнили на дне этой лощины. «Куда же это меня чёрт занёс? – подумал он, выбираясь обратно. – Совершенно, ведь, незнакомое место. Не припомню, чтобы бывал здесь когда-нибудь».

Некоторое время он брёл вдоль этой незнакомой лощины, всё держась левого направления и чутко прислушиваясь в напрасной надежде услышать журчание воды, пока не понял, что окончательно заблудился. Особенного страха он не испытывал, лишь непомерную усталость и глухое раздражение на собственную неосторожность: «Знал ведь, что из этого леса и белым днём не так просто выбраться. Так нет, надо было ему до темноты проколоть. Чёрт нерусский!» Его снова стала мучить жажда, почти полная корзина непосильным грузом оттягивала руку, всё тело ломало от долгого хождения, в голове мутилось, а ноги сами собой подгибались, так что он то и дело спотыкался на ровном месте.

«Нет, – наконец решил Алексей, – надо остановиться, отдохнуть. Всё одно не дойти. Придётся ночевать здесь, а уж утром, по свету выход сам найдется...»

Он поискал место повыше и посуше, поставил корзинку под прямой, как свеча, облепленной толстым слоем лишайника осиной, наломал с росших неподалёку молодых ёлочек лапника и бросил туда же. Долго высматривал

какое-нибудь сухое деревце для костра, пока не увидел прямо за осиной сразу несколько чахоточных полумёртвых сосен, торчавших на самом краю туманной лощины. Частью наломав, частью нарезав ножом смолистого сушняка, сложил его в кучу; охлопал карманы куртки в надежде найти какой-нибудь клочок бумаги, но не обнаружил ничего подходящего и, вытащив оставшиеся сигареты, засунул пустую пачку под собранный хворост.

Костёр занялся сразу, затрещал, посыпал вверх огнистыми извивами искр, а сумрачный вечер враз обратился в непроглядную ночь, густая влажная темнота обступила человека со всех сторон.

Ещё собирая сушняк, Алексей заметил невдалеке стройную рябину и теперь едва не ощупью, по памяти нашёл её, нарвал спелых гроздей и принялся жевать ягоды, перебивая их терпкой водянистой горечью изводившую его жажду. Потом вернулся к своему лежбищу, подобрав по дороге большую хвойную валежину, кинул в костёр, тяжело уселся на лапник, закурил и вытянул ноги поближе к огню.

Несмотря на усталость, в сон его пока не клонило. Напротив, ожило ощущение голода. Рузанин ловко нанизал на ивовый прут пару польских белых и принялся обжаривать их над костром.

Не протушившиеся в собственном соку грибы, да ещё и без соли, показались ему сухими и пресными, но сосание под ложечкой прекратилось, терзающие его тревога и раздражение отступили, и Алексей почувствовал даже некоторое умиротворение. «Не пропаду, – решил он, – огонь и какая-никакая еда есть, курево – вон тоже. Чего ж больше? Утра только дожждаться, а там всё на свои места встанет».

Неожиданный лёгкий порыв ветра прошелестел где-то на самом верху, в невидимых кронах; деревья убаюкивающе зашумели, дремотно завздохали, зашептались промеж собой, как полусонные дети, и Рузанин не заметил, как и сам тоже стал проваливаться в спокойное забытьё. Пару раз он ещё открывал глаза, недоумённо вглядываясь в подступающую темноту, уже не вполне понимая, где находится, а после заснул совсем, привалившись спиной к мягкому лишайнику, толстым губчатым слоем облепившему ствол старой осины.

Очнувшись он от холода, костёр почти совсем прогорел, угли его подёрнулись серым пеплом. Глянув вверх, Алексей увидел, что тучи частично рассеялись, тут и там затеплились тускловатые светляки звёзд, и большая кровавая луна встала над лесом.

Алексей с кряхтением, то и дело зябко вздрагивая, поднялся со своего ложа, – нужно было раздобыть ещё сушняка, оживить костёр, да и все члены его занемели от неудобной позы. Поползав на четвереньках вокруг осины, он с трудом набрал лишь немного мелкого валежника, вдобавок изрядно сырого от обильной ночной росы; пришлось бросить в костёр служивший ему подстилкой лапник. Когда тот занялся, громко потрескивая и стреляя в темноту мелкими угольками, Рузанин уложил сверху собранный хворост и недогоревшие остатки еловой валежины. Костёр разгорался нехотя, красные язычки его споро пробежали по смолистым иглам и по-змеиному зашипели на чёрных мокрых сучьях, норовя захлебнуться вытапливаемой влагой, задохнуться и заглохнуть в клубах сизого дыма. Алексей наломал ещё еловых веток, как следует обтряс их от росы и положил в огонь. Управившись с костром, он вновь тяжело опустился подле замшелой осины, нахлобучил поглубже на голову капюшон, засунул руки в рукава куртки и попытался заснуть. Но сон не шёл, лишь изредка какая-то тяжёлая одурь обволакивала его сознание,

на пару минут проваливался он в тревожное полузабытьё, полное размытых, смутных образов, и вновь открывал глаза, прислушиваясь к таинственному лесному шуму и тоскливым вздохам старых деревьев.

А лес между тем шумел всё громче, всё сердитее, вздохи невидимых деревьев становились всё сильнее, глубже. Чувствовалась в этом шуме и этих вздохах какая-то затаённая угроза, глухое и плохо сдерживаемое раздражение против вторгшегося в чужие владения человека. Самая темнота вокруг была полна неясных и оттого ещё более таинственных и страшных шорохов, призрачных звуков и шепотков.

У скорчившегося подле малой огненной точки Рузанина росло недоброе чувство, что кто-то враждебный подсматривает за ним, неотступно следит, сокрывшись за непроглядной завесой ночного мрака.

Вскоре уже чудилось Алексею, будто целое сонмище неведомых лесных существ сгрудилось вокруг слабого светляка его костра, и все эти затаившиеся до поры мороки вперили в него негодующие взоры, возмущённо бормочут и только ждут подходящего момента, чтобы выскочить из своих укывищ и наброситься на опрометчиво забредшего в их потаённые края чужака.

Редкие минуты забытья тоже не приносили облегчения, и там преследовали его чудовищные и жуткие видения. Вовсе, казалось, окаменелые, канувшие в неведомое, прочно и старательно позабытые воспоминания оживали и теснились перед его внутренним взором, подобно покойникам, неожиданно для родных и близких восставшим из своих могил.

Вся мерзость и пустота последних лет предстала перед Рузаниным с пугающей очевидностью. Лица друзей, которых он равнодушно бросил, женщин, которых он оттолкнул или предал, мелькали перед ним, сменяя друг друга с калейдоскопической скоростью. Все гадости, которые он успел совершить в своей жизни, явились перед ним с обнажённой ясностью.

Казалось, вся скопившаяся у него под сердцем глухая тоска нашла наконец выход, излилась в этих видениях и образах и вот-вот затопит его смятённое сознание, погребёт его под тяжким и тёмным валом обезумевшей памяти.

«Заманили! – непонятно о ком думал Рузанин. – Теперь уж не уйти, не вернуться». Но тут же и одёргивал себя: «Что это я? О чём?! Нет ведь ничего. Морок один. Морок и ничего больше!»

Однако в следующее мгновение тёмный вал опять накрывал его, сдавливал непомерной тяжестью грудь, и он вновь, задыхаясь, погружался в призрачную пучину потерянных воспоминаний и образов. С усилием сбрасывая с себя сонное наваждение, Рузанин снова оказывался один на один с бормочущей мглой и затаившимися в этой мгле неведомыми опасными существами, чувствовал скрестившиеся на нём враждебные и злобные взгляды, вздрагивал от таинственного шороха и глухих вздохов. Ему казалось, что стоит только прислушаться, и он непременно разберёт, о чём шепчется окружившая его темнота, поэтому прислушиваться он боялся, старательно зашоривал сознание и оттого вновь проваливался в наполненное кошмарами забытьё и вновь пытался из него выбраться, в ужасе от жутких видений.

Внезапно громкий хриплый вой, раздавшийся совсем близко, заставил Алексея подпрыгнуть и мигом вскочить на ноги.

Дремоту как рукой сняло, а сознание враз прояснилось. Он напряжённо замер, тщетно всматриваясь во тьму и стараясь определить, померещилось ли ему это во сне или действительно он слышал так напугавший его звук.

Вой больше не повторялся. Постояв несколько минут, Рузанин постепенно стал соображать, что не иначе как собственный разум сыграл с ним такую злую шутку.

«Господи! Помстится же эдакое, – думал он, пытаясь унять сотрясающую его нервную дрожь. – Вот уж, правда, у кого совесть нечиста, тому и тень ко черги – виселица».

Костёр догорал, угли в нём ещё слабо мерцали бесшумными кроваво-красными огоньками, но света почти не давали, поэтому окружающий мрак не казался уже таким плотным и беспросветным; смутными тенями проступали силуэты деревьев, а верхушки их отчётливо выделялись на фоне звёздного неба и отливали в рассеянных лучах луны тусклым серебром.

Алексей решил опять собрать хворосту, да и пить очень хотелось, поэтому он перво-наперво попытался определить, в какой стороне должна находиться рябина, что вчера помогла утолить ему жажду. Наметив примерное направление, он отправился на поиски, осторожно ощупывая темноту перед собой срезанным днём ольховым прутком.

Шагов через десять он наткнулся на ту самую рябину и принялся торопливо срывать и жадно разжёвывать наполненные горьковато-кислым соком спелые ягоды.

И в этот самый момент неожиданный тихий хруст ветки за спиной заставил его замереть на месте.

Рузанину стало жутко – буквально всей кожей, всем своим существом почувствовал он упёршийся прямо ему в затылок тяжёлый враждебный взгляд. Волосы на голове его зашевелились, ледяная волна страха пробежала по телу и сковала мышцы.

Непослушными, будто одеревенелыми пальцами нащупал он костяную рукоятку висевшего на поясе охотничьего ножа, заставил себя медленно повернуться, и сейчас же сердце, глухо ухнув, провалилось куда-то в живот – всего в нескольких метрах от него, в еле заметном просвете между деревьями отчётливо виднелась огромная чёрная фигура какого-то невероятного существа.

Существо стояло неподвижно, угрожающе сторбившись и растопырив по-обезьяньи длинные лапы или руки; было оно не меньше, чем в полтора человеческих роста, с конической, сужающейся к макушке большой головой и грузным мохнатым туловом. В самой неподвижности его ощущалась чудовищная необоримая мощь и древняя злоба. Неизбывной ненавистью ко всякому человеческому духу веяло от этого существа.

Рузанин отчаянно закричал, метнул в тёмную фигуру палкой и сделал два шага в сторону, вытаскивая одновременно из кожаного чехла нож, и сейчас же со стоном облегчения рухнул на влажный мох: наваждение развеялось – вместо зловещного неведомого монстра перед ним стояла небольшая причудливо искривлённая сосна.

От пережитого страха и мучительного чувства собственной беспомощности Алексей даже заплакал, уткнувшись лицом в грязные ладони. Но тут же урезонил себя, утёр слёзы и поднялся на ноги, до боли сжимая пальцы в кулаки: «Что это я? Эдак скоро и вовсе крыша поедет. Нет, надо выбираться, уходить из этого чёртова леса...»

Небо, казалось, немного посветлело, да и лесной мрак вроде бы чуть рассеялся. Видимо, близилось утро.

Алексей подошёл к напугавшей его кривой сосне, мстительно обломал наиболее пушистые лапы и отнёс к заглохшему костру. Через несколько мгновений они вспыхнули ярким зеленовато-оранжевым пламенем.

Грея над огнём руки, Рузанин припоминал рассказы своей покойной бабушки Прасковьи о лесном хозяине, которыми она обильно потчевала его в детстве. «Есть такие леса, милоч, – обыкновенно начинала она каждый свой рассказ, – куда лучше и не соваться. В тех лесах неизвестная сила обитает, а ночами сам лесной хозяин бродит и шибко сердится, коли заночует там кто из людей. Самой мне его видать не приходилось, Господь миловал, но бают, будто страшен тот лесной хозяин, что твой чёрт: мохнат, агромадного роста, глаза имеет разного цвета – один зелёный, а второй красный, и на ногах обувка разная – левый сапог на правой ноге, а правый на левой. Ещё бают, что обличиём он ровно как старый куст, какие на болотах вырастают, с головы до ног лишаем порос и сила в ём немереная: тому хозяину человека задавить, что тебе вошь прихлопнуть! От так от, милоч. В лес, вишь, тоже с понятием ходить надо. Не всякого человека лес живым выпустит».

Немного отогревшись, Рузанин опять направился за хворостом: скоро рассвет или нет, а всё лучше дожидаться его здесь, у костра, нежели пытаться выбраться из проклятого леса в темноте.

На сей раз Алексей не опасался отойти подальше от места своего ночлега – костёр был приметен издали и служил прекрасным ориентиром. Набрал достаточное количество валежника, он хотел было возвращаться, но тут краем глаза заметил какое-то слабое зеленоватое свечение в глубине высоких зарослей ольшаника. Прислушавшись к себе, Алексей понял, что никакого особого беспокойства или тревоги это явление у него не вызывает, поэтому после некоторых колебаний решил рассмотреть его поближе.

Едва он сделал несколько шагов в ту сторону, как в нос ему шибанул ни с чем не сравнимый, отвратительно резкий запах падали. «Тьфу! – плюнул Рузанин. – Экая вонь! Видать, что-то там разлагается, какое-нибудь животное, наверное». Чем ближе он подходил, тем запах гниения становился всё сильнее. Наконец Алексей приблизился достаточно, чтобы разглядеть источник загадочного свечения, и глазам его открылось довольно примечательное, даже inferнальное зрелище: на небольшой, залитой рассеянным лунным светом прогалине рос огромный белёсый гриб с ноздреватой конической шляпкой, а в покрывающей эту шляпку вязкой слизи копошилось множество крупных жуков, чьи хитиновые надкрылья ярко мерцали колдовским зеленоватым светом. Именно гриб и распространял далеко вокруг себя миазмы трупного запаха и, несмотря на неестественный размер, Алексей сразу признал в том грибе пресловутую весёлку, чьё латинское, более откровенное название вполне соответствовало вызывающе фаллической форме.

Рузанин успел ещё заметить, что весёлка растёт по самому центру трёх замкнутых друг в друге «ведьминых кругов» – концентрических окружностей, образованных некими мелкими поганками, как вдруг за спиной его раздался тот самый леденящий душу хриплый вой, слышанный им этой ночью. Алексей подпрыгнул на месте от неожиданности и, не помня себя, бросился бежать.

Он бежал, ломая и круша попадающиеся на пути кусты и ветви деревьев, бежал, не разбирая дороги и не помня себя от охватившей его паники, бежал куда-то в темноту, а позади него всё ближе и ближе трещал валежник, и чьё-то хриплое горячее дыхание шевелило волосы на его затылке.

Рузанин не заметил, как лес вокруг него поредел, деревья расступились, папоротники сменились мшистым колодником и зыбкими кочками сфагнома. Ничего этого он не заметил и опамятовался лишь тогда, когда по самые плечи провалился в чёрную топкую жижу. Судорожно взмахнув руками, он ещё

сумел развернуться назад и в отчаянном броске ухватиться за куст тощей осоки, но пожухлая трава тут же вырвалась с корнем, и Рузанин погрузился в болото уже по шею.

Он ещё продолжал некоторое время биться в вязком месиве, тщетно пытаясь удержаться на поверхности, но никакой опоры под ногами не было, до земли – не дотянуться. И сметённый разум его неожиданно успокоился, ибо он с холодной ясностью вдруг осознал, что это и есть конец.

Последнее, что видел Рузанин, прежде чем болото с громким чавкающим всхлопом навсегда сомкнулось над ним, – это маячивший на берегу неподвижный чёрный силуэт с угрожающе растопыренными мохнатыми лапами, грузным туловом и конической, сужающейся к макушке головой.

– Мама родная! Что это? – воскликнул Аркадий, уставившись на чудовищного вида меховое рубище, облепленное перьями и массой сухих веток. Он только что, из чистого любопытства, заглянул в гардероб своей новой подружки и – на тебе! – обнаружил сей шедевр портняжного искусства.

– Ах это, – Людмила с улыбкой посмотрела на находку Аркадия. – Ну... Просто старый маскарадный костюм. Помнишь, Erlkonig? Лесной царь Шуберта? Довелось как-то изображать. Год назад, на детском утреннике. Осенью.

Аркадий с брезгливым недоумением потрогал траченную молью овчину; старый, вывернутый наизнанку мерлушковый тулуп мало того что был обшит всякой дрянью, вроде упомянутых веток, перьев и клоков негодной ветоши, так ещё оказался декорирован не то странным капюшоном с прорезями для глаз, не то колпаком – приличных размеров и конической формы; из рукавов на резинках свисали меховые же перчатки, снабжённые устрашающего вида когтями; когти смахивали на медвежьи.

– Какой такой Лесной царь? И капюшон этот... Ну ты даешь, Людка! Прямо Ку-клукс-клан натуральный.

Людмила рассмеялась.

– Тёмный ты у меня, Аркаша. Ни Гёте не читал, ни Шуберта не слушал. А у Ку-клукс-клановцев твоих капюшоны другие – из белого полотна.

Аркадий только головой покачал.

– Чего ты его не выбросишь-то? Моль разводиться собралась?

– Так... – Людмила снова улыбнулась, на этот раз мечтательно. – Приятные воспоминания. Дело прошлое, конечно... Но выкидывать не стоит. О таких вещах, милый, никогда не знаешь, когда и где они тебе ещё разок-другой пригодятся.

Через минут пятнадцать Людмила выбрала подходящее платье. Аркадий со вздохом облегчения подал ей норковую шубку, и оба покинули квартиру.

Едва захлопнулась входная дверь, лёгкий порыв сквозняка прошеле-стел по комнате и проник в оставленный открытым шкаф. И – удивительное дело! – на одно короткое мгновение ветхий «маскарадный» тулуп словно бы ожил: в жутком подобии жизни зашевелились толстые рукава, зелёные искорки со слабым потрескиванием побежали по ворсу, а длинные полы дрогнули и колыхнулись – так, будто овчинное чудище и впрямь намеревалось вылезти из шкафа.

Но то было, само собой, одно наваждение. Морок.

ПОЭЗИЯ

Любовь ТУРБИНА

Любовь Николаевна Турбина – родилась в Ашхабаде в семье учёного-генетика, затем вместе с мамой, вернувшейся из эвакуации, приехала в Москву. В августе 1945 г. семья переехала в Ленинград, в 1956 г. семья переехала в Белоруссию, в Минск. Окончила физический факультет БГУ (г. Минск) в 1964 г., в 1971 г. защитила кандидатскую диссертацию по радиобиологии. В 1974 г. поступила, а в 1980 г. окончила заочное отделение Литературного института им. Горького в Москве. С 2001 г. живёт в Москве; с 2004 г. работает в ИМЛИ РАН, занимается белорусской литературой. Автор четырнадцати поэтических сборников, изданных в Минске, в Москве, в Санкт-Петербурге и в Болгарии; Член Союза писателей СССР с 1990 г., член СП России и СП Беларуси. Стихи Любови Турбиной переводились на белорусский, туркменский, хинди, английский, сербский, шведский и болгарские языки.

Живёт в Москве.

«Жизнь – упущенное чудо...»

Улица детства

Скарлатина, бумазая,
Ребяшня вокруг, глаза,
На лоскутном одеяле
Красный – в розах – лоскуток.
Вот везут меня в карете,
(Безразлично всё на свете):
Тусклым голосом позвали
В «неотложку» как в мешок.

Пожалели – косы целы,
Потолки и стены белы,
Я очнусь уже иною –
Оттащите от окна!
Мама в шляпке с вуалеткой,
След слезы глубокий, едкий,
Но прозрачной пеленою
Навсегда отделена.

Бумазая, скарлатина,
Долгий месяц карантина,
Все домашние заданья –
Криво, косо, как-нибудь.

От кошмара, наважденья
Обрела освобожденье:
Вспомнить – дать тому название –
Что теснит и давит грудь.

Перо нам – от птицы,
От древа – бумага,
Из тучи чернила –
Небесная влага,
Усмешки и слёзы –
Всё в дело, всё – благо,
Но где взять решимость
Для первого шага?
От робкого шага
До лёгкого взмаха
Лежит полоса
Отчуждёненья и страха.
Пока на груди
Не промокнет рубаха –
Не вылетит слово
Живое, как птаха.

Перо нам – от птицы,
От древа – бумага,
Из тайного страха
Куётся отвага.

Вопреки затмению

Военный октябрь, Москва, в озарении вещем:
Крест-накрест заклеенных окон пустые глазницы,
И полчища вражьи сжимают железные клещи
По стылому полю, на горле любимой столицы.

А папа и мама мои, молодые, той ночью
На крыше дежурят – вдруг бомба прямым попаданьем:
Вахтанговский вспыхнул театр – и впервые, воочью
Смерть руки костлявые к ним протянула – за подаяньем.

Тушили фугаски – бывала ли выше невеста:
Им вопли сирен заменили венчальное пенье...
И с верою в жизнь и в победу, в ту ночь, из протеста
Звезда моя в небе зажглась – вопреки затемненью!

Баллада о булочной

На перегибе лет виднее даты –
Опять снежок под валенком скрипит:
Мой молодой отец по Ленинграду
Идёт со мною за руку, сердит.

О булочной тех лет пою балладу –
Пусть замысел покажется нелеп –
Пять лет назад окончилась блокада,
По карточкам пока давали хлеб.

Отец молчит, и я как онемела:
Он не хотел меня с собою брать –
Ведь в очереди – будничное дело –
Нам долго с ним на холоде стоять.
Лицо толпы застывшее сурово:
Безропотно и ночь стояли все б,
Но только соль – да праздничное слово –
Необходимей могут быть, чем хлеб.

Я догадалась вдруг – вы сказки ждёте?
Со звоном в тишину упал пятак.
Вы не встречали Тима, дяди, тёти?
Он где-то близко, слышите – крик, крик!
Тим победил. Я чувствую – гордится
Сейчас отец – как прежде был он слеп!
Оттаивали каменные лица,
Был необычно вкусен после хлеб.

Утёнок Тим – семейное преданье,
Взаимы из детства дерзости взять мне б,
И наконец, всей жизни в оправданье,
Найти слова, насущные как хлеб.

Отец

Причуды ли, прихоти ради,
С ружьём как с игрушкой в руках,
У ног – Нарочанские глади,
А кудри плывут в облаках.

Зачем же – терзаюсь вопросом –
Запомнила с детства седым?
Каким ты казался мне взрослым!
А был ведь совсем молодым.

Размечена жизнь на уроки,
Виновность – как горб за спиной.
Каким ты казался мне строгим,
А строг был к себе, не со мной.

Но ты за столом в ореоле
Той лампы, светившей ночам...
Но мысли высокое поле –
Не кажется – есть и сейчас.

Гляжусь в старый снимок как в воду –
Зеркален рисунок лица.
Мостом изогнулась сквозь годы
Навстречу улыбка отца.

Брату

Далёкие птицы крестами
Легли на остывший закат.
Вослед улетающей стае
Гнездо покидает мой брат.

Давно ли? Да только что вроде
Он кустиком тронулся в рост,
И взглядом блестящих смородин
Меня провожал до ворот.

И спицы впивается жало,
Когда открывается шкаф:
Тебе этот свитер вязала,
Не кончила левый рукав.

А сад зарастает крапивой,
А в доме – холодная ночь.
Смотрю, как уходишь, красивый,
Стою и не смею помочь.

Судьбу утюгом не разгладишь,
Дорога пошла на излом...
Последний, единственный, младший
С одним лебединым крылом.

Забывтые знания

К вечеру вспомнят поверья
Светлые пятна озёр.
Страшно утратить доверье
Братьев своих и сестёр.

Травы, деревья и птицы
Словно чужая страна:
Вдруг угадаешь их лица,
Вспомнишь с трудом имена.

Но пониманье утратив,
Как-то и слушать отвык
Посвист укрывшихся братьев,
Сестринский древний язык.

Ветви протянут объятья
Прежде чем вспыхнет костёр –
Руки покинутых братьев,
Слёзы далеких сестёр...

Бор зашумит на прощанье,
Листья лепечут свой вздор...
Отзвук забытого знанья,
Нежные губы сестёр.

Вспомните меня!

Где центр стремительного круга?
Стрижи по небу чертят дуги
На закате дня,
И ужин в доме ждёт остывший...
Все далеко, кого любила,
Помнят ли меня?

Из гнёзд пустых не слышно пенья,
Несу охапкою поленья
Греться у огня.
Дрова сырые пламя гложет,
Но среди них сгореть не может,
Тлеет головня.

Ну, хоть бы скрипнули ступени!
Опять в углах скопились тени,
Тишину храня.
Я не прощу любовь обратно,
Но в час печальный, предзакатный,
Вспомните меня!

Июль

Мимо пролетают – тени не спугнут
Бабочки мгновений, ласточки минут,
Пробегают мыши серые ночей:
Стук дождя по крыше, шорох у печей.

Днями – электрички стороной гудят,
Липою в июле пахнет тихий сад.
Грохотом осыплет с неба самолёт –
Серебристый – в синем – пролетает год.

Только с каждым годом выше из травы
Светлый одуванчик детской головы:
Стебель – тонконожка с розовым сачком
Бегает за каждым встречным мотыльком!

Главное – а дети тут мудрее нас –
Происходит в мире именно сейчас!

Перед сном

А этим взрослым, что им надо?
Зачем укладывают спать?
Без нас, на кухне, полной чада,
Во что теперь начнут играть?

Уже и форточка открыта:
За ними нужен глаз да глаз...
Заплакать, что ли? И сердито
Мне закричат: – Иду, сейчас!

И та, что мне казалась мамой,
Хлебнёт из склянки на столе –
Вдруг станет ведьмой страшной самой,
Взовьётся в небо на метле...

И то ли ведьма, то ли птица
Неслышно сядет на кровать
И скажет: – Доченька, не спишь?
Зачем так страшно ревновать!

ПАМЯТЬ

**К 95-летию со дня рождения
Митрофана Яковлевича Студеникина**

**Светлой памяти дорогого учителя –
врача-педиатра, академика АМН
СССР М.Я. Студеникина**

2 декабря 2018 года Митрофану Яковлевичу Студеникину исполнилось бы 95 лет. Даже для людей моего поколения это почти фантастический возраст. С другой стороны, а почему фантастический?

Мне выпало счастье, когда я учился в ординатуре, быть включённым в группу поддержки проведения юбилея выдающегося педиатра Сперанского. Тогда отмечали его 90-й день рождения. В знак благодарности Георгий Несторович пригласил в ресторан на банкет и нас, молодёжь. Когда банкет завершался, к нашему столу Георгий Несторович подошёл вместе со знаменитым авиаконструктором Андреем Николаевичем Туполевым. От всех предложенных напитков Сперанский отказался и попросил наполнить его небольшую рюмочку русской водкой. Он, не торопясь, продумывая каждое слово, очень тепло и сердечно поблагодарил нас за проявленную помощь и заботу, а потом сказал, что нам, молодым врачам, выпали счастье и огромная ответственность за жизнь и здоровье последующих поколений страны, а также за осмысление всех современных и будущих достижений для научного развития педиатрии. Он пожелал нам здоровья, веры в свои силы и самых больших свершений и в здравоохранении, и в науке.

– Я тоже, – добавил Туполев.

С позиции прожитых лет воспринимаю эти слова с гордостью.

Я свидетель, с каким взаимным уважением, даже пиететом, относились друг к другу Сперанский и Студеникин, хотя в ту пору Митрофан Яковлевич был ещё только кандидатом медицинских наук, доцентом.

...В 1962 году завершилась моя учёба на педиатрическом факультете 2-го Московского

Василий ПОЛЯКОВ

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защищал кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

медицинского института. Как же мне повезло! Наряду с ещё одиннадцатью моими сокурсниками я получил распределение в клиническую ординатуру Института педиатрии АМН СССР. Так в 1962 году я впервые познакомился с молодым директором этого института. В ту пору мне было 24 года, а Митрофану Яковлевичу ещё не исполнилось и 39 лет. Институт только что переселился из старого здания на Солянке в новое на Ломоносовском проспекте. Когда школьные друзья спрашивали, куда нас распределили, мы в шутку отвечали, что на село. Остановка трамвая напротив института в ту пору называлась «Село Семёновское».

Здание института ещё не было вполне готово к полному размещению и обучению ординаторов в своих стенах. В связи с этим наше обучение началось в Морозовской больнице на кафедре педиатрии, которой руководил в своё время профессор Николай Иванович Осинковский и из которой Митрофан Яковлевич Студеникин был представлен Академии медицинских наук как опытный врач, педагог и учёный, фронтовик, кандидат медицинских наук, доцент, руководитель Местного комитета профсоюзной организации всего 2-ого Медицинского института. Каким же замечательным, настойчивым и упорным был в формировании своей личности Митрофан Яковлевич, если всего за три пятилетки после войны он прошёл путь от первокурсника медицинского института до кандидата на пост директора института, подчиняющегося Академии медицинских наук всего Советского Союза!

Настало время поделиться с молодёжью тем, что я теперь знаю о жизни и свершениях своего учителя.

...В селе Листопадовка Грибановского района Воронежской области у крестьян Студеникиных 2 декабря 1923 года родился второй мальчик. Отец Яков Федотович и мать Прасковья Илларионовна были по-настоящему счастливы. Не раздумывая, они выбрали имя Митрофан и второму ребёнку, так как первенца Митрофана потеряли в первые месяцы его жизни от воспаления лёгких.

Яков Федотович воевал в Первую мировую войну, был несколько раз ранен, дослужился до звания унтер-офицера. После войны он стал работать в селе мельником, поскольку после участия в войне это был достаточно технически подготовленный и грамотный человек. Он быстро освоил основы мельничного дела и умело следил за грамотной эксплуатацией этой важной в сельском хозяйстве машины. В дальнейшем он стал собственником мельницы.

Приглянулась ему молодка Прасковья, которая в семейной жизни подарила ему семерых детей: сына Митрофана первого, сына Митрофана второго, дочь Татьяну, сына Ивана, дочерей Марию и Александру и сына Виталия.

В советское время из-за наличия собственности Яков Федотович Студеникин

*Заслуженный деятель науки РФ,
академик, Митрофан Яковлевич
СТУДЕНИКИН*

вместе с семьёй был подвергнут раскулачиванию. Мельницу пришлось отдать в собственность колхозу. Это и спасло семью от уголовного преследования и наказания с обязательной ссылкой в Сибирь или Казахстан. Якова Федотовича и Прасковью Илларионовну превратили в рядовых колхозников, но всех восьмерых членов семьи оставили жить в Листопадовке.

Сынишка Митрофан рос мальчиком здоровым, крепким, любознательным, чутким к событиям окружающей жизни. Из всех детских забав он рано потянулся к книгам и рисункам. А уж когда пошёл в школу, рано научился читать и пристрастился к книгам. Конечно, матери следовало помогать, так как на селе работы всегда хватает. Когда мать посылала его заниматься картошкой, он быстро находил укромное место в поле, усаживался поудобнее, доставал припрятанную под рубашкой очередную книжку и не мог от неё оторваться. Когда мать выходила искать своего Митю, обеспокоенная полной тишиной, соседки с улыбкой подначивали: «Кого ищешь? Митю? Не ищи. Твой профессор занят. Сидит и читает книжку за книжкой».

В восьмилетнем возрасте Мите потребовалась хирургическая помощь, и отец повёз его в ближайшую больницу. К счастью, опытный хирург помог мальчику быстро и квалифицированно. Ещё бы! Этим доктором оказался Еланский – хирург, ставший впоследствии знаменитым профессором, фамилию которого знала и почитала вся страна. Особая обстановка всей больницы, кафельные полы, оснащение операционной и кабинетов, белые глаженные, сверкавшие чистотой халаты и шапочки медицинского персонала, чёткое взаимодействие и взаимопомощь врачей, медицинских сестёр, аккуратизм санитарок произвели на Митю глубокое и неизгладимое впечатление. Возвратившись домой, Митя сообщил отцу и матери, что он, когда вырастет, обязательно станет врачом и никем больше. Мите нравилось учиться по всем предметам. Кроме того, Митя с детства понял, что ненужных школьных предметов для врача не существует и просто быть не может. Врачу в жизни могут пригодиться знания, приобретаемые по всем школьным предметам. Поставленная с детских лет самому себе задача, тяга к знаниям, размышления при приготовлении уроков, систематичность и аккуратность в образовании дали свои плоды. Митрофан окончил школу с оценками «отлично» по всем предметам. Кроме того, ему нравилась физкультура и особенно все виды лёгкой атлетики – бег, прыжки в высоту и длину, а из командных игр – лапта, гордки и волейбол.

Митрофан Яковлевич окончил среднюю школу и отправил документы в Ленинград в Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова. Поскольку аттестат об окончании средней школы содержал одни пятёрки, оставалось только терпеливо ждать, когда пришлют выписку из приказа по Академии о зачислении на 1-й курс и о дате, когда перед началом учебного года курсанту следует прибыть в Ленинград.

А 22 июня 1941 года разразилась война. Фашистская Германия, завоевавшая к тому времени почти все страны Западной Европы, присоединившая к своему экономическому, промышленно-техническому и военному потенциалу военно-промышленный потенциал завоёванных стран, имея многолетний захватнический опыт своей отмотобилизованной и моторизованной армии, военно-воздушных сил и подводного морского флота, вероломно напала на СССР.

Нацистская пропаганда воспитала к тому времени целое поколение в духе превосходства арийской расы над славянами-недочеловеками, которые

должны быть завоёваны, почти тотально истреблены и оставлены лишь разрозненными слоями униженных рабов для принудительной работы по обслуживанию высшей расы завоевателей.

В этой трагической для нашей страны ситуации все силы были брошены на защиту Отечества. Телефонная, телеграфная и почтовая связь работали на пределе. Митрофан Яковлевич не получил вызова из академии им. С.М. Кирова. В июле 1941 года он был мобилизован в Красную Армию и после ускоренной подготовки попал на Ленинградский фронт как пехотинец, истребитель танков.

Все почти четыре года молодой жизни с 18 до 22 лет Митрофан Яковлевич был на фронте, на передовой.

То, что вынес, пережил, перестрадал и чему был личным свидетелем этот совсем ещё молодой человек, не передать словами. Военные фронтовые впечатления обожгли его душу и сердце до такой степени, что всю последующую жизнь война оставалась для него глубокой раной и почти запретной темой даже для своих родных и близких.

День Победы старшина-разведчик Студеникин встретил в Латвии, в Риге. И только потому, что его начальник не подал своевременный рапорт командиру полка с ходатайством о присвоении старшине офицерского звания, фронтовик Студеникин был демобилизован и получил потенциальную возможность мечтать о мирной профессии врача, а не об обязательной последующей карьере военного со ступени не получившего никакого специального военного образования самого младшего офицера, хотя и имеющего за плечами почти четырёхлетний опыт участия в Великой Отечественной войне.

Митрофан Яковлевич прошёл всю войну в действующей армии, был дважды ранен, награждён 5 орденами и 15 медалями.

В 1946 году М.Я. Студеникин поступил во 2-й Московский медицинский институт (ныне Российский национально-исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова) и окончил его с отличием в 1952 году. Затем аспирантура, защита кандидатской диссертации, работа ассистентом, доцентом на кафедре детских болезней лечебного факультета. С 1969 года М.Я. Студеникин возглавлял кафедру детских болезней лечебного факультета.

С 1960 года М.Я. Студеникин руководил Институтом педиатрии АМН СССР. В 1966 году он защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора.

Незаурядные способности, тонкое научное чутьё и богатый клинический опыт позволили ему на посту директора института провести огромную научно-организационную работу. Были развёрнуты новые современно оснащённые клиники и лаборатории, расширена работа по подготовке научных кадров. Углублённые широкого масштаба многолетние научные исследования коснулись целого ряда наиболее актуальных и новых проблем педиатрии – таких, как неонатология, аллергология, кардиология, гематология, пульмонология, гепатология, нефрология, клиническая вирусология, иммунология, экогенные болезни детского возраста.

На посту директора института М.Я. Студеникин проработал 47 лет (с 1960 по 2007).

Под руководством Митрофана Яковлевича Студеникина Институт педиатрии АМН СССР достиг больших успехов в развитии науки и внедрении её достижений в практику детского здравоохранения, за что был награждён орденом Ленина, а работы учёных института отмечены Ленинской и Государственной премиями.

Деятельность М.Я. Студеникина активно способствовала превращению Института педиатрии РАМН в наиболее крупное в стране научное учреждение педиатрического профиля, которое как головное осуществляет планирование и координацию основных научных исследований по педиатрии в стране. Советом по грантам Президента Российской Федерации Институт педиатрии РАМН признан ведущей научной школой.

Диапазон научных интересов М.Я. Студеникина был весьма широк. Его научные работы были посвящены приоритетным проблемам педиатрии – сосудистым дистониям, неонатологии, питанию детей разного возраста, заболеваниям печени и желчных путей, почек, крови, муковисцидозу, аллергическим болезням, социальным вопросам педиатрии. Он является автором более 250 научных работ, среди которых 10 монографий и 40 глав в коллективных монографиях, руководствах, справочниках и сборниках. Под его редакцией выпущено 20 руководств для врачей и 4 издания «Справочника педиатра», ставшего настольной книгой многих врачей.

Профессор М.Я. Студеникин являлся заведующим кафедрой детских болезней лечебного факультета Российского государственного медицинского университета. Под его руководством и при консультировании выполнено 56 докторских и свыше 70 кандидатских диссертаций. Его ученики в настоящее время занимают руководящие посты в органах здравоохранения, возглавляют научно-исследовательские учреждения, кафедры медицинских институтов, руководят клиниками и лабораториями научно-исследовательских институтов.

Большая работа, которую проводил Митрофан Яковлевич, по научному сотрудничеству с педиатрическими учреждениями целого ряда стран, значительное число публикаций за рубежом снискали ему заслуженное признание.

В 1971 году Митрофан Яковлевич Студеникин был избран членом-корреспондентом АМН СССР. В 1975 году его избрали действительным членом (академиком) АМН СССР.

Кроме того, М.Я. Студеникин был избран действительным членом Международной академии творчества, почётным членом научных обществ педиатров 11 европейских стран и Американской академии педиатрии, почётным доктором университетов в Хельсинки, Будапеште и Ростокке.

М.Я. Студеникин был видным общественным деятелем, являясь президентом Московского детского фонда, председателем Научного совета по педиатрии РАМН, председателем правления Научного общества педиатров России, экспертом Комитета служб охраны материнства и детства Всемирной организации здравоохранения, членом Постоянного комитета Международной педиатрической ассоциации, членом редколлегий журналов «Педиатрия», «Здоровье», «Acta paediatrica japonica». Более 20 лет он являлся председателем Общества дружбы с народами Кипра. Избирался народным депутатом СССР.

Митрофан Яковлевич был удостоен почётного звания Заслуженного деятеля науки РФ, награждён орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За заслуги перед отечественным здравоохранением» и 4 почётными знаками.

За многолетнюю заботу о нуждах детей Патриархом Московским и всея Руси Алексием II он награждён орденом Святого Даниила князя Московского, орденом Святого Владимира.

Жизненный путь академика Студеникина прервался на 90-м году жизни 7 июля 2013 года после тяжёлой и продолжительной болезни.

Этот замечательный учёный служил Родине верой и правдой, был настоящим лидером отечественной педиатрии. Вместе с тем это был очень добродушный, отзывчивый и доступный человек, к которому без всякой предварительной записи мог обратиться за помощью, советом и разъяснением любой, кто в этом нуждался. И советы, и помощь Митрофана Яковлевича всегда были точны, адресны и очень эффективны.

В настоящее время возрождается справедливое увековечивание памяти выдающихся сынов России.

По моему глубокому убеждению, расположенный в Москве на Ломоносовском проспекте Центр здоровья детей должен иметь более глубокое и точное название как Центр педиатрии России и носить имя своего первого директора академика Митрофана Яковлевича Студеникина, возглавлявшего его без малого в течение 50 лет (точнее 47 лет).

ПОЭЗИЯ

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВА

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Путешествия по большим и малым городам России

Белые ночи

Петербург... Покрывало из белых ночей,
Петропавловки шпиль и кресты так блестят.
Этот город для всех, этот город ничей,
И дыханье его обжигает, как взгляд.

По ночам город плачет о славе былой,
Омывая дождями простор площадей.
Этот город посыпан туманной золой,
Что скрывает истории разных людей.

Мостовые запомнили цокот копыт –
Проезжал император с утра по Сенной.
Как тогда, этот город в июне не спит,
Наслаждаясь неспешной прогулкой ночной.

Калуга

По берегам Оки раскинулась Калуга.
Такая расписная, как сказочный дворец.
И братья-берега не могут друг без друга:
Один уже седой, другой совсем юнец.

На правом берегу сплошные новостройки,
На левом русский дух купечества царит.
И кажется, вот-вот услышу звуки тройки.
По Кирова она стрелой пролетит.

И золото крестов – венчают город храмы,
И старые дома – их обновлённый лик.
Не всех, увы, спасли. Иные носят шрамы:
С фасада – юный фронт, а сзади-то – старик.

Здесь Циолковский жил, о нём сей город помнит,
И в кабинете он встречал порой рассвет.
Калуга, как дворец, в котором много комнат.
Она так молода, хоть ей немало лет.

Тула

Как медный самовар блестит под солнцем город,
Душистым чаем всех спешит он угостить.
Мастеровой Левша так крепко держит молот,
Что интерес к труду способен он привить.

А воздух городской – смесь имбиря и мёда,
Ведь пряники давно и любят, и пекут.
В базарный день они с лотка уходят с лёту,
Чтоб принести в дома и запах, и уют.

Однако мастеров есть в городе немало,
И оружейный здесь работает завод...
Ах, Тула, все хотят, чтоб ты красивей стала,
И чтоб богато жил рабочий твой народ.

Калининград / Кёнигсберг

Игла из меди синею насквозь пронзила –
Шпиль Кафедрального ныряет в облака,
А у подножия философа могила,
Прегóля – тихая Балтийская река.

Ютятся кирпичи, окружённые домами,
Огонь, горящий в них веками, не потух.
Хоть и истоптан этот город сапогами,
Восточной Пруссии здесь чувствуется дух.

И вдоль проспекта, как немецкие солдаты,
Плечом к плечу стоят фигурные дома.
Они фасадами ажурными богаты,
А формы крыш сведут поистине с ума.

Ворот немало в этом городе старинном
Из тёмно-красного с зубцами кирпича.
Как брызги прошлого на постмодерн картине –
Нанёс художник их как будто стгоряча.

Анклав России. Потому гостям здесь рады.
Блестит на солнце этот город, как янтарь.
На картах значится давно Калининградом,
Но величают Кёнигсберг его, как встарь.

Курск

Курск-юноша летит на первое свидание,
Несёт в руках букет из улиц, площадей.
И Знаменский собор, как центр мироздания,
Паломников манит: и взрослых, и детей.

И Воскресенский храм, где фрески Васнецова,
В нём отрока крестили, что Серафимом стал.
И Парк Победы есть – осколок дня былого,
Где битва на Дуге – к концу войны сигнал.

А памятники здесь один другого краше:
Антоновское яблоко, и Курский соловей.
У драмтеатра Пушкин – два века он «всё наше»,
Писатель Воробьёв стоит среди ветвей.

Как кружевной ларец, Дворянское собрание,
И здание двух банков, как сказочный сундук...
Лечу к тебе я, Курск, на первое свиданье...
В надежде, что смогу узнать тебя, мой друг.

Рыльск

Чисто убран рукою поистине женской,
Город храмов встречает над Сеймом рассвет:
Белоснежный Покровский, Небесный Успенский...
Монастырь Николаевский дарит нам свет.

Здесь на капище жили когда-то славяне,
Сердцем радуясь солнцу, зелёным лугам.
Разводили костры на открытой поляне,
Поклоняясь языческим разным богам.

Православным стал город в двенадцатом веке –
Иоанна десницу в него привезли.
Память в Рыльске жива о святом человеке,
От врагов спасшим эту частицу земли.

Внёс в историю края страниц он немало –
Город древний с огромною силой внутри.
Если что-то в душе оборвалось, упало,
Приезжайте сюда – Рыльск зажжёт фонари.

Малоярославец

Малоярославец – город небольшой,
Но с такой он истинно русской душой.
Монастырь здесь дышит, в каждом вдохе стон,
Ведь его пытался сжечь Наполеон.

Помнят здесь гусаров. Диорама есть.
Сколько полегло их на полях, не счесть!
Город отстояли, город берегли...
Храмы православных – часть родной земли.

Среди них Успенский – изнутри он стар.
В нём иконы лечат – это Божий дар.
Малоярославец... Мал он, да велик.
Для идущих в храмы город, как родник.

Малые города

У малых городов своё очарованье,
Историю веков внутри они хранят.
Здесь можно загадать заветное желанье,
Когда колокола малиново звонят.

Приземисты дома, заборы покосились...
А на холме стоит любимый всеми храм.
В нём жители всегда венчались и крестились,
И неподвластен он ни снегу, ни ветрам.

И настезь распахнув свои стальные двери,
Готов вошедших он теплом души объять.
Духовности оплот и православной веры –
Пока жив русский дух, ему вовек стоять!

Эссе о литературе

Литература – самосознание народа

Литература – самосознание народа; включая в себя – на уровне высших своих творений – всё сущностное, основное, определяющее народ: именно, как метафизическую общность, а не только сумму людей, проживающих на определённой территории – литература проходит сквозь волны времени, имея среди других свойств – свойство удивительной незыблемости.

Но... так ли это?

Последнее двадцатилетие, отмеченное неуёмным развитием электроники, тотальной компьютеризацией, повсеместностью гаджетов – сдвинуло многие понятия, меняя и мировосприятие людей, и ощущения оных.

Современные подростки, прекрасно усваивающие компьютерную премудрость, играют в бесчисленные стрелялки (они примитивны – игры? Конечно, но – сравните их с прятками, или лаптой, и станет ясно, что они требуют на порядок более сложного сознания) при этом муки Раскольникова им интересны вряд ли, а, к примеру, «Чевенгур» воспринимается просто массой переполненных страниц, связанных совсем не понятным смыслом.

Сознание усложнилось? Во много раз.

Литература не отвечает на вопросы? Отчасти – да...

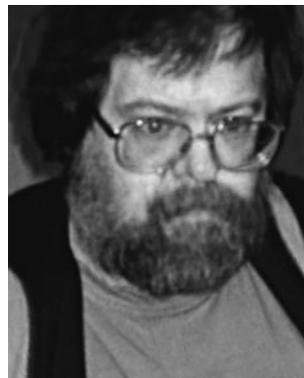
Что же – теперь гаджеты и компьютерные программы есть самосознание народа?

Со стороны может показаться именно так. Но только со стороны и на миг.

Ибо, будучи высшим цветением языка – а в конечном итоге, людьми – таковыми, как мы знаем друг друга, нас сделал именно язык, плюс, конечно, особое устройство руки; литература, как бы огромна она ни была, является сгустком народной правды – и: правды о народе.

Литература – самосознание народа?

Но знак вопроса стоит снять.

Александр Балтин – член Союза писателей Москвы, автор многих книг, свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США, лауреат международных поэтических конкурсов, стихи переведены на итальянский и польский языки.

Живёт в Москве.

Да – именно она: пускай народ ещё не дорос до своего самосознания, и дело гуманитарных интеллектуалов (об интеллигенции после распада СССР говорить не приходится), как части народа, помочь другим дорасти до осознания самосознания – пускай до понимания этой миссии гуманитарным интеллектуалам, погрязшим в междоусобных разборках и дележе жизненных благ тоже ещё только предстоит дорасти.

Мощь Леонида Леонова

Леонид Леонов шествовал по ступеням века, творя свой собственный миф.

Языковая мощь, проявившаяся уже в ранних рассказах и повестях, организовывала каждую страницу, каждый абзац даже, как каменный спуск в глубину яви – яви, более сложной, чем лаборатория алхимика со всей её аурой, и при этом включающей именно алхимические поиски правды – если не окончательной истины.

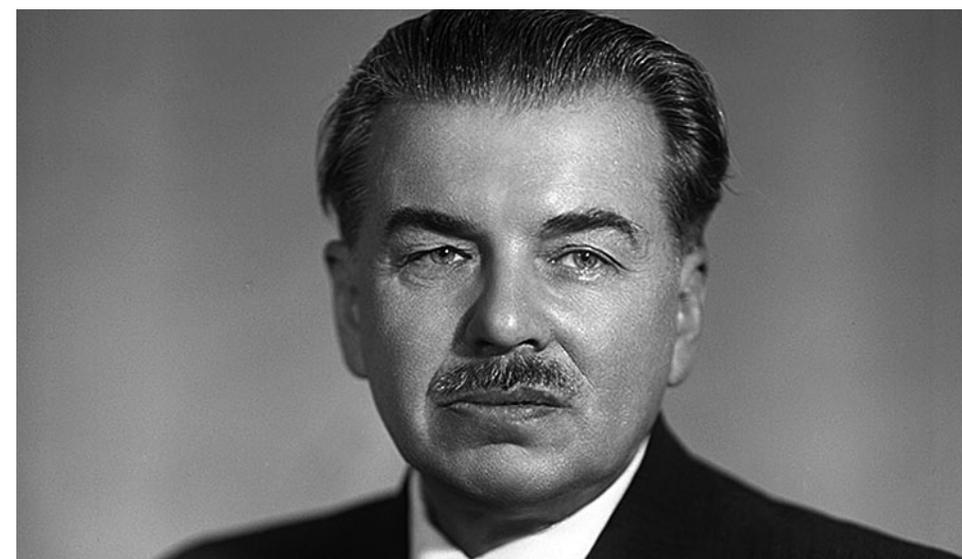
...ибо герметическая алхимия подразумевает не работу с различными природными материалами, но работу над собственной душой, с постепенным устранением из неё всего негативного, ради выплавления философского камня: драгоценного цветка собственной души.

Леонид Леонов мог бы стать своеобразным поэтом – блестящая игра в графоманию в «Записках А.П. Ковякина» свидетельствует о таковых его возможностях, но в какие стихи (если только в эпос!) можно вложить было всю каменную, золотую, стальную, страшную, благородную оснастку XX века?

Тут необходима была проза.

И – зазвучал волшебный леоновский голос.

Первая часть «Барсуков» – может быть из лучшего, что было написано в первой трети века: густота и пластика текста столь велики, что каждая фраза оживает, вспыхивая необычным фонарём смысла.

Леонид Леонов

Галерея образов выстраивается естественно, и глядят на нас старинные фотографии: фотографии людей, которых больше не произведёт природа, нет-нет...

Собственно, на зарядской части «Барсуков» следовало бы остановиться, ибо последующие две некоей искривлённой переогромленностью несколько напоминают бред, хотя стилистически не уступают первой.

Бред?

Ну что же – в XX веке было много бредового.

Переогромленность вообще свойственна Леонову – и как буйство языковой живописи, избыточность красок, когда иной абзац из «Дороги на океан» или «Вора» тянет на самостоятельный рассказ; и как глобальное выстраивание своей пирамиды – работа, отлившаяся в огромный финальный роман, в каком есть нечто и от органного звучания, и от глубины древле-русского скита.

Скитская жизнь, данная несколько шаржированно в «Соти», была выпуклым ступком стремления к вере – какую в XX веке едва ли обретёшь...

Излом леоновской трагедии обозначался многожды в большинстве романов, кроме блистательного «Вора» и первой части «Барсуков» – излом заключался в контрасте между советизмом, необходимой долей сервильности и жаждой огромного эпоса, излом и приводил к срывам, вроде многих провальных глав «Русского леса», не убавляя языковой мощи.

О! она никогда не изменяла Леонову, или он ей – даже в статьях мускульное напряжение фразы, необыкновенное языковое чувство также сильны, как в художественной прозе.

Художественность – как оправдание жизни, ибо без неё всё гаснет серой хроникой заунывных будней.

Но – помимо художественности нужна и важна боль – линия проколото-го нерва, ведомая Леоновым от Достоевского (и цветовая гамма у него часто серо-бело-чёрная, как у Фёдора Михайловича); эта боль – за униженных и оскорблённых, количество которых в XX веке увеличилось в геометрической прогрессии.

И – без оной, нету литературы, особенно русской.

Мощь, гушь, дебрь – типично леоновское, очень русское, отчасти запутанное, проявляемое системой образов, сложных, как сумма зеркал, как принцип двоения, воплощённый Фирсовым и его двойниками из «Вора»; сказовая мощь, могучее повествование о гуще и дебрях XX столетия организовали феноменальный свет прозы Леонида Леонова, которая, не пользуясь популярностью в современном мире, продолжает исподволь работать на правду и высоту.

Стихи А.П. Ковякина

(Л. Леонов «Записки... А. П. Ковякина»)

Стихи Андрея Петровича Ковякина производят странное впечатление: сквозь очевидную графоманию чётко просвечивает версификационная умелость – Леонова, конечно, а не Андрея Петровича.

О да, Леонид Леонов мог бы делать мощные стихи – в меру прозаизированные, в меру метафизические, может быть, исполненные в сказовом ключе, как многие страницы его прозы; но в стихах Ковякина, чья литературная маска мила и забавна, нужно было подчеркнуть именно провинциальную псевдопоэтическую газетность того времени, где искренность смешана с незнанием

законов стихосложения, а слеза, пускаемая по поводу горя, кажется, смешной...

И вот идут чередой очаровательные уродцы: у того голову от чрезмерных размеров клонит вбок, у этого три руки, другой колченог на все рифмы...

Волокуются чередой стихи Андрея Петровича, как тащились некогда в своей привычной бархатной потьме слепые, и... в чём их нелепое очарование? почему захочется перечитать?

Да потому, что Леонов, не ставший поэтом – если только поэтом прозы – вернее, языковая мощь Леонида Максимовича проступает, как водяные знаки, сквозь эти искусственные создания, и в самой нелепости их заложена искусность – и будто овеивает вас своеобразием старой-старой провинции, и Андрей Петрович вновь надевает маску литературного простеца...

Утопия Леонида Леонова

Спуск по крутым, кое-где замшелым ступеням, и вот мы внутри Леоновской страницы. Жизнь тут густа, как плазма, и словесно оформлена, как сказ.

Что за панорама открывается? А это старое Зарядье, гулкое от железа, с воздухом, реющим голубыми, со скособоченными, но крепкими домами, где в тараканьих щелях набито всякого люда. Щи густы, как вещество самой жизни – мецанской тут, косной, своей, родной; а домовитость богатых квартир перевита ощущением близкого краха. Ибо грядёт...

Грядёт год огня, страсти, дыма; год хвостатой кометы, сносящей и быт, и жизни, ибо грядёт, грядёт...

Тугие гроздьё Леоновских фраз то мерцают уральскими самоцветами, то отливают самородным золотом...

И вновь бесщётные ступени ведут вверх и вниз, проводят по сложным, изгибистым лабиринтам сюжета, иногда скрипят замшело, но не обвалятся, нет-нет...

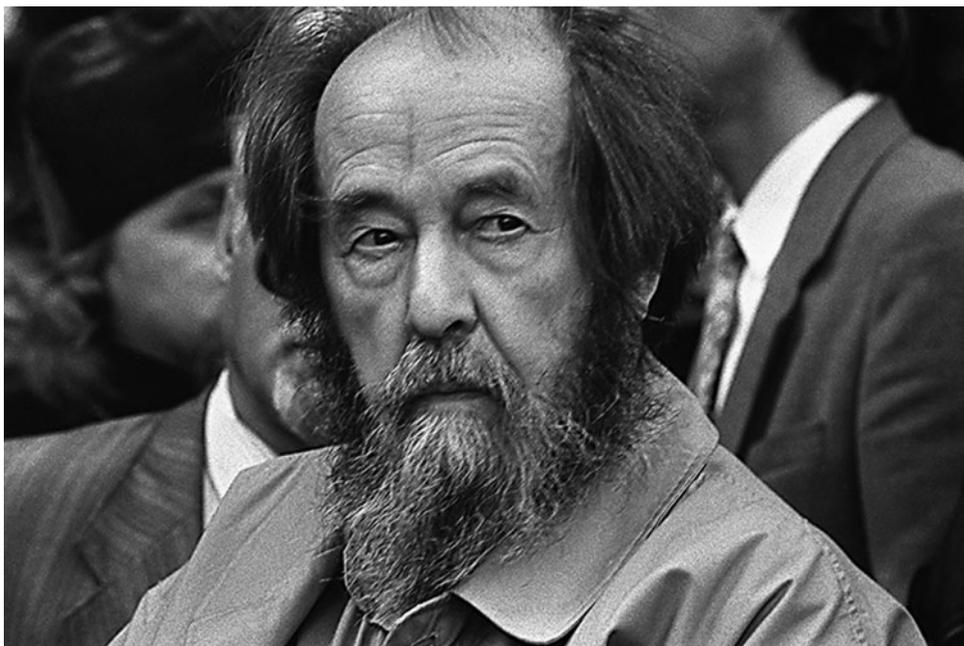
Леса встают – объёмом превосходящие десяток Трой, и творится в лесах жизнь многих связей, самовитая, волшебная; и ткётся сказ, играющий смыслами – богатыми, как календарь...

И дорога на Океан загорается утопией всеобщего счастья, – дорога, которой пойдут и бывший вор – неистовый, как ересиарх, и потерявший всё купец – седобородый, согбенный, и многознатец-писатель в клетчатом демисезоне и огромных очках, и все-все-все – разные, непредставимые, пускай не верящие в утопию...

Два слова о лжекумире

Сослагательное наклонение истории безвестно, но представьте на миг: ни «Мастера и Маргариту», ни «Один день Ивана Денисовича» не удалось напечатать тогда, в 60-е, а были они опубликованы только году этак в 94-ом. Стал бы роман Булгакова менее популярным? Может быть, чуть-чуть. Стала бы известна повесть Солженицына, когда архивы открыты, про лагеря известно много, и собственная история, пусть в отдельные периоды и не слишком приглядная, залита нами же желчью отрицания? Да она бы – повесть эта – вовсе прошла незамеченной.

А ведь это лучшее в художественном плане произведение Солженицына – ведь нельзя же воспринимать всерьёз все его последующие глыбы-гробы?

Александр Солженицын

В нелепой, путаной статье о Бродском Солженицын упрекает того в чрезмерном увлечении переносом – мол, из строф ног не выдерешь, как из плетучей травы: интересно, как он сам читал свои тексты, набитые непроизносимыми словечками, всеми этими бесконечными «удурчиво», «неподым», «вбирчиво» и прочее?

Словарь его расширения, в сущности, словарь издевательства над русским языком, чью народность автор воспринимал специфично, чтобы не сказать криво, и не создал ни одного прижившегося, ушедшего в народ неологизма. Не мудрено: народу вообще непонятно, на каком языке написаны эти нечитаемые занудные громады, являющиеся не памятником эпохе, но свалкой нелепого словотворчества, вернее, словоискажения. ...Ибо ни одного образа, который жил бы между нами, как жили, к примеру, Чичиков и Раскольников, Наташа Ростова или дама с собачкой, Солженицын не создал; даже пресловутый Иван Денисович слишком схематичен и недостаточно насыщен метафизической кровью, поднимающей его с бумажных листов в живую жизнь.

...Скверно-нелепая привычка начинать фразу с «А» – будто сам не уверен в верности говоримого. А так – неуверенности никакой, и особенно в этом отношении интересен «сказ» «Бодался телёнок с дубом»: этакое героическое повествование о противостоянии шлемоблещущего богатыря Солженицына и советской махины: завершившееся, естественно, блестящей его победой.

Ни крохи сомнения не то, что в одарённости своей – в своей гениальности; и всё это тщательно закамуфлировано заботой о всеобщем благе, о правде: мол, без меня никто не скажет.

Как умилительно читать: «Едва я только узнал о Нобелевской премии, как подумал – вот! Она мне нужна! – и здесь очевидно должна была стоять точка, но Солженицын тут же вспоминает о скромности, за которую, якобы, всегда ратовал (это при его-то образе жизни!), и добавляет: – Тогда меня точно не смогут убить».

Почему же не смогут?
Или лауреату спецы не сдюжат пустить в квартиру или номер гостиницы инфарктный газ?
Дело-то в том, что премия нужна ему именно как премия, ибо как же можно гению – а сомнений в своей гениальности никаких! – не дать?
Весь путь Солженицына – служение себе, своей самости, своему самопридуманному величию, а остальное: дымовая завеса, и не более.
И – полное отсутствие читательского интереса к нему (сколько бы там ни включали в школьные программы и не устраивали официальных «вспоминательных действий») – расплата за это.

Мистика стиля Михаила Булгакова

Все три романа Булгакова дают разные варианты языка – так, будто писал их не один автор; и это разноголосица точно определяет масштабы дарования: менее одарённый писатель на такое не способен.

Густой, хочется сказать мясной, вещный язык «Белой гвардии», где пласты городских описаний возникают великолепными холстами масляной живописи, и – несколько небрежный, шероховатый язык «Театрального романа», чудесная галерея персонажей которого вовсе не страдает от мнимого изъяна...

И наконец, язык сакрального романа, который если уж определять – то в категориях чуда.

Интересно читать ранние варианты – как вылуплялись постепенно персонажи, как выкристаллизовывался подлинный стиль...

О! это стиль огня и поэзии, язык в высшей степени цветовой: роман дан в зелёных тонах – от нежного рассветного неба до насыщенного малахита, но иудейские главы текут песочным золотом: льются в перешеек песочных часов мысли – необыкновенной и необычайной.

Известный нам по сумме Евангелий Иисус, насколько «известный» применимо к самому главному персонажу человеческой истории,

Михаил Булгаков

предстаёт в ином свете: очень человеческий, без божественного отблеска, как будто...

Но – кто может поручиться, как было на самом деле? Ведь все Евангелия – это списки со списков со списков: а тёплая доброта и кроткая мудрость Иешуа так соответствуют фактору чуда – разумеется, превосходящему знания медицины.

Возможно, грандиозная машина чрезвычайно сложного романа явилась Булгакову в целостности: во сне, к примеру, но уточнялись линии, уяснялись персонажи, вспыхивали факелы языка постепенно, очень медленно.

...бывают, особенно сейчас, люди, прочитавшие за жизнь 10-15 художественных книг, но о «Мастере и Маргарите» (часто ещё о «Мёртвых душах») и они будут говорить с теплотою.

Два романа, озарённых чудом; два романа, об устройстве которых хочется рассуждать, но все рассуждения бесплодны: ибо сделанное превосходит способности судящих.

Внешний, юмористический слой Мастера, конечно, наиболее легко считывается, он относительно прост; но подспудно разворачивающиеся драмы: от евангельских, по-своему трактуемых идей, до освещения вариантов расплаты, можно расшифровывать до бесконечности.

Глубоки спуски в бездны романа – но бездны эти световые, сколь бы ни рядили церковные люди – допустимы ли симпатичные изображения нечисти: роман светлый, от света, и ради его укрепления в этом мире написан.

Иначе бы – не читался так, ибо подспудно любой из нас – представителей конфликтного и жестоко вида – тяготеет к свету...

Литература в реальности, или Годить надо...

Литература отброшена дальше обочины жизни: читают, в основном, те, кто пишут.

Литературное творчество – при видимой массовости оно – не в цене: социум обходится без его плодов, занятый выживанием, или обогащением: как кому повезло.

Или не повезло – разные могут быть точно зрения.

Но – время воспалено тщеславием: живя так, будто смерти нет, люди мечтают иметь всё и сразу, и ради получения этого всего готовы неистовствовать.

Лев Толстой говорил, что печататься при жизни безнравственно, надо, мол, впрок писать. Разумеется, к такому выводу он пришёл после долгих годов жажды славы, и добившись её, и оценив полученное, как ничтожное; но вот примеры Донелайтиса, или, скажем Тютчева, вовсе равнодушного к публикациям, убеждают если не в полной правоте Толстого, то в правильности вектора мысли, продемонстрированного им.

...входить под своды долговременности должно то, что отстоялось, прошло хотя бы минимальную проверку временем, получило достаточное количество позитивных оценок разно мыслящих людей. Ничего скороспелого, модного, работающего на потребу (или потеху) публики.

Получается наоборот – только последнее востребовано.

Только на тщеславии, на его возбуждение работает так называемый литературный процесс: тьма премий, бессчётное количество конкурсов, глобальная суета... и – полное не-влияние собственно текстов на умы и души соотечественников.

Можно ли что-то изменить?

Вероятно, нет.

Время денег, алчности, эгоизма, жажды развлечений противоречит серьёзному постижению сути жизни.

А это – хлеб литературы.

Стало быть, годить надо – как говаривал один литературный персонаж; годить – ведь не может временное победить вечное!

Две вершины двадцатого века

Два разноплановых, разнополюсных шедевра двадцатого века: «Мастер и Маргарита» и «Тихий Дон» не имеют точек соприкосновения, кроме грандиозности словесных панорам: в первом случае осиянных высокой мистикой, во втором – точно данных степью и почвой жизни.

Столь же различаются они и стилистически, языково.

Язык Мастера – интеллигентный, метафизический, философский, утончённый, может быть, рафинированный: в главах иудейских; язык «Тихого Дона» – роскошь цветения земного, свод сада...

Это очень цветной язык, причём переливов и оттенков в нём больше, нежели может предложить спектр.

«На подоконнике распахнутого окна мертвенно розовели лепестки отцветающей в палисаднике вишни».

«Выводив, Григорий снова подтянул к баркасу измученного сазана.

Зевая широко раскрытым ртом, тот ткнул носом в шершавый борт и стал, переливая шевелящееся оранжевое золото плавников».

Иная фраза обладает такой ёмкостью и отмечена такой интенсивностью окраса, что тянет на рассказ...

Чрезвычайная разница двух великих романов образует бездну зияний между ними... включающую, к примеру, интеллигентско-чистоплюйское брюзжание по поводу «Тихого Дона»: мол, куда ему до Мастера...

...а на скрижалях мира оба романа сияют той яркостью, что поднимает душу ввысь, не даёт ей идти на поводу у тела.

И в этом тоже сказывается многообразный свет, заключённый в важнейших художественных книгах века...

Михаил Шолохов

ПОЭЗИЯ

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель СССР, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в коллективных сборниках и альманахах, в том числе, в антологии одного стихотворения «Золотая строка Московии». Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов, лауреат Литературных премий имени А.С. Грибоедова, М.И. Цветаевой, Н.С. Гумилёва, В.В. Маяковского и др. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью и Дипломом имени А.А. Блока. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Инна МУХИНА

К северу от Перми

Наследие отца

Мой отец исходил
Весь Уральский хребет.
Мне достались в наследство
Его патронташ
И охотничий нож,
Что служил много лет,
И любовь к тем местам –
Самый ценный багаж...

Из окна поезда «Березники-Москва»

Опять за окнами Россия
В оправе ёлок и берёз,
В своём наряде жёлто-синем
Качает день под стук колёс.
Опять колдуют километры,
Тайгу сменяет чернозём,
И вот уже сквозные ветры
В нас хлещут снегом и дождём.
Россия нищая, босая,
Среди заснеженной зимы,
Но мы корнями прорастаем
В её овраги и холмы,

ИННА МУХИНА

В её горбатые могилы,
Не осенённые крестом,
И этот край до века милый
Землёй родимую зовём.

Уральский дневник

Издалека приеду
Обновлённой,
Пропахшей гарью
Дальних поездов,
Их незнакомой пылью
Пропылённой
И посвящённой
В тайны городов,
Влюблённой в храмы,
Улицы и лица
Людей чужих,
Сроднившихся со мной.
И будут сны цветные
Долго сниться
О Севере
В Москве
Моей ночной.

Кама

А по весне, как по весне –
Бунтует Кама у причала,
И топляки приносят смерть,
Незримо на волне качаясь.
Бурлит свинцовая вода
В конце или в начале века –
Так было по весне всегда,
То «Кама просит человека».
Подельник-ветер парус рвёт
И жаждет путника угробить¹,
И валит на бок, и ревёт –
Реке воинственной в угоду.
Не зря советует рыбак:
«Заглох мотор – держите вёсла.
Да посильней, не кое-как:
На Каме беспокойны вёсны».

¹ По легенде, река Кама после ледохода не успокоится до тех пор, пока не завлечёт в свои глубины мужчину рыбака, охотника или случайного прохожего, не ведающего её норова.

Соликамск – Кунгур

Соликамск, ты – соль земная,
В копиях каменная соль.
Ветры камские играют
До, ре, ми, и до, ля, соль.

Вход в ледовое Прикамье –
Неизвестный нам маршрут,
Мезозойской эры камни
Сталактиты там и тут.

В недрах спрятаны пещерных
Изумруды, бирюза,
Но глядят из прошлой эры
Чьи-то странные глаза.

Непростое это место,
Кто и с чем сюда идёт?
Стикс, Айдова невеста
Под Кунгуром гостя ждёт.

Столь темны её чертоги,
Заблудился – не вернуть.
Кличут каменные боги,
Преграждая жертве путь.

Вечерний Соликамск (1436–2006)

Стоит густая тишина
Над переулочком горбатым,
И дом с фасадом в три окна
Из мглы глядит подслеповато.
Вокруг него, со всех сторон,
Века минувшие теснятся,
И с куполов церковный звон
Горé свои возносит святцы.
И тут же рядом этажи,
Балконов светятся гирлянды –
Надежды чьей-то рубежи
Благополучны и нарядны.
А утром жизнь забьёт ключом
На СМЗ¹ на Карналлитном.
Задышит магний горячо,
И будет в шахтах соль добыта.

¹ СМЗ – Соликамский магниевый завод

Командировка

Здесь край земли – Усолье и Чердынь,
Кругом тайга, войди в неё и сгинь.
Аэродром почти засыпал снег,
Мороз под тридцать пять обещан мне.
И улочки по горлышко в снегу,
Застывшие, как будто, на бегу.
Висят на окнах снежные цветы,
И нет московской нервной суеты.
Здесь ждёт меня душевных встреч тепло
И дело жизни. Всем чертям назло!

Чаша терпения

По мотивам картин художников
Олейниковых

Картины северного края,
Как лица северных людей.
Неброской красотой сияют,
И чем спокойней, тем сильней.
Сквозь переливы вдохновенья
В них проступает чистота,
Природы вечное движенье
И чаша горького терпенья,
Как справедливости мечта.

Таёжное

Мороз. Уральская тайга
Молчит значительно и строго,
Ни шагу в сторону – снега,
В торосах скользкая дорога.

Над Камой яркой белизной
Засветится гора – распадок,
«Ниссан Патрол» – защитник мой,
Летит, не зная неполадок.

Хозяйка сказочной горы
С метелью сыплет самоцветы.
Стеной – тайга, и до поры
Не разгадать её секретов.

Здесь малахитовый чертог
Ваяет в нём Данила-Мастер
Диковинной красоты цветок,
Забыв своё земное счастье.

«Ниссан Патрол» – вперёд рога,
Да побыстрее, ради Бога.
Не то угробит нас пурга.
Хозяйка, уступи дорогу.

ПАМЯТЬ

Хасан ТУРКАЕВ

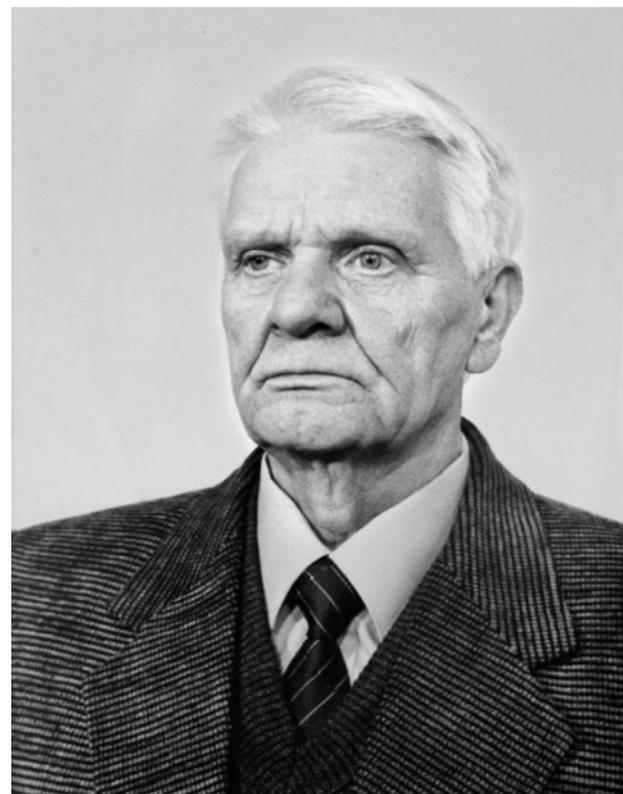
Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в Грозном.

«Учитель, перед именем твоим...» Слово о Владимире Ивановиче Харчевникове

Тринадцатилетняя политическая изоляция репрессированных народов (1944-1957) предельно сузила их профессиональный художественный мир: национальные литературы, зародившиеся только в 1923 году, за два десятилетия не успели накопить сколько-нибудь весомых художественных традиций, обрести жанровое многообразие, оглянуться на прошлую историю своих народов, осмыслить формирование нового мировоззрения горца в процессе его участия в созидательной жизни страны.

Владимир Иванович Харчевников

Долгое пребывание ингушей и чеченцев в духовном вакууме не способствовало появлению молодых литературных побегов. Однако в эти годы возродились традиции народной социально-политической лирики, преимущественно женской.

Раскрепощение израненных душ у нескольких оставшихся в живых писателей произошло не сразу и не вдруг после их возвращения на родину в 1957 году. Даже долгожданная встреча с родной землёй, по которой они так долго тосковали на чужбине, не смогла сразу разморозить мысли и чувства старших литераторов, наиболее болезненно перенесших вопиющую несправедливость, учинённую властями над их народом. Им понадобилось ещё некоторое время, чтобы оттаяли их души, «развязался» их поэтический язык, чтобы родная природа, горы, родники, чинары и водопады привели к успокоению их мятущееся сознание.

Молодые литераторы, родившиеся незадолго до депортации, не столь остро испытывали душевные муки, как старшие писатели, столкнувшись с жестокостью властей: молодость, как правило, легче переносит удары судьбы. Такие мысли мне навеяны своеобразным явлением периода возрождения чеченской и ингушской литератур после восстановления автономии Чечено-Ингушской республики: творчество молодых поэтов Р. Ахматовой, А. Айдамирова, Р. Супаева и некоторых других с первых же дней возвращения в родные края целиком наполнилось темой отчей земли и судьбы родного народа, перенесшего неописуемые трудности во вчерашнем дне.

В этом смысле символично название и содержание первого сборника стихов Р. Ахматовой. Изданный через год с лишним после встречи с родимым краем, он назывался «Республика родная». В него были включены навеянные поэтессе природой родной земли, пребывавшей в сиротстве после депортации её сыновей и дочерей, и ожившей после встречи с ними к новой жизни, лирические размышления Раисы Ахматовой о судьбе народа и о себе. Как и свойственно поэтически одарённым молодым людям, стихи поэтессы были в основном посвящены и теме любви и разлуки. Критика поспешила увидеть в этом уозсть взгляда молодой поэтессы на жизнь, упрекнуть её в отрыве от реальной, насыщенной социальными проблемами действительности.

Национальная действительность начала её творчества, конечно же, была насыщена социальными проблемами обустройства вернувшегося на свою родину народа, его взаимоотношений с властями. Но духовный мир Р. Ахматовой имел и другое предназначение: он был слишком тонок и хрупок, и от соприкосновения с жестокостями реального мира мог бы очерстветь, и тогда обусловленная самим временем проблема морального и нравственного состояния и внутреннего мира репрессированной женщины, стоявшей у порога своей новой жизни, очутившись на трагическом разломе судьбы её народа, в национальной литературе осталась бы не раскрытой.

Своё видение противоречий в процессе меняющегося травмированного национального мира и роли литературы в его духовной реабилитации Раиса Ахматова изложила в статье «В сердце гор (заметки о современной чеченской и ингушской поэзии)». Поэтесса первая повела разговор о необходимости активного включения писателей старшего и молодого поколения только что восстановленной республики в идейные поиски советской многонациональной литературы.

Сама поэтесса (скажем, имея в виду смысл и содержание изданных ею в последующие годы книги стихов) привнесла в поэзию совершенно новое,

принципиально самостоятельное видение и осмысление нравственно-этических представлений женщины-горянки.

Ведущим жанром творчества Р. Ахматовой была и осталась интимная лирика. Но глубоко неправы были те, кто, считал, что интимная лирика поэтессы – это средство только для повествования о её личной судьбе, личном мире. Это, конечно же, не так: мы знаем из истории мировой поэзии, что интимная лирика была также формой философского осмысления жизни, выражения собственного отношения поэта к общественным явлениям.

...Возвращённые на родину литературы ингушей и чеченцев в первые же годы (после 1957) ощутили огромный прилив творческих сил, небывалое ранее вдохновение. Появившиеся уже через пять-шесть лет после восстановления автономии республики крупные эпические произведения писателей старшего поколения говорят о том, что литература ингушей и чеченцев начала подниматься, залечивала раны, открывая читателям трудные этапы истории народа. Литература интенсивно развивалась на трёх языках – русском, ингушском и чеченском, и была представлена двумя поколениями – старшим, по сути, стоявшим у её истоков, и младшим, пришедшим в литературу в конце 50-х – начале 60-х годов. В литературах были накоплены идейно-эстетические ценности, но в силу отсутствия национальных литературных критиков и литературоведов они не вписывались в общесоюзный литературный процесс.

О своеобразии русскоязычных произведений национальных писателей стали появляться рецензии и статьи преподавателей Чечено-Ингушского госпединститута Б.С. Виноградова¹, В.Б. Корзуна², В.И. Харчевникова. Их роль в развитии и пропаганде ингушской и чеченской литератур необычайно велика: они своими исследованиями вписали только что восстановленные в гражданских правах литературы в общесоюзный литературный контекст.

...Владимир Иванович Харчевников был ненамного старше нас, переростков, учившихся в Казахстане и Киргизии и поступивших на историко-филологический факультет Чечено-Ингушского госпединститута. Нам, студентам – вайнахам, познавшим голод и холод, нищету и бесправие, на первых порах были непривычны и незнакомы уважение, внимание и забота, проявляемые к нам профессорско-преподавательским составом нашего вуза. Они, очевидно, чувствовали, в каком душевном смятении мы пребываем.

Владимир Иванович был лектор от Бога. Никто из нас, студентов, никогда не видел на его лекциях каких-либо записей, которыми бы он пользовался. Раскрывая перед нами удивительный по величине и объёму содержания неведомый нам мир русской классики, он прививал нам любовь к русской культуре. Анализируя, например, произведения Н.В. Гоголя и А.П. Чехова, Владимир Иванович голосом, мимикой и жестикующей воспроизводил внешние черты и характеры героев. Мы слушали его, затаив дыхание, очарованные не только его знанием своего предмета, но и актёрским мастерством. Но непременно записывали его лекции, довольно часто прося его повторить пропущенные нами слова и предложения.

Мы, беспечные студенты, тогда ещё не знали, что В.И. Харчевников является известным литературоведом, у которого, как выяснилось потом, написан ряд глубоких статей по русской литературе XIX века, по творчеству

¹ См.: Туркаев Х.В. «Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры». В 5 томах. Т.3. М., «Наука», 2015. С. 327.

² Туркаев Х.В. «Учитель перед именем твоим...» – В кн.: Туркаев Х.В. «Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры». Т. 4. С. 300-306.

С. Есенина, ингушских и чеченских писателей. Уже после учёбы в вузе, будучи ассистентом кафедры русской и зарубежной литературы, а затем по рекомендации В.И. Харчевникова приглашённым в Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории языка и литературы, я изучил эти статьи. В дальнейшем, вплоть до конца 70-х годов, продолжалась наша с ним дружба и творческое сотрудничество. Но об этом ниже.

1957 – 1964 годы можно, пожалуй, называть начальным периодом изучения идейных и художественных особенностей ингушской и чеченской русскоязычных литератур.

Первым крупным исследованием В.И. Харчевникова явилась обстоятельная и глубокая вступительная статья к избранным произведениям классика ингушской литературы Идриса Муртазовича Базоркина¹.

И.М. Базоркин свой творческий путь начал как поэт. В коллективных сборниках «Поэты Чечено-Ингушетии» (М., 1934), «Поэты советской Чечено-Ингушетии» (Пятигорск, 1937) опубликованы его стихи.

В «Избранное» вошли написанные им в основном за 1957-1962 годы (первые пять лет, прошедших после восстановления республики) произведения: повесть «Призыв» (1957), документальная киноповесть «Труд и розы» (1958), рассказ «Кремневый пистолет» (1944-1959), путевые заметки «Сегодня в горах» (1961), «Над горной рекой» (1962), рассказ «Боньгъ» (1932), «Тамара» (драма в трёх действиях, шести картинах, 1938), пьеса «Рождение ненависти» (1941), написанные им в годы формирования ингушской литературы во второй половине 30-х годов XX века.

Много сложных исторических, историко-революционных, морально-нравственных, нравственно-этических, историко-культурных и социальных проблем ставил и решал в произведениях, вошедших в «Избранное», Идрис Базоркин. В.И. Харчевникову, взявшемуся за анализ и осмысление произведений национального писателя, с ментальными особенностями народа которого близко соприкоснулся всего лишь 5 лет назад, казалось бы, трудно было познать тончайшие нюансы национального мышления и мотивов поступков героев произведений. Однако исследователь тонко уловил ту грань произведений писателя, где мысли, чувства, поступки героев по своему идейному содержанию выходят за пределы проблем национальной жизни и становятся созвучными проблемам произведений известных советских писателей. В.И. Харчевников писал: «Читатель, который познакомится с пьесой "Рождение ненависти", встретит в ней удивительно знакомых литературных героев: базоркинские персонажи напоминают действующих лиц пьесы Л. Леонова "Нашествие"...» Некоторые страницы пьесы Базоркина, некоторые его герои созвучны пьесе К. Симонова «Русские люди», вошедшей в золотой фонд советской литературы. «Подобная перекличка писателей, – пишет В.И. Харчевников, – работавших в разных условиях, на различном конкретном материале, есть яркое свидетельство единства чувств и мыслей, которыми жил огромный фронт советской литературы в те дни; Базоркин обратился в своём творчестве к людям, которые были общими героями для каждого из советских драматургов, и поэтому в таких героях каждый писатель открывал одни и те же черты. И. Базоркин нашёл их для себя в жизни самостоятельно

¹ См.: Базоркин Идрис. «Призыв. Избранное». Грозный, 1962. И.М. Базоркин явился основоположником романного жанра в ингушской литературе. Его роман «Из тьмы веков» (1967) явился заметным событием в советской многонациональной литературе, получил положительную оценку в центральной печати.

и выполнил в своей пьесе прежде, чем его маститые современники (пьесы Леонова и Симонова вышли в свет в 1942 году). Теперь, когда пьеса И. Базоркина становится тематически в один ряд с "Нашествием" и "Русскими людьми", она не теряет самостоятельного значения, и не только по принципу приоритета, но также потому, что драматург нашёл неповторимые по выразительности драматические ситуации (на уровне большого мастерства написана, например, вторая картина второго действия – сцена гибели врача Владимира и его жены), оригинальные образы партизана Василия Фролова, мальчика Бориса и капитана Ибрагимова»¹.

Заслуга В.И. Харчевникова несомненна во многих отношениях. В условиях неизученности историко-культурных и литературных проблем в Чечено-Ингушетии он создал труд, в котором нарисовал сложную и противоречивую картину становления нового витка в развитии литератур младописьменных народов.

Вступительная статья к «Призыву» с хорошим уклоном в историю ингушского народа явилась серьёзной заявкой В.И. Харчевникова на основательное исследование истории ингушской и чеченской литератур.

Своё видение своеобразия чечено-ингушской литературы и достигнутых ею успехов он продемонстрировал широкому читателю в рецензии на «Очерки истории чечено-ингушской литературы»².

Появление романа И. Базоркина «Из тьмы веков» (1967) было закономерным явлением в его творчестве, но было также обусловлено всеобщим подъёмом романного мышления в советской многонациональной литературе 60-70-х годов XX века. Очищение временных, идеологических, конъюнктурных наслоений на историю своих народов, осмысление путей формирования их национальной идентичности, исподволь формирующиеся в их сознании чувства своей причастности к судьбе страны, исторически сложившееся всеобщее стремление к правде и справедливости – вот основные гражданские помыслы писателей, обращавшихся к своим корням. Особую ответственность перед своими народами почувствовали ингушские и чеченские писатели, новая и новейшая история народов которых была исковеркана, деформирована, принесена в жертву политическим и идеологическим решениям центральных и местных властей. Чтобы выстроить толерантную форму общения в условиях встраивания оклеветанных чеченцев и ингушей в общежитие народов, необходимо было создать художественную летопись их зигзагообразной истории, тесно сопряжённой с историей России.

Ингушские и чеченские писатели, подхваченные всеобщим потоком духовного пробуждения народов и страны, и региона на стыке 50х-60х гг. XX в., создали эпические полотна исторического и историко-революционного романов, в которых нашли своё художественное решение многие из названных нами проблем. Романы С.-Б. Арсанова «Когда познается дружба», Х. Ошаева «Пламенные годы», М. Мамакаева «Зелимхан» и «Мюрид революции», С. Чахкиева «Золотые столбы», И. Базоркина «Из тьмы веков», А. Бокова «Сыновья Беки», А. Айдамирова «Долгие ночи», М.-С. Плиева «Трудный перевал», «Чистота души» и др. разгребли завалы, возведённые перед их историей, показали широкому читателю их подлинный нравственный облик.

¹ Харчевников В.И. «Идрис Базоркин. Очерк жизни и творчества», в кн.: «Идрис Базоркин. Призыв». Грозный: 1962 г. – с. 9.

² См.: «Известия ЧИНИИЯЛ», литературоведение, т. III, 1964 г. – с. 116-119. Рецензия написана в соавторстве с В.М. Быловым.

В.И. Харчевников и в своей рецензии на роман И. Базоркина «Из тьмы веков» отметил значение этого романа не только с точки зрения яркого взлёта национальной литературы, но и значения потаённой духовно-нравственной энергии ингушского народа для упрочнения межнациональных связей¹.

Но эта рецензия им была написана уже не в Чечено-Ингушетии: в 1968 г. В.И. Харчевников с семьёй переехал в Таганрог. Переехал, чтобы не поступиться своей честью...

...На пятый день после защиты мной кандидатской диссертации (20 марта 1969, в Дагестанском филиале АН СССР) я написал Владимиру Ивановичу:

«Добрый день, Владимир Иванович!

...На защите был зачитан Ваш тёплый, высококвалифицированный отзыв. Вообще, Владимир Иванович, тем, что я начал работать в институте (Институт истории, языка и литературы), написал диссертацию, я всецело обязан Вам. Вы являлись моим учителем. Вы, собственно, открыли передо мной прекрасный мир художественной литературы, Вы читали главы и разделы диссертации, оказывали мне бескорыстную помощь. Спасибо Вам за это. Ваше братское отношение ко мне вызывает во мне ответные чувства благодарности и уважения к Вам.

Грозный, 25.3.1969 г.»

В середине 1971 года была издана моя первая монография «Чеченская советская поэзия 20-40 годов», в основу которой легла кандидатская диссертация. Послал её Владимиру Ивановичу. Вот выдержка из его ответного письма.

«Дорогой Хасан!

С большой радостью получил твою книгу и письмо... Молодец, мальчик, умница! Желаю тебе, мой дорогой, новых успехов и ничуть не сомневаюсь, что в недалёком будущем ты будешь доктором. – У тебя для этого есть все данные, – способности, и трудолюбие, и молодость. А знаний ты, конечно, наберёшься со временем, только не теряй к ним вкуса, не отдыхая, не переставай!

Будь здоров, дорогой. Привет тебе от Валентины Григорьевны.

Твой Харчевников.

22.10.71»

В 5-м номере журнала «Дон» за 1973 г. Владимир Иванович написал на эту книгу восторженную рецензию.

Конечно, это признание большой и благородной души русского интеллигента, вложившего немало труда в воспитание первой поросли студентов-вайнахов после восстановления их республики, не нуждаются в комментариях. Они красноречивое доказательство того, что русская интеллигенция на всех этапах истории ингушей и чеченцев (этапов зачастую трудных и трагических!) неизменно находилась с ними рядом, своей бескорыстной деятельностью способствуя становлению их общественной мысли, их культуры, и радовались их успехам.

Вот ещё один пример к сказанному:

¹ См.: Харчевников В.И. «"Из тьмы веков" – роман И. Базоркина». «Дон», №№ 11-12, 1971 г.

«Дорогой Хасан!

Огромное спасибо тебе за отзыв, ты меня выручил. Просмотрел «Известия»¹ и должен отметить, что уровень этого сборника заметно выше тех, что выходили прежде. Бросается в глаза широкий подход к явлениям литературы: здесь не только статьи по чечено-ингушской художественной культуре, но и о казачьей песне, о русской классике (Достоевский и Успенский). Здесь дань уважения и чеченцу Дешериеву, но и русско-му Путилову. Я с тобой говорю доверительно и как с умным человеком, коммунистом, одним из руководителей института. И прошу меня правильно понять: когда я читал "Известия" – уже как посторонний, удалённый от конкретных условий человек, – я почувствовал, как выросла общая культура и вашего коллектива, и всего коренного народа. Ощущается большая душевная щедрость, доброжелательный интерес, уважительность не только к "своему", но и к гораздо более широкой географии нашей культуры. В итоге раздумья о национальной литературе включаются в общенародный поток, поднимаются на новый, серьёзный уровень. Следовательно, повышается авторитет проблем самой чечено-ингушской литературы...».

Такова была высота полёта души у русского интеллигента, плотно соприкоснувшегося с возрождающейся после моральной травмы национальной культурой, национальной интеллигенцией, способствуя их становлению.

Убеждён, что и в ВУЗах Таганрога и Элисты (столицы Калмыкской АССР) В.И. Харчевников с такой же душевной щедростью отдавал себя любимому делу просвещения и науке.

В 1974 году он издал крупную монографию, посвящённую творчеству любимого им поэта: «Традиции русской народной песни в стиле раннего Есенина»².

И всё же, и всё же... «Очень может быть, что я и отсюда уеду – мне здесь неприятно, чуждо, уныло, здесь мне непривычно всё... – писал он мне из Таганрога, – много от моего сердца осталось в Чечено-Ингушетии навсегда, я помню (и не головой даже, а душой) вашу родную для меня землю, её благородных, чистых людей, часто готов поехать туда, где прошла моя молодость, просто подышать воздухом Кавказа...»³.

Эти слова В.И. Харчевникова напомнили мне дневниковую запись Л.Н. Толстого, в которой он сказал о влиянии Кавказа на его жизнь и значении для его творчества. «Я стал думать, – писал Л.Н. Толстой в своём дневнике в 1859 г. – как только раз в жизни люди имеют силу думать. У меня есть мои записки того времени, и теперь перечитывая их, я не мог понять, чтобы человек мог дойти до такой степени умственной экзальтации, до которой я дошёл тогда... Это было и мучительное и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, как в это время... И всё, что я нашёл тогда, навсегда останется моим убеждением»⁴.

Такая переключка мыслей и чувств присуща и классикам XIX века, и многим русским советским и российским писателям: А. Пушкину,

¹ «Известия» – труды Чечено-Ингушского института истории, языка и литературы.

² См.: Харчевников В.И. «Традиции русской народной песни в стиле раннего Есенина». Ростов-на-Дону, 1974 г.

³ Письма В.И. Харчевникова хранятся в архиве автора статьи.

⁴ Толстой Л.Н. «Полный сборник сочинений». Юбилейное. Т. 60. С. 293.

М. Лермонтову, А. Полежаеву, Л. Толстому, Ф. Достоевскому, А. Горькому, Н. Тихонову, А. Фадееву, В. Ставскому, М. Слободскому, Е. Долматовскому, М. Шолохову, С. Михалкову, С. Липкину, Р. Казаковой, А. Передреву, И. Ляпину, Н. Иванову, В. Бояринову, И. Голубничему и многим другим широко известным российским писателям.

...Да, уютно и беззаботно живётся малым народам России под сенью великой русской культуры. И создают под её влиянием свою, проникнутую любовью и уважением к нашему общему Отечеству. Так и живём, единой семьёй, вольной и дружной!

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор пяти сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель московских литературных конкурсов (2014-2017), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Герои Великой Победы» (2016), лауреат Международной Бунинской премии (2017), лауреат Всероссийского конкурса «Парад литератур» в номинации «Лучший переводчик» (2018). Награждена знаком «Серебряный крест» и орденом «Золотая осень» им. С. Есенина, Почётным знаком дружбы народов «Белые журавли России». В 2017 г. присвоено звание «Заслуженный писатель».

Живёт в Москве.

«Я припомню былое счастье...»

О древней Руси

Край кудрявых берёз и духмяных цветов,
Где просторы полей, как бездонье небес,
Край, где в древности предки чтили многих богов,
И не знали Христа, что распят, но воскрес.

Были нравы жестоки и грешной – любовь,
И нечистою силой пугал тёмный лес.
Там обиды врагов смыть могла только кровь,
Ведь не знали Христа, что распят и воскрес.

Нам сегодня не просто то время понять:
Суть языческих правил, молитв и чудес,
Но традиции предков должны уважать –
Так учил нас Христос, что распят, но воскрес.

Пётр и Февронья

Чуть затеплится зорька, в светлый храм поспешу,
Средь икон чудотворных образ тот отыщу,
Где Февронья и Пётр – символ русской семьи –
Щедро делятся с нами светом чистой любви.

Пусть непросто, не сразу родился их союз,
Только в Муроме древнем крепче не было уз.
Их ругали и гнали за неравный тот брак,
Но любовь их и верность не сломил злобный враг.

Припев:

Так давайте любить и жалеть, как они!
И любовь нам подарит счастливые дни.
Пусть ромашки кружат в нашей общей судьбе,
Я на них загадаю, мой друг, о тебе.

В милосердье и вере княжью жизнь провели,
В доброте и заботах коротая все дни,
А когда постарели, вместе постриг приняв,
Завещали, чтоб рядом схоронили их прах.

Час настал, души взмыли, оборвав жизни нить.
Хоть тела не решились в один гроб положить,
Трижды чудо свершала та святая любовь:
Поутру находили вместе их вновь и вновь.

Припев:

Так давайте любить и жалеть, как они!
И любовь нам подарит счастливые дни.
Пусть ромашки кружат в нашей общей судьбе,
Я на них загадаю, мой друг, о тебе.

Моя Россия

Запах скошенной травы, дуновенье ветерка,
Нежность маминой любви, вкус парного молока,
Белизна стволов берёз, ширь полей и неба синь,
Щедрость, радость, доброта... Это всё – моя Россия!

Свежий воздуха глоток в миг природы пробужденья,
Сочность красок в летний зной, буйство зелени цветенья,
Тихий шёпот листопада, серые дожди косые,
Снега белого сиянье... Это всё – моя Россия!

Память предков, дух традиций, в храме строгий лик икон,
Чистота души и мыслей, чудный колокольный звон,
Все ошибки, беды, боли, счастья и любви стихия,
Достиженья и победы... Это всё – моя Россия!

Голос Людмилы (памяти Людмилы Зыкиной)

Я припомню былое счастье,
И того, кто был дорог и мил,
Позабыв о годах и ненастье
Вновь поставлю пластинку-винил.
И волшебный голос Людмилы
Мне про матушку-Волгу споёт,
И откроет, «что было, то было»,
И вся жизнь, предо мной промелькнёт.

Припев:

Это – голос самой России
Вольно льётся, забыв о годах,
Где берёзы зимою стылой –
В оренбургских пуховых платках.

Где весною бездонное небо
Ждёт своих журавлей домой,
Где поля колосятся от хлеба,
И простор над Волгой-рекой.

Вместе вспомним о тонкой рябине,
Что весь век одиноко расти,
И о самом лучшем мужчине,
Хоть дарил он «обман-цветы».
Поскучаем о милой маме,
Представляя родное лицо
Самой «нежной, ласковой самой»,
Песней ей отошлём письмецо.

Припев:

Это – голос самой России
Вольно льётся, забыв о годах,
Где берёзы зимою стылой –
В оренбургских пуховых платках.

Где весною бездонное небо
Ждёт своих журавлей домой,
Где поля колосятся от хлеба,
И простор над Волгой-рекой.

Исход

Отрывок из романа

...Перед Аполлинарием Матвеевичем осталось только два непрочитанных письма. История необыкновенного путешествия подходила к концу, но каков был этот конец, Искрицкий не знал, а главное – страшился узнать. За короткое время Ольга умудрилась попасть в такие переделки, что воспоминаний только об одной хватило бы на всю жизнь. При таком таланте навлекать на себя неприятности исход путешествия к Северному полюсу мог быть любым.

Аполлинарий Матвеевич позвонил и попросил Татьяну зажечь камин. Холодно не было, но огонь успокаивал и отвлекал от неприятных мыслей. И вот уже запахло разгорающимся деревом, и огонь, пританцовывая на поленьях, защёлкал и загудел. Аполлинарий Матвеевич расположился в кресле, рядом с которым на маленьком столике Татьяна оставила чай. Тени и блики, метавшиеся по комнате, искажали очертания даже знакомых предметов, так что каминные собачки казались какими-то горгульями.

Так он и сидел, не зажигая света: с чашкой чая перед камином. Те несколько поленьев, что разожгла Татьяна, скоро начали прогорать. Почерневшее дерево словно всосало в себя огонь, растекавшийся по головням рыжими пятнами. Иногда огонь высывался, как будто для того, чтобы удостовериться, в комнате ли Искрицкий. Но потом снова прятался, и снова рыжие пятна проступали на обуглившихся поленьях. В конце концов Аполлинарий Матвеевич поставил на столик чашку и замер перед мерцающим камином. И непонятно было: спит ли он или о чём-то думает.

Когда же наутро Татьяна принесла завтрак, Искрицкий уже сидел у письменного стола, погрузившись в чтение. Он уже понял, что если бы вчера хотя бы взялся за чтение, то не волновался бы и не думал Бог знает о чём перед камином. Ведь Ольгино письмо начиналось словами: «Дорогой мой, самый мой дорогой Аполлинарий Матвеевич!

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Автор книг прозы «Гностики и фариесеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.»

Живёт в Сергиевом Посаде.

Последние три дня стали, наверное, самыми счастливыми в моей жизни. Уже три дня, как мы в Архангельске, а скоро отправимся в Петербург. Я же всё думаю о том, каким разным может быть счастье: сидеть под солнцем на берегу моря и видеть мир, каким он был во дни творения, или сидеть в невероятно ветренном, холодном Архангельске в провинциальной гостинице – оказывается, и то, и другое может делать человека счастливым. Тот, кто будучи здоровым и сытым, чувствует себя несчастным, попросту скучает.

Но лучше я расскажу обо всём по порядку с того самого времени, как мы впервые заметили землю, а точнее – розоватые неподвижные облачка. Итак, возвращаюсь назад.

Штурман, первым разглядев землю, упорно молчал. Я тоже решила молчать, потому что хотела понять, почему молчит штурман. Так мы и молчали вдвоём, пока Земсков, рассматривавший SO то из-под ладони, то в бинокль, вдруг сказал, обращаясь к штурману:

– Так ведь это ж...

Штурман, сдержанно улыбаясь, но при этом страшно довольный, что было видно по глазам, едва кивнул. И только тогда Земсков позволил себе договорить:

– ...земля!..

Тут уж все принялись смотреть на SO. Признаться, я ждала, что, заметив землю, все мы начнём плясать и кричать от радости. Но, видно, за два месяца прогулок по льдинам все устали и сделались осторожны. Сколько раз нам казалось, что мы видим землю. Сколько раз появлялись перед нами такие же точно облака, с тою лишь разницей, что стоило кому-нибудь крикнуть: “Земля!” как в скором времени облака таяли, и ничего, кроме ропачов на горизонте не оставалось. И постепенно все мы стали крайне недоверчивы к разным видениям. И пусть на сей раз очередная земля не исчезла из виду с переменной ветра, думаю, никто из нас не сможет по-настоящему обрадоваться, пока не увидит остров на расстоянии нескольких саженей. Кажется, нам не столько хотелось попасть на эту землю, сколько убедиться, что она существует. Штурман сказал, чтобы мы не обольщались добраться до острова за пару дней

– Тут миль шестьдесят, – пояснил он. – А ещё течения... как приливное, так и отливное... Так что... Добраться туда будет не просто.

– Тогда давайте больше не ставить палатки, – предложил Макаров.

– Смысл?

– Возни меньше, – ответил штурману Макаров и с ненавистью посмотрел на палатку. – Меньше будем дрыхнуть, трескаться и бекасов ловить. Быстрее пойдём.

Светлана Замлелова. «Исход». Роман. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. – 392 с.

Все согласились с Макаровым и заговорили одновременно:

– Верно!

– Надо быстрее идти, хватит, и правда, бекасов ловить...

– Да времени на палатку жаль...

Штурман слегка усмехнулся:

– “Трескаться” нам и в самом деле скоро нечего будет...

– Тем более!.. Быстрее нужно двигаться...

Штурман не стал возражать, однако, смотрел на нас как на малых ребят. Было видно, что он не верит в нашу решимость исполнить своё намерение. Сам-то он, кажется мне, готов идти без отдыха, сколько потребуется. А мы только мешаем продвигаться ему вперёд. Когда я думаю, что штурман в одиночку намеревался совершить этот переход, мне делается страшно – человеку это не под силу. Но в то же время я уверена: он прошёл бы быстрее, потому что ему пришлось не просто идти, но и тащить всех нас. Сколько раз я наблюдала, как измученная переходом и недоеданием команда была не в силах двинуться с места, а штурман, исполненный решимости и энергии, смотрел на нас как на презренных слабаков. Ни разу и ничем он не выдал усталости или недовольства. Казалось, он недоволен только одним: что эти ленивые мулы, то есть все мы, не в состоянии мыслить и действовать хотя бы вполнину как сам штурман.

Итак, решив продвигаться быстрее и не разбивать палатку, мы на другой же день обнаружили, что оказались дальше от острова, чем были вчера. Всё-таки наступившее лето ощущалось даже в наших широтах: лёд под нами постоянно подтаивал, снег стал удручающе рыхлым и липким, сверху нас поливал дождичек, а полыньи образовывались и разводились прямо на глазах. Лёд как будто проснулся или ожил и пришёл в движение. Нам всегда было досадно, что мы перемещаемся так медленно, но после того, как мы увидели остров, каждая задержка в пути, будь то липкий снег, майны или отливное течение, стали видаться нам проделками злых сил. И это особенно пугало и злило. Команда тоже как будто проснулась и обнаружила, что тюленей, чаек, нырков и глупышей стало заметно больше. После того, как штурман сказал, что трескаться скоро будет нечего, мы начали трескаться свежее тюленьё мясо и о голоде вовсе забыли. Но, однако, от вождя острова нас относил всё дальше. Палатку пришлось достать, но, к счастью, это не вызвало ни в ком уныния. Все, напротив, подбадривали друг друга разговорами о твёрдой почве и о том, что первым же нашим делом на острове станет баня. В самом деле, на физиономии наши просто не было сил смотреть – все были похожи на какие-то немые горшки. А наша одежда – это просто тюфяки из ночлежек – просоленные и напичканные “бекасами”. Баня и стирка были главной нашей мечтой в то время. Штурман тогда говорил, что если бросить наши рубашки на лёд, они расплзутся в разные стороны. Хотела бы я посмотреть на это ужасное зрелище, тем более, не сомневаюсь, что именно так оно и было бы.

Но все тогдашние неудобства и недовольства оказались сущими пустяками по сравнению с тем, что ждало впереди. Мало того, что мы продолжали топтаться на месте – дул S, а течением нас относил от острова, Михайлов и Кротов – два самых беспомощных человека в нашей компании – умудрились, переправляясь через полынью, в который уже раз перевернуться. Их, конечно, сразу вытащили, но вещи... Хуже всего было то, что в результате купания утонула винтовка.

Узнавший о происшествии штурман вышел из себя, так что я думала, он отправит бедных Михайлова и Кротова следом за утонувшей винтовкой. Мы ещё раз прослушали, что все мы – разгильдяи, лодыри, тупые мулы и что наши “бекасы” гораздо сообразительнее и проворнее нас самих, потому что “бекасы” ни за что не утопили бы оружие, при помощи которого добывают себе пищу. Потом, воздев руки к небу, штурман вопрошал, кто надоумил нас отправиться в Арктику, какой злой гений внушил нам эту нелепую мысль. Оказалось, что, по наблюдениям штурмана, самое большее, на что каждый из нас может рассчитывать – это быть пастухом. Все мы – все девять пастухов – слушали штурмана молча, как будто он читал нам лекцию по философии. И если бы у нас оказались при себе тетради, мы бы наверняка записывали за ним. Каждый оставался на том месте, где застал его голос штурмана – я стояла рядом со своим возком, Раев упирался коленом в ящик с провизией, Земсков сидел на снегу... Не знаю, кто о чём думал, но я пыталась вообразить, что ждало бы меня, утопи я секстан. Уверена, что не одной мне штурман внушает благоговейный ужас, так что наверняка все думали примерно о том же.

Выпустив пар, штурман ушёл. Вернее, уйти здесь некуда, так что он просто отошёл подальше от нашего становища и скрылся за ропаками, которые в последнее время стали грязными и почему-то обвешанными водорослями. Когда он ушёл, мы, не глядя друг на друга, занялись огнём и обедом – прежде всего надо было обсушить и накормить наших купальщиков.

Но опрокинутый каяк и винтовка-утопленница были только началом наших приключений. На следующий день вернулась вдруг снежная слепота. На какое-то время мы даже забыли о ней, и вот – новый приступ. Глаза болят и слезятся, открыть их невозможно, всё вокруг расплывается, мир выглядит как размытый акварельный рисунок. Но и слепые, мы намеревались и дальше продолжать путь, пока штурман не объявил, что не желает быть слепым вождём слепых, и поход наш был остановлен. Штурман сказал, что необходимо дать глазам отдых, и велел всем заболевшим оставаться под тентом, а здоровым – отправляться на охоту. Он и на сей раз оказался прав, потому что охотники притащили тюленя, и после двухдневного вынужденного “поста” на сухарях и бульоне Скорикова мы снова ели свежую мясную похлёбку.

Но несмотря на то, что мы основательно подкрепились и дали глазам отдых, случилось худшее, что могло случиться. Не знаю, что послужило тому причиной: недавний ли приступ бешенства у штурмана, какое-то помешательство или наваждение, но после двух дней отдыха мы обнаружили утром, что Шадрин и Макаров, которых не задела в тот раз снежная слепота, забрав мешок сухарей, остававшуюся у нас винтовку с патронами, лучший бинокль, лучшие лыжи, единственные часы и вообще всё лучшее, что было у нас, исчезли. Из оружия у нас оставались дробовка и магазинка с горсткой патронов. В наших условиях это мало. Очень мало.

Именно они – Шадрин и Макаров – не так давно уговаривали штурмана всё бросить и продвигаться к острову налегке. Штурман их выслушал и ответил так:

– Если вы хотите добраться до мыса Флора, то имейте в виду: никакого “легка” у вас не получится... Провизия, – начал он загибать пальцы, – секстан, хронометр... Да мало ли необходимых вещей?.. Всё бросить просто невозможно. Не в руках же нести сухари и хронометр!.. А что если, подойдя к острову, мы наткнёмся на воду? А?.. Вот ты, Макаров, скажи мне: как сможешь перебраться на сушу?..

Макаров, понятно, молчал. А штурман продолжал:

– Нет, чёрт побери, не валяйте дурака!.. Осталось немного – вот он, остров, – и штурман указал рукой на землю, которая в ту пору была уже видна не как розовое облачко, а вполне определённо. – Наберитесь терпения, вы не дети. И я не позволю вам подвергать всех опасности. А бросить каяки – это и значило бы подвергнуться опасности.

Как и всегда, со штурманом было сложно не согласиться. В самом деле, а ну как, подойдя к острову, мы увидели бы перед собой огромную майну? Как же можно будет преодолеть воду без каяков? Но у этой парочки – Шадрина и Макарова – просто не хватило терпения. Макарова я как-то плохо знала, но Шадрин всегда казался мне рассудительным и спокойным. Никак я не ожидала, что он будет способен на такой странный поступок. Желание попасть на возделенный остров пересилило всё остальное – и солидарность, и порядочность, и даже честь. Теперь, когда земля так близко, они не захотели больше ждать и подчиниться неправильным, как им, конечно же, казалось, приказам штурмана. Зачем с трудом тащить неподъёмные нарты по рыхлому снегу, когда можно добежать до острова, где полно птицы, яиц, где можно устроить баню и просто насладиться твердью?.. Они не выдержали, не смогли совладать с собой и, ограбив нас, ушли. Единственное, чего они не понимают по своей глупости и дремучести, что без штурмана на острове они пропадут быстрее, чем можно себе представить.

Теперь уже не только штурман, но и все мы были в бешенстве. Земсков предложил отправиться по следу и, догнав, расстрелять обоих. Но штурман, желая, несомненно, того же, сказал:

– Не стоит... Они уже далеко, и если мы помчимся за ними, то вернуться обратно и найти становище будет очень непросто. А догнать мы их вряд ли догоним... Хуже всего, что придётся бросить один каяк. А два каяка на семерых... – он покачал головой. – Одни нарты и палатку тоже придётся бросить – всё это мы не утащим. Что ж, по крайней мере, идти станет легче.

Я снова поразилась этому человеку. Ведь не было никакого сомнения, что он задыхался от ярости. Но он знал, что должен держать себя в руках, когда все вокруг неистовствуют и улюлюкают. В таких условиях кто-то обязательно должен оставаться спокоен, иначе люди вопьются друг другу в глотки. Если бы не штурман, наша экспедиция непременно развалилась бы. Мы бы разбрелись по этому льду, потеряли бы друг друга и, разъединённые полыньями, кончили бы голодной смертью. Когда все мы, включая меня, горели жаждой мести, только штурман сумел сохранить хладнокровие и предотвратить опасную и ненужную погоню.

Немного погодя, за обедом, когда, очевидно, утих первый и самый сильный приступ гнева, штурман сказал, пережёвывая тюленью котлету:

– В жизни своей не видел более глупого поступка. О чём они думали? Об острове?.. Ну и что дальше? Куда они пойдут на этом острове?.. Ведь они понятия не имеют, где находятся... Да и зачем было воровать и рисковать нарваться на суд Линча, когда я сто раз повторял, что никого не держу... Я и сейчас повторяю: если кто-то хочет уйти, не нужно делать этого так позорно. Возьмите свою долю провизии и ступайте с Богом. Для того чтобы уйти, не нужно становиться предателем и вором... Почему-то многим легче украсть и сбежать, чем сказать “нет”.

Он обвёл всех взглядом, но никто больше не хотел уходить. Кажется, все отлично понимали: только штурман знает, как и куда нам идти.

– Вы должны знать и помнить, – продолжил он, – никто из вас ничем мне не обязан, никто не должен мне подчиняться. Я никого не звал за собой, когда уходил с “Княгини Ольги”, поэтому каждый из вас в любой момент может отправиться в самостоятельный путь. И для этого необязательно становиться вором.

Мы все жевали свои котлеты молча и, точно как и в тот раз, когда Михайлов и Кротов утопили винтовку, а штурман назвал нас “пастухами”, избегали почему-то смотреть друг на друга.

Идти и в самом деле стало легче. Но зато вокруг было всё больше воды, и льдины почти не стояли на месте – их гнал ветер, несло течениями. А мы вынуждены были с трудом перетаскивать нарты и всё чаще обращаться к каякам. Удивительно, как Шадрин и Макаров сумели обойтись без каяков.

Остров был всё ближе, дорога – всё труднее. Стало тепло, и снова, теперь уже у всех, заболели глаза. На каждую маленькую радость тотчас находится своя неприятность. Не жизнь, а весы. Когда же мы наконец подошли к острову, подул сильный SW и растащил льдины, так что наша команда оказалась разделённой огромной полыньёй. Пробовали мы спустить каяки на воду, но ничего из этого не вышло – ветер поднял такую волну, что каяки, грозив перевернуть, заливало водой. Зато наши льдины понесло на NO и прибило к острову там, где подняться на него можно было и не мечтать – с тем же успехом получилось бы взлететь. Словом, если бы не штурман, я не знаю, что бы мы делали.

– Ну что, мокрые курицы, – обратился он к нам.

И это было настоящей правдой: каждый из нас был похож на мокрую курицу, и не только потому, что все мы изрядно вымокли – вид у всех был попросту жалкий и несчастный. К этому времени нам всё-таки удалось воссоединиться на одной сравнительно небольшой льдине в окружении шуги. И когда мы столпились в полном недоумении относительно дальнейших наших действий, штурман, оглядывавший отвесную стену острова, сказал:

– Ну что, мокрые курицы, пойдём на поиски низкого берега или попробуем подняться здесь?

Он указал на какой-то вертикальный заснеженный жёлоб – очевидно, это была трещина, забившаяся снегом.

– Попытаться можно, – ответил Раев, оглядывая жёлоб.

– Ну вот и попытаемся! – весело сказал штурман.

И с этих слов началось наше восхождение.

Шаг за шагом штурман и Раев прорубали в снегу, забившем жёлоб, ступени. Шаг за шагом мы подтаскивали вещи и по одной поднимали их привязанными вверх. После того, как были подняты последние нарты, на остров поднялась вся команда. Впервые за полтора года мы все стояли на твёрдой земле, кричали “ура!” и обнимали друг друга.

Пообедав кое-как, мы уснули. И только наутро принялись осматриваться. Впрочем, это не заняло много времени – мы и так знали, что находимся на леднике. С ледника надлежало спуститься на камни, откуда, как мы видели раньше, прилетали птицы.

– ...Имейте в виду, – сказал штурман, собрав нас, – ледник штука обманчивая. Идти по нему будет легко, но впереди могут быть трещины – вроде той, по которой мы поднимались на остров. Трещина, присыпанная снегом – это верная смерть, выбраться из неё невозможно... Это понятно?..

Мы стали обсуждать, как же нам лучше и безопаснее продвигаться по леднику, и наконец решили так: штурман и Раев, которому штурман, как мне кажется, всегда доверял больше всех и считал наиболее сообразительным из нас, пойдут вперёд, обвязанные лямкой и на расстоянии двадцати саженей. Идти они будут, ощупывая снег лыжными палками, предварительно сняв с них кружки. Третьей пойду я – так, чтобы не терять их из виду и чтобы меня видели идущие за мной. По моим следам пойдут все остальные, таща одни нарты и один каяк.

– И не задерживайтесь, не растягивайте это шествие, – сказал арьергарду штурман напоследок. – Есть уже нечего, и неизвестно, что ждёт впереди.

Так мы и отправились навстречу неизвестности: впереди штурман, за ним Раев, потом я. А следом – все остальные. Идти было легко – лёд был ровный и гладкий, без надоевших нам ропаков. Ещё пару лет назад я понятия не имела, как встать на лыжи. Но теперь я справляюсь с лыжами; встав на них, я именно бегу, а не ковыляю как спервоначалу.

Через пару часов хода по гладкому леднику среди тишины и лёгкого тумана я почувствовала уклон и в то же время какой-то нарастающий шум. Я поняла, что ледник заканчивается. А вместе с ним заканчивается белое однообразие и редкозвучие. Я даже остановилась, чтобы попрощаться со льдом, почему-то я была уверена, что прощаюсь с ним навсегда. Остановившись, я огляделась кругом. Никого позади я не увидела – команда где-то замешкалась. Вокруг был только лёд. Как страшно одному оказаться среди этих льдов, в подмороженной навеки стране, где никому нет до тебя никакого дела! Мне действительно стало страшно, и я повернулась, чтобы увидеть спину Раева. Никакой силе не растопить эти льды, думалось мне, пока я бежала вперёд, никто не сможет сделать этот край пригодным для жилья. Но тут показалась впереди чёрная полоса, и я поняла, что заканчивается не просто белая пустыня, заканчивается ещё один период в моей жизни. И какой-то будет новая жизнь? Мне стало немного грустно. Но, не задерживаясь, я съехала вниз, и новая жизнь началась тут же, обрушившись на меня невообразимым грохотом. Это кричали птицы, множество птиц, гнездившихся на скалах. Снег лежал пятнами среди чёрных камней. Впереди стояли Раев со штурманом и смеялись. А смеялись они, потому что прямо под ногами у них росли какие-то маленькие жёлтые цветы, завидев которые, я тоже засмеялась. Потом мы увидели мох, потом – журчащий ручей. Лыжи мы сняли и шли теперь по камням, которые не скользили и не проваливались, зато с невероятно приятным для слуха шорохом и лёгким стуком поворачивались под ногами. Вдруг Раев замер, уставившись куда-то в сторону. Потом бросил нам: “Подождите”, и побежал. Мы со штурманом остановились, наблюдая за ним. Отбежав не очень далеко, он наклонился и что-то подобрал с земли, после чего бросился назад. Одновременно почти из-под ног у него взлетела какая-то птица.

– Гага, – сказал штурман, провожая её взглядом.

Раев приближался, неся что-то в шапке. Подбежав, он, страшно довольный, протянул шапку перед собой – там лежали птичьи яйца.

– Отлично! – засмеялся штурман. – Ольга Александровна, когда вы последний раз ели настоящую яичницу?

Смеясь, я только пожала плечами.

– Ну это же отличный повод! – воскликнул штурман. – Не пора ли, господа, перекусить?

– А дожидаться не будем? – спросила я.

– Когда они придут, – ответил штурман, указывая широким жестом на скалы, сплошь покрытые птицами, – мы наберём им две шапки яиц. А пока нам и самим нужны силы.

Боже мой, что это был за обед! В жизни своей я не едала такой вкуснятины. Мы испекли эти яйца в золе – для яичницы у нас не было приспособления, и съели по две штуки, беззаботно смеясь чему-то.

– Послушайте, – сказал штурман, – а вам не кажется, что мы умерли – может быть, утонули? – и оказались в раю?

– Лично я не имею ничего против, – ответил Раев.

– Я бы тоже не возражала, – отозвалась я, – в этом случае нам не пришлось бы ждать остальных и думать, как добираться до Архангельска.

И мы опять смеялись как дети и смотрели друг на друга как на самых родных людей, и почти уже верили, что угодили в рай. Но вдруг вера наша была разрушена самым бесцеремонным образом. Откуда-то – не со стороны ледника, что было бы объяснимо, – послышался крик. Мы трое вскочили на ноги и повернулись туда, откуда кричали. Там, на небольшой каменистой сопке стоял человек, размахивал шапкой и кричал, обращаясь к нам:

– Э-эй!

Поняв, что мы его заметили, бросился к нам.

– Стойте! – кричал он. – Стойте!

– Шадрин, – помрачнев разом, сказал штурман.

– Он, – в тон ему отозвался Раев.

Это действительно был один из беглецов. Раев поднял с земли винтовку.

Штурман заметил и, коснувшись его руки, тихо сказал:

– Подожди.

– Стойте! – кричал приближавшийся Шадрин. – Подождите!..

Запыхавшись, он остановился в нескольких шагах от нас. Первым делом он снял не раз вымокавшую и оттого потерявшую форму меховую шапку и, сжимая её двумя руками, прижал к груди. Вытянув шею, он переводил беспокойные глаза с одного лица на другое. Вид у него был жалкий. И вдруг резко, как подкошенный, он бухнулся на колени.

– Простите, ваше благородие... – залепетал он, глядя на штурмана и продолжая мять свою дурацкую шапку.

Мы трое молчали. При этом у Раева было такое лицо, что, казалось, ещё секунда, и он выстрелит в предателя.

– Барышня... Ваше благородие... – лепетал Шадрин, – бес... бес попутал...

– Дурак, – сказал вдруг штурман с сожалением в голосе, – ну что за дурак!

В ответ Шадрин разрыдался, уткнувшись в шапку.

– Покайтесь, приблизится бо царство небесное, – тихо сказал Раев.

Штурман слегка усмехнулся:

– Я же говорил...

И обращаясь к Шадрину, добавил:

– Ну-с, любезный, благоволите встать и поведать нам горестное житие свое.

Шадрин встал, всё ещё всхлипывая и размазывая слёзы и грязь по лицу.

– Да что ж, – начал он, – что ж тут... Бес...

– Ты на беса-то не вали, – перебил его Раев. – Чай, не бес у нас сухари-то попёр.

– Лыжи, часы Земскова, сапоги Фау, бинокль с компасом... – словно ни к кому не обращаясь, перечислял штурман.

– Слыхал? – спросил Раев у Шадрина.

– Простите, – бормотал Шадрин, – простите, братцы... Да мы уж теперь для вас...

– Тамбовский волк тебе братец... – огрызнулся Раев.

А штурман добавил:

– Полно обещаниями нас кормить – сытые. Ты вот что: стой на месте и жди. Мы будем совещаться, что с вами делать... Где, кстати, Макаров?

– Тут он, тут, – засуетился Шадрин. – Болен он.

– Болен, говоришь?.. А ты слыхал, что вас обоих команда приговорила к расстрелу?.. Так что стой и не дёргайся. А дёрнешься, сам приговор в исполнение приведу.

– Да как же... – заголосил было Шадрин, но штурман перебил его:

– Стой и молчи!

Он сделал нам знак, и мы втроём отошли в сторону.

– Ну что? Простим дураков?

– Ну не расстреливать же их, в самом деле, Виталий Валерьянович! – воскликнула я.

– А я так мыслю, – вдруг глубокомысленно изрёк Раев, глядя в сторону моря, – среди льдов этих проклятущих, – он кивнул на море, – рассудка немудрено лишиться. И не пристало нам на ополоумевших зло держать.

– Ну что ж, – улыбнулся штурман, – на том и порешим. Их счастье, что не попали нам сразу...

Мы вернулись к Шадрину, который ждал нас, замерев, и теперь смотрел с таким ужасом, точно и впрямь боялся расстрела.

– Ну что, брат, – сказал ему штурман. – Верховный синедрион постановил отпустить тебя как ополоумевшего.

– Вот спасибо, ваше благородие, – выдохнул Шадрин, – вот спасибо... А я уж теперь... я уж заслужу... я уж теперь от вас ни на шаг...

– Ладно, ладно рассказывать-то, – махнул на него штурман. – Говори лучше, где твой подельник.

Оказалось, что “подельник” скрывается за ближайшей сопкой. Там было устроено у них что-то вроде землянки или небольшой ямы, от ветра которую защищали развешанные на воткнутых в землю лыжах вещи и мешок из-под украденных сухарей. А ещё оказалось, что “подельник” болен: у него был жар, он страшно исхудал, ноги его, обутые, кстати, в те самые сапоги Фау, болели и распухли. Штурман сразу помрачнел, как только увидел его. И я поняла, о чём он подумал. “Подельник”, то есть Макаров, еле ворочал языком, но тоже всё валил на беса и клялся заслужить. Но штурман не стал его слушать и велел лежать спокойно. Развели хороший костёр – благо, плавника оказалось довольно, расположились вокруг и стали жарить яичницу. Раев несколько раз ходил к леднику смотреть, не спустились ли остальные, но всякий раз возвращался ни с чем. Не дождавшись их к ночи, мы решили, что наутро отправимся на поиски. Благодушие наше вновь сменилось озабоченностью.

На другой день Раев и Шадрин отбыли к леднику, штурман ушёл на разведку вглубь острова, а я осталась с больным, который почти всё время спал у костра. Я была ему благодарна, потому что впервые за долгое время оказалась одна и получила возможность просто так гулять, не думая о льдинах и полыньях. Я наслаждалась шорохом камней под ногами и развлекалась тем,

что бросала камни, стараясь бросить как можно дальше. Не думаю, что ещё когда-нибудь смогу получать удовольствие от такого глупого занятия.

Прошедшим вечером у костра мы долго говорили о будущем. Штурман объяснял, что нам необходимо до наступления холодов (звучит как издёвка) добраться до южного острова. Там, по его словам, есть какие-то постройки, вполне пригодные для зимовки, и наверняка найдутся запасы провизии, оставленные моряками. Штурман был уверен, что зимовать придётся, что на каяках нам не дойти до большой земли. Можно, правда, попытаться дойти по льду до Новой Земли, где есть люди и куда летом приходят корабли. В конце концов, можно даже попытаться пройти по льду до Хабарова.

– После нашего перехода уже ничего не страшно, – смеялся он.

– Ну да, – подхватил Раев, – поможем тамошнему батюшке колодец копать.

И теперь уже все мы, включая Макарова и Шадрина, смеялись. А я и не знала, что так приятно, оказывается, иметь общие воспоминания.

Идиллия закончилась, когда все снова собрались у костра, на сей раз включая пропавшую экспедицию. Они вернулись почти одновременно: сначала штурман с разведки, оказавшейся заодно и охотой, а вскоре Раев и Шадрин привели лыжников с каяком.

Штурман принёс целую связку подстреленных птиц и целую шапку свежих яиц. Когда из-за сопки появилась процессия во главе с Раевым, штурман поднялся им навстречу. Когда же процессия приблизилась, штурман голосом, не предвещавшим ничего хорошего, спросил:

– Где они были?

Оказалось, что потерявшиеся путники... отдыхали. Раев и Шадрин нашли их спящими под тентом где-то на небольшой площадке посреди спуска от ледника к каменистой части острова. Не заметив внизу на камнях никого их нас, они решили устроить привал на леднике и провалялись там почти сутки.

– Ну что ж... – сказал штурман. – Почему бы, в самом деле, и не вздремнуть?.. Ведь мы же никуда не торопимся, не правда ли?.. Только мне интересно: кто-нибудь из вас думал о будущем? Что вы, к примеру, собираетесь есть? Мы, знаете ли, вместе с вами намеревались поискать медведей или тюленей, вы для этого тащили каяк... И что же?..

Но на сей раз провинившиеся не собирались отмалчиваться.

– Да что же, – ответил Кротов, – полно еды... Чай, не льдина – эвона! – он махнул рукой в ту сторону, где гомонили птицы.

Штурман выслушал его и невозмутимо ответил:

– Стоило мне уйти, как у вас случилась “эвона”, вы обо всём забыли и завалились спать. Вы обещали мне торопиться. Мы все намеревались охотиться, но стоило вам потерять меня из виду, и тут же началась “эвона”...

– Ты всё! – вдруг отозвался Кротов, обращаясь к Михайлову. – “Не пойду, пока не отдохну!”... А теперь из-за тебя все виноваты.

– А чего меня слушали? – огрызнулся Михайлов. – Шли бы сами...

– Да?.. А тебя, борова, на себе волочь? Так, по-твоему?..

– Тьфу ты!.. – штурман отошёл в сторону, не желая больше слушать их перебранку. Я ждала, что он скажет своё знаменитое: “Вы – не команда, вы – ленивые мулы...” Но он больше ни слова не сказал о случившемся и вёл себя, как будто ничего не произошло. Наверное, не хотел быть окончательно изгнанным из своего рая.

Ещё два дня мы оставались на месте – нужно было отдохнуть, отъесться и отмыться, как мы и мечтали. Стирку решили не затевать, но хотя бы сами кое-как отмылись. С едой нам всемерно содействовали птицы – мы ели мясо, бульоны, яйца во всех видах. Штурман всё это время бродил с винтовкой по острову, то в одиночестве, то вместе с Раевым. На второй день они возвратились из своего похода взволнованными.

– Послушайте, это настоящее открытие, – объявил штурман, созвав нас. – До сих пор я не знал точно, где именно мы находимся... не знал, что это за остров... Но сегодня на берегу мы наткнулись на банку – такая жестянка вроде наших жестянок... Так вот. Там была почта.

Мы все замерли, как будто ждали, что в этой жестянке окажется послание с того света.

– Сначала мы подумали, что эту жестянку выбросило море, но она слишком тяжела для этого... Понимаете?.. Тогда мы предположили, что банка не случайно оказалась на берегу. И представьте: оказались правы. Внутри этой банки, – тут штурман наконец-то достал из мешка свою находку, и все мы придвинулись ближе, чтобы разглядеть её, – оказался флаг... Британский флаг!.. А ещё небольшая бутылка и в ней – записка... – он достал и развернул смятую бумажку. – Здесь написано по-английски, а в переводе значит: “Наша экспедиция высадилась на этой земле, на мысе Мэри Хармсуорт 7 августа 1897 года после того, как покинула мыс Флора. Мы намереваемся пройти на северо-запад, дабы установить наличие земли поблизости от этого мыса, а потом, если удастся, достичь островов Иогансона. Командующий экспедицией Фредерик Джексон”.

Тут штурман обвёл нас таким взглядом, словно этот Фредерик Джексон пообещал ему забрать нас с острова завтра же утром.

– Слава Тебе, Господи! – проворчал Шадрин. – Не одни мы по этим льдам шарахаемся.

Но никто не обратил на него внимания.

– Итак, – в волнении продолжал штурман, – мы на Земле Александры. А это значит, что нам следует продолжать движение на юг, чтобы затем морем пройти к острову Нортбрук. Мы выступаем завтра. И я ещё раз для всех повторяю: кто хочет остаться здесь или идти собственным путём – я никого не держу. Нужно только одно: предупредить.

Разумеется, никто не захотел оставаться на этой Земле Александры. По моему, только попав сюда, все окончательно поняли, что отрываться от штурмана – смерти подобно. Видимо, наши беглецы воображали себе, что оказаться на суше значило бы оказаться в Петербурге. И только потом до них стало доходить, что они понятия не имеют, где находятся. Когда штурман сказал, что мы на Земле Александры, на мысе Мэри Хармсуорт, они даже притихли и как-то приуныли. Не знаю, какое впечатление на них это произвело. Вероятно, они хотели услышать, что мы в Колпино или в Гатчине.

На другой день мы вышли утром и довольно скоро оказались на южной оконечности острова.

– Это что же, и весь остров? – удивилась я.

– Разумеется, нет, – ответил штурман. – Это всего лишь мыс Мэри Хармсуорт. Но я думаю, что здесь нам стоит разделиться.

Штурман предложил спустить на воду каяки. В этом случае шестеро смогут плыть, а трое пойдут налегке. Разумеется, они пойдут очень осторожно: перевязавшись линем и ощупывая палками снег – впереди опять показался

ледник. Встретимся мы у следующего мыса, который виден впереди даже без бинокля. Собственно, это предложение было указанием, потому что из-за беглецов нам пришлось бросить один каяк, так что оставалось два каяка на девятых. В каяке, самое большее, могут плыть три человека, поэтому троим из нас пришлось идти. Так мы и разделились: штурман, я и Шадрин уселись в один каяк, во втором каяке оказались больной Макаров, Земсков и Фау. Пешком пошли Михайлов и Кротов, во главе которых штурман отправил Раева, как самого толкового. Штурман сказал, что правильнее было бы отправить пешком Шадрину с Макаровым, но поскольку Макаров был болен, а Михайлов с Кротовым не желали расставаться, места распределились именно так.

Плыть с грузом было намного проще, нежели тащить его на себе по льду. Зато стало немного страшно из-за моржей, которые встречались всё чаще. Их огромные злобные морды появлялись вдруг над водой, точно угрожая в любую минуту пробить каяк бивнем. Я невольно вспоминала капитана, настойчиво рекомендовавшего нам тащить на себе вельбот. Пожалуй, с вельботом мы бы не ушли далеко. Зато плыть было бы не в пример приятнее. Каяки – уж очень лёгкие и неустойчивые лодки, плывёшь на них с ощущением, что вот-вот перевернёшься. Правда, штурман был доволен и уверял, что каяки превзошли его ожидания. Несколько раз он принимался сокрушаться из-за оставленного нами каяка – ведь на трёх мы вполне смогли бы разместиться все вместе и плыть вдоль берега до самого мыса Флора. Но нам пришлось разделиться и плыть от мыса к мысу, встречаясь с береговой партией и устраивая ночёвки.

Моржи, как бдительные стражники ледяных морей, провожали нас не то подозрительными, не то удивлёнными взглядами, и вид у них был такой, как будто под водой они пожимали плечами. То и дело появлялась усатая, сморщенная морда и смотрела на нас как на невиданных чудовищ, вторгшихся незваными гостями в чужое царство.

Все мы страшно устали, всем хотелось поскорее завершить путешествие и никогда не видеть больше ни моржей, ни льда, ни каяков... Но когда мы делали остановки на обед или на ночь, мне казалось, что береговая партия, выйдя из-под влияния штурмана, что-то затевает. Всякий раз у них был такой вид, как будто они только что поругались – они даже избегали смотреть друг на друга и разговаривать.

Возможно, кому-то из них наскучило идти гуськом и ощупывать палками снег, отчего между ними начались пререкания. А может, им надоело идти и они жалели, что ушли с мыса Хармсуорт. Штурман как будто ничего не замечал или делал вид, что не замечает – уж очень, по моему, надоело ему ленивые, безответственные, недалёковидные люди, больше похожие на непослушных детей.

Штурман не собирался разбивать лагерь, не дойдя до мыса Флора. Береговые боялись потерять его из виду, чтобы не пропасть без него во льдах. Но чувствовалось, что с каждым днём они были всё более недовольны. Причём Раев был недоволен Михайловым и Кротовым, а те, как и в прошлый раз, лениво переругивались. Наверное, воду опять мутил Михайлов – пожалуй, самый ленивый человек из нашей команды. На каждой стоянке он был всё мрачнее и мрачнее, делать что-либо решительно отказывался, только сразу ложился, ел, когда его подзывали к костру, потом снова ложился.

Но вот наконец мы прошли Землю Александры со всеми её мысами и в следующий раз должны были встретиться на Земле Георга. Проливы между

островами ещё не вскрылись, и береговым пришлось снова выходить на лёд, чем, кстати, они были очень недовольны. Штурман обратился к ним с напутственной речью, пытаясь втолковать, что провизии осталось совсем немного, что надо поторапливаться и что путь наш не так уж далёк лежит. Они слушали его молча и с явным неудовольствием: Михайлов – потому что не хотел идти вообще, Кротов – потому что устал пререкаяться с Михайловым, а Раев – потому что не хотел идти с Михайловым и Кротовым и слушать их пререкания. Однако остаться без штурмана они по-прежнему боялись, ведь штурман для них – и компас, и секстан, и хронометр в одном лице.

Расстояние между островами было самым значительным из тех, что нам приходилось преодолевать после высадки на мыс Мэри Хармсуорт. До сих пор погода нам благоволила, и каяки действительно неплохо справлялись. Но тут нам предстояло самое продолжительное плавание, и мы не на шутку распереживались из-за каяков, из-за ветра, из-за моржей и, конечно, из-за береговых, превращавшихся на наших глазах в компанию расслабленных. Когда мы уже отплыли, штурман сказал, что у Михайлова, похоже, начинается цинга – Раев сказал, что у него опухают ноги. Из-за цинги он так апатичен и слаб.

– Тем более нужно поторапливаться, – подытожил штурман.

Шадрин спросил, не следовало бы нам пересадить береговых в каяки, а самим идти пешком. Но штурман покачал головой:

– Не думаю, – сказал он. – Чтобы грести, нужны силы, то есть именно то, чего у них не хватает... А если перевернутся?.. Вытащить мы их не сможет, а сами они не выберутся. Так что пусть лучше плетутся по берегу.

К счастью, наш переход на Землю Георга оказался вполне сносным. И если бы не битый лёд и не умножившиеся моржи, которых приходилось отгонять вёслами, всё было бы даже спокойно. Береговые пришли с опозданием.казалось, и Кротов начинает заболеть. Но помочь им было просто невозможно. Оставалось только одно: как можно быстрее добраться до острова Нортбрук, где, как уверял штурман, были деревянные постройки. Но впереди перед нами ещё лежал остров Белл, где также пришлось бы сделать остановку. Зато остров Нортбрук уже просматривался в бинокль. И штурман, чтобы подбодрить унывающих, пригласил всех посмотреть на его очертания. Мне тогда показалось, что это прекрасный остров – лучший из всех, виденных мною за последнее время. Правда, перед мысом Флора нам пришлось бы остановиться на острове Белл, а потом ещё на ближайшем мысу острова Нортбрук. Но зато каждая остановка приближала бы мыс Флора.

Но на остров Белл береговые не явились. Мы прождали их сутки, ходили навстречу, кричали, стреляли, но они не отозвались и не показались. Тогда мы устроили для них небольшой склад, где кроме еды оставили бутылку с запиской, и вышли на своих скорлупках в море. В оставленной записке штурман ещё раз подробно обсказал, что они должны будут сделать. Мы же решили, что, добравшись до мыса Флора и оставив там вещи, вернёмся на поиски.

Последнюю перед островом Нортбрук стоянку мы покинули не то поздно ночью, не то рано утром, что не имело значения, поскольку в это время года одинаково светло весь день. Мы уже видели впереди долгожданный мыс, и это видение вселяло в нас уверенность и придавало сил. Ведь одно дело, когда идёшь наугад, и совсем другое – когда ясно видишь перед собой цель. А мы наконец-то отчётливо увидели перед собой цель, и все поняли, что нужно сделать самое последнее усилие, чтобы этот кошмар закончился. Но оказалось,

что видеть цель – это ещё далеко не всё. И когда мы уже почти подошли к острову Нортбрук, из пролива между островами вдруг подул ветер такой силы, что можно было подумать, будто кто-то устроил это нарочно. Пролит оказался достаточно широк, и ветру было где разгуляться. Кроме того, мы попали в какое-то отливное течение. И всё это вместе взятое бодро понесло нас в открытое море. В довершение ко всему стал опускаться туман – погода там страшно переменчивая. Но если бы мы сидели на острове или хотя бы на льдине, то не обратили бы на туман никакого внимания. Однако болтаться в лодке, похожей на скорлупу, посреди открытого моря в тумане – не самое большое удовольствие. До сих пор оба наших каяка были на виду друг у друга. Но в тумане мы перестали видеть второй каяк. А тут ещё ветер, вытолкнувший нас из пролива, поднял волну, и мы, с трудом удерживая нашу скорлупу на плаву, изо всех сил старались держать каяк против волны и едва успевали вычерпывать воду.

– Надо высаживаться, – крикнул штурман. – Надо высаживаться и ждать. Долго мы так не протянем...

– Куда же мы, чёрт побери, тут высадимся? – закричал в ответ Шадрин.

– Всё равно!.. На любую льдину... Плыть дальше нельзя.

Чего-чего, а льда вокруг было предостаточно. Впрочем, как и всегда.

– Давай сюда, – указал Шадрин на ближайшую к нам ледяную глыбу – довольно высокую старую льдину.

Он высадился первым и помог выбраться мне. Потом мы перегрузили вещи, после чего на льдину поднялся штурман, и все вместе мы затащили каяк. Туман понемногу стал рассеиваться, но видимость всё равно оставалась небольшой. Главное же – мы не видели второго каяка.

Штурман, как и всегда, оказался прав: на льдине было гораздо спокойнее, отсюда можно было наблюдать за морем со стороны, а это куда лучше, нежели барахтаться в холодной пучине. Мы расположились на своей льдине-спасительнице и принялись оглядываться. Несмотря на то, что вот уже два месяца, как лёд стал нашим домом, обстановка была для нас новой и непривычной. Ведь до сих пор мы жили в ледовых степях, а тут оказались на ледовом острове, сравнительно небольшой части суши, омываемой со всех сторон водой. К тому же мы успели подзабыть, что сидеть на льду бывает довольно холодно, и скоро стали замерзать. Нам пришлось доставать малицы и кутаться. Но едва мы согрелись, нас, как водится, потянуло в сон, чему мы не особенно сопротивлялись, поскольку делать на этой льдине всё равно было нечего.

Знаете, есть такое не очень приятное ощущение, когда во сне вдруг лежишь или проваливаешься куда-то. Обычно сразу просыпаешься, не успев упасть и узнать, каково было приземление. Ощущение действительно не из приятных, но то, что испытали мы, не идёт с ним ни в какое сравнение. Расскажу о себе.

Итак, мне приснилось, что я падаю. Но когда я проснулась, а я была уверена, что проснулась, падение не прекратилось. Тогда я, помню, подумала, что продолжаю спать, но в следующую секунду случилось то, что развеяло всякие сомнения: над головой у меня с громким плеском сомкнулась вода. Не забудьте, что вода вокруг нас исключительно ледяная, прикосновение которой похоже на ожог. И только тут я поняла, что не сплю и, начав барахтаться, вынырнула опять на поверхность. Вокруг меня плавали шапки, рукавицы и прочие наши вещи. На льдине, которая, как оказалось, треснула, оставался каяк.

Не помню как, я вскарабкалась на льдину. Но тут ужас моего падения показался мне пустяком, потому что на льдине я не обнаружила ни штурмана, ни Шадрину. Ведь сначала я думала, что каким-то непостижимым образом одна умудрилась скатиться в воду. Но вышло, что и штурман, и Шадрин тоже “купались”.

И тут я увидела их. Они барахтались примерно там же, откуда я только что выбралась на льдину. Их положение усугублялось тем, что они спали “валетом”, то есть сняв сапоги и засунув ноги в малицы друг к другу. Теперь же в воде они никак не могли выпростать ноги. Наконец им это удалось, и они разлетелись как бильярдные шары от удара.

– Сюда! – крикнула я. – Здесь ступени.

От холода у меня стучали зубы. Казалось, я промёрзла настолько, что постепенно моё нутро превращается в сплошную ледышку.

Они поплыли ко мне, заодно подбирая рассыпавшиеся вещи и забрасывая их на льдину. Когда они уже стояли на подводном уступе и держались за крошащийся край нашего айсберга побелевшими пальцами, штурман, тяжело дыша, отфыркиваясь и с трудом шевеля онемевшими губами, сказал:

– Ольга, бросайте каяк в воду и прыгайте сами – нам здесь нечего делать.

– Как? Прыгать в воду? – испугалась я. Видимо, от потрясения и холода я перестала что-либо понимать.

– Каяк в воду, сама – в каяк, – рявкнул штурман.

Только тогда я поняла его: на льдине нас действительно ждала бы неминуемая смерть, мы не смогли бы ни переодеться, ни обогреться. Наше спасение было в том, чтобы плыть к островам, гребя изо всех сил. Поэтому, не рассуждая и не задавая больше вопросов, я столкнула в воду каяк и сбросила в него остававшиеся у нас вещи.

Мне хотелось прыгнуть, чтобы сразу оказаться в лодке. Но я побоялась пробить парусину, а потому, перекрестившись, я съехала по льду в воду и подтащила каяк к льдине, на боковине которой по колено в воде стояли штурман и Шадрин. Первым спустился Шадрин и помог мне выбраться из воды, после чего к нам присоединился штурман. У каждого их нас зуб на зуб не попадал, пальцы не гнулись, а лица словно окаменели. Штурман, ставший белее льда, проговорил застывшими губами:

– Берём вёсла и, ни слова не говоря, гребём к острову. Это наша последняя надежда и единственное спасение. Хотим жить – нужно двигаться. Не останавливайтесь, пока не причалим.

И мы принялись грести. От движения стало немного легче, хотя ноги всё равно стыли, как будто я и не вынимала их из воды. Иногда мы всё-таки останавливались, чтобы передохнуть, но, боясь замёрзнуть, снова налегали на вёсла. Спустя несколько часов мы были на мысе Флора. На наше счастье туман рассеялся, а НО сменился на истинный N. Зато второй каяк исчез, как будто его и не было. На берег мы вышли, еле держась на ногах. Во всяком случае, я ещё никогда так не уставала. А потому, как только ноги коснулись земли, я сразу упала. Шадрин, напротив, пустился в пляс, так что у меня мелькнула мысль, а не сошёл ли он с ума. Сначала он отплясывал молча, а потом запел в голос:

*...В кабаке столбом веселье и содом.
Разгулялся, расплясался пьяный дом!
У кого бренчат за пазухой гроши,
Эй, пляши, пляши, пляши, пляши, пляши!..*

Пока я валялась, а Шадрин отплясывал, штурман принялся разводиться огонь – благо плавника вокруг было предостаточно. И скоро мы сидели вокруг огня, стараясь обсохнуть и согреться. Шадрин сказал, что, похоже, опять отморозил пальцы ног – ведь он уже падал в воду и отмораживал ноги, когда мы возили плавник у берега Ямала. Штурмана трясло, у меня, я чувствовала, поднималась температура. Все наши товарищи пропали. Такова была цена, которую мы заплатили за мыс Флора острова Нортбрук Земли Франца-Иосифа.

Мы не могли знать, что стало с береговой партией и с теми, кто плыл на втором каяке. Чудом при нас осталась винтовка и немного патронов. На льдине всё это, а ещё жестянки с документами и письмами и несколько шкур оставалось в каяке, потому именно чудом не затонуло.

Штурман хоть и стучал зубами, но уже думал о будущем, о том, что придётся делать капканы и луки со стрелами. Я же думала, что если мы выживем, если не умрём от воспаления лёгких, то непременно одичаем. Но вообще-то мне в то время было совершенно всё равно, умрём мы или одичаем. И когда штурман, обсохнув, поднялся и заявил, что нужно поесть, я даже не пошевелилась. Он посмотрел на меня встревоженно, но ничего не сказал. Они ушли, вернувшись вскоре с подстреленными птицами. Потом, как я помню, кто-то из них поил меня бульоном и только после этого они и сами принялись за еду. А потом штурман сказал, что пойдёт на поиски построек, а Шадрину велел настрелять ещё птицы и следить за костром. Меня оставили возле огня, где я никак не могла согреться, то проваливаясь в забытие, то бессмысленно глядя на пламя. Тогда мне вспоминался капитан Дубровин, болевший прошлой зимой своей непонятной болезнью. В то время он тоже любил смотреть на огонь и просил разжигать камин даже днём. Для человека, который цепляется за жизнь, огонь – это лучшая зацепка. Огонь и есть жизнь, как небо есть вечность. Движение, тепло и свет – вот, что такое огонь. А ещё горячая пища и приятный запах. Кто размышляет о вечности – смотри в небо, кто хочет жить, должен смотреть на огонь. Думаю, меня вернули к жизни штурман, Шадрин и огонь.

– Если вы не можете идти, Ольга Александровна, – непривычно ласково сказал вернувшийся штурман, – я вас отнесу.

А я вдруг поймала себя на мысли, что мне было бы очень приятно, если бы Виталий Валерьянович куда-нибудь нёс меня на руках. Всё равно куда. Но я почему-то испугалась этой мысли. А кроме того, он и сам еле ходил, и с моей стороны было бы свинством залезать к нему на руки.

– Нет, нет, спасибо, – забормотала я. – Я пойду сама.

Странно, но тогда я даже не подумала, куда это мы идём. А шли мы, как приговорённые к смерти. Впереди нетвёрдой походкой, явно в горячке, шёл штурман, за ним – я, замыкал шествие Шадрин с отмороженными пальцами на ногах. У меня разболелось горло, отяжелела и кружилась голова, перед глазами проплывали какие-то красные медузы, а то вдруг начинал бить озноб и тут же становилось невыносимо жарко.

Вокруг между тем был настоящий рай. Снег сошёл, и продвигались мы по мягкому зелёному мху. Нередки были маленькие кустики цветов – жёлтых, лиловых. Волнами доходил до нас и снова откатывался непрерывный шум птичьего базара. То и дело шуршали под ногами камни. А каждая каменистая сопка непременно была украшена белыми лентами водопада. Но подмечая всё это, мы не радовались. Слабая, чуть трепыхающаяся радость пришла

чуть позже, когда мы поднялись на сопку и увидели то, что искали, ради чего чуть не погибли сами и растеряли своих товарищей – постройки. По виду это был целый рыбацкий посёлок: четыре строения из брёвен или досок, перевернутый вверх килем бот, множество ящиков и какой-то разбросанной повсюду утвари вроде кастрюль, сковородок, упряжи и прочего. Когда же мы спустились в этот посёлок и штурман вскрыл первый же попавшийся ему ящик, там оказались галеты, чудесные пшеничные галеты. Штурман и Шадрин принялись распахивать двери, вскрывать ящики, а я опустилась на землю рядом с ботом, прислонившись к нему спиной. “Если уж умереть, то лучше здесь, чем на льдине”, – подумалось мне. Подошёл Шадрин и стал разводить рядом огонь.

– Посидите, барышня, – ласково сказал он, – сейчас обустроимся. Пришли, слава Тебе, Господи!..

Вот так я попыталась улыбнуться. Шадрин ушёл, но скоро они вернулись со штурманом и принесли тушёнку, селёдку в банках, нарезанную аккуратными кусочками, чайную заварку, сахар и даже сушёный картофель. Есть мне совершенно не хотелось, но при виде всех этих яств даже я обрадовалась. А вскоре уже был готов обед из нескольких блюд – суп, закуска, белый хлеб и сладкий чай. Штурман улыбался, а Шадрин уговаривал меня:

– Покушайте, барышня! Вкусно до чего...

– Да уж... – задумчиво сказал штурман. – Богатое нам досталось наследство. Видно, все, кто побывал здесь, что-то оставил для идущих следом.

Но есть я так и не смогла и только выпила чаю с сахаром. Потом они опять ушли, а я уснула рядом с костром.

Проснувшись я уже под крышей на какой-то широкой деревянной лежанке. Пахло мокрыми шкурами и горящим деревом. Рядом гудела печка и негромко разговаривали штурман с Шадриным.

– До холодов надо всё вычистить – лёд с полов отбить, вынести сор, да и вымыть всё... С едой мы перезимуем, плавника здесь довольно...

– И на дровах просидим!

– Да, и дров довольно...

– А может, нам того... Бот на воду попытаться...

– Нет... Не успеем – придётся зимовать... Во-первых, нужен отдых – путь всё же неблизкий... Во-вторых, нужно искать остальных. А когда мы их найдём? И найдём ли...

– Ох-хо-хох...

А я опять уснула.

Продолжалось это несколько дней: я то просыпалась, то засыпала и воспринимала всё с полнейшим равнодушием. Но однажды я ощутила, что на мне грязная, заскорузлая одежда. Да и лежанка моя не отличается чистотой. В тот же день я впервые по-настоящему обедала: супом, селёдкой и сладким чаем. И еда казалась мне невероятно вкусной. Шадрин рассказал, что за время моей болезни штурман тоже лежал в горячке. И Шадрин в одиночку выхаживал нас обоих. Штурмана мучил бред: заснув, он начинал слышать голоса, звавшие его со стороны моря. Тогда он вскакивал и отправлялся к морю, и только Шадрин едва ли не силой возвращал его обратно. Несколько раз повторялся этот страшный зов, и несколько раз Шадрин возвращал штурмана с полпути к берегу.

– Слава Тебе, Господи, что я не свалился, – сетовал Шадрин. – А то что же: лежали бы трое, да с голоду бы и померли. Обидно было бы: кругом

такое изобилие... Голодные шли – не померли. А тут окочурились бы среди селёдок... Вот как искупались, однако.

– Ну, положим, с голоду бы мы не померли, – улыбался штурман. – А вот обессилеть – обессилели бы... Так что спасибо тебе, Тихон Митрич, выходил, вернул к жизни... А искупались мы знатно – век не забуду!..

Я тоже улыбалась: штурман начал спорить, значит, всё в порядке. Едва только штурман поправился, они вдвоём взялись за уборку, которую уже начал Шадрин. Нужно было вычистить все постройки, разобрать находки, обустроить склад, под который отвели самый маленький дощатый домик. Там уже, как в магазине, были устроены полки с рыбными и мясными консервами, с маслом и свечами, галетами и сахаром... Господи! Чего там только не было! Конечно, не всё оказалось пригодным в пищу, и кое-что наши уборщики попросту забраковали. И всё равно запасы получились внушительными.

Шадрин один приволок к нашему посёлку брошенный каяк и все наши вещи, оставленные там, где мы высадились на берег. Для этих вещей на складе тоже нашлось своё место. Оставалось привести в порядок самый большой дом, сложенный из бревна. Там было устроено несколько комнат. И, конечно, тот дом лучше всего подошёл бы для зимовки. Шадрин даже взялся сложить там каменную печку вместо чугунной. Но сначала необходимо было освободить дом от хлама и как следует его вымыть. После болезни я была ещё довольно слаба и быстро уставала.

– Вы бы посидели, барышня, – уговаривал меня Шадрин с таким видом, что можно было подумать, я ему мешаю.

Но сидеть было стыдно, и я понемногу участвовала в общем деле. Штурман и Шадрин кололи лёд, который устилал весь пол как грязный ковёр – крыша протекала, и заливавшая дом вода застывала здесь год от года. Освобождать дощатый пол ото льда оказалось самой тяжёлой работой. Отбитые куски я складывала в ведро и выносила на улицу. И вот как-то, устав, я села отдохнуть на бот и стала смотреть по сторонам. Мне хорошо было видно море с его неизменными льдинами и тонкой завесой тумана. Эти льдины напоминали мне бродячих собак, скитающихся с важным и озабоченным видом по улицам городов.

Льды скитаются по морям, собаки – по улицам. Так я сидела и думала, глядя вокруг. Как вдруг слева от меня из тумана появилась мачта. Кажется, я вытаращила глаза и подумала, что у меня начались видения. Но тут я совершенно отчётливо различила трубу, из которой поднимался дым, а потом из тумана показался корпус. Там, в море был корабль. Какое-то время я сидела молча, не в силах ни пошевелиться, ни закричать. Но вдруг меня словно подбросило, и я опрометью кинулась к дому. Поскольку я не вошла, а ворвалась, штурман и Шадрин обернулись ко мне и перестали стучать. Вид у меня, наверное, был ополоумевший, потому что на их лицах проступил испуг.

– Скорей, – почему-то прошептала я, – корабль.

Они молча смотрели на меня, а потом спросили одновременно:

– Что?..

Я выскочила на улицу удостовериться, что видение не исчезло. “А вдруг только я его вижу? – пронеслось у меня в голове. – Что-нибудь после болезни...” Но голос штурмана успокоил меня:

– Чёрт! – услышала я за спиной.

И тут же голос Шадрина:

– Слава Тебе, Господи!..

И тут нас прорвало: мы стали кричать, свистеть, прыгать, размахивать руками. Штурман принёс ружьё и несколько раз выстрелил в воздух. Потом бросился к морю, столкнул каяк и заработал вёслами, что было силы. Мы побежали за ним, и скоро слышали крики “ура!”. А потом к берегу подошла лодка и увезла нас на корабль.

Не могу передать, как мы радовались друг другу, словно все приплыли сюда ради этой встречи. Это было русское зверобойное судно “Диана”, возвращавшееся в Архангельск и зашедшее на остров Нортбрук по чистой случайности – капитан хотел сделать последнюю остановку перед выходом в открытое море, взять пресной воды, а если повезёт, то и поохотиться. Наших криков и выстрелов они не слышали и, заметив каяк штурмана, страшно удивились.

– Я штурман экспедиции капитана Дубровина, покинул “Княгиню Ольгу” три месяца назад, со мной ещё двое товарищей, – прокричал им штурман с лодки.

Услышав русскую речь, они пришли в восторг и ответили штурману дружным “ура!”. Когда же увидели меня, то просто оторопели.

– Женщина в полярной экспедиции?! – спросил капитан “Дианы”. – Вы шутите?.. Как это вообще возможно?..

– О! Это долгая история, – улынулся в ответ штурман. – Ольга Александровна не собиралась плыть с нами. Но в последний момент обстоятельства изменились, и всё сложилось не так, как все мы ожидали.

– Этот случай войдёт в историю мореплавания, – торжественно объявил капитан Кураченков, вполне довольствуясь туманными объяснениями штурмана. Потом нас накормили полноценным обедом с куриным супом и картофельным рагу, после чего мы перевезли наш нехитрый скарб на “Диану”, а в завершение дня в машинном отделении для нас устроили баню, предварительно выдав чистую одежду. При этом наши блошницы отправились в топку. Потом каждый из нас был препровождён в собственную каюту, и на этом счастливый день закончился.

Впрочем, закончился не просто день, а целый этап в жизни каждого из нас. Опять начиналась другая жизнь, отчего было немного тревожно и грустно. И я вдруг поймала себя на мысли, что немного жалею наши льды, оставшиеся в прошлом, по которым мы шли к смутной цели на протяжении нескольких месяцев. Сложно было поверить, что всё действительно закончилось и скоро мы отправимся в Архангельск. Так долго тянулась эта история, а прекратилась как-то вдруг, словно и не было этого перехода, пропажи команды и злополучного “купания”.

Капитан Кураченков, маленький, но бравый человек с закрученными кверху задорными усами, рассказал нам, что Петербург стал Петроградом, а в Европе идёт война, где участвуют почти все страны, в том числе и Россия.

– Ну да, куда уж без нас-то! – не без раздражения объяснил он. – Говорят, царь наш не помнит, на каком он свете живёт. Министр Сазонов – авантюрист, великий князь Николай Николаевич играет загадочную личность и хочет побед. А между тем потери огромные. Настолько, говорят, огромные, что Россия почти лишилась регулярной армии и уповаёт теперь на ополченцев. А что мужик?.. Что ему немец или бельгиец?.. Он и не знает, где эта Бельгия... И одно я вам скажу: такие невнятные войны случаются на закате империй. Вот помяните моё слово...

Мы как-то успели отвыкнуть от этих светских бесед за два года. И как же странно было вновь погрузиться в облако слов, в трясину проклятых вопросов. Мне вспомнилась Москва с бесконечными посиделками и спорами о революции, и я невольно поморщилась. Штурману, вероятно, тоже что-то припомнилось, и он тоже чуть заметно наморщил нос и привёл в движение желваки – уж я-то знала этот жест! Никто из нас не захотел поддерживать разговор о правительстве – слишком уж мы были поражены известием о войне, да к тому же отвыкли от русских споров. Только Шадрин всё повторял тихо:

– О, Господи, Господи...

Но капитану хотелось поговорить с новыми людьми и произвести впечатление, и он принялся рассуждать о немецких подводных лодках, расползающихся по дну северных морей.

– Становится всё опаснее, – говорил он, – того гляди, нарвёшься на немецкую подводную лодку. А ещё говорят, немцы вскоре могут высадиться в Архангельске...

Услышав это, я, признаться, была уверена, что мы обязательно наткнёмся на немецкую подводную лодку или, придя в Архангельск, найдём его набитым немцами. Только тогда наше путешествие получило бы вполне закономерный финал.

Но пока что, рассказав, в свою очередь, о пропавших товарищах, штурман попросил капитана Кураченкова попытаться отыскать хоть кого-нибудь, что и было исполнено. Мы даже высадились на Земле Георга и на острове Белл, но никаких следов береговой партии не нашли. Бесследно пропал и второй каяк. Капитан Кураченков исполнил всё, о чём мы его просили. Но изменить что-то он был не в силах. Скорее всего, береговые, устав следовать наставлениям штурмана и потеряв необходимую бдительность, действительно провалились в трещину ледника. А второй каяк, по всем вероятностям, затонул в то время, как мы “купались”.

Мы больше ничего не могли сделать и, оставив на мысе Флора немного мясных консервов, дав затем последний пушечный залп, “Диана” проплыла мимо острова Нортбрук.

Всю дорогу до Архангельска я, по сложившейся за последнее время привычке, ждала каких-нибудь неприятностей: немецких подводных лодок, морских чудовищ, непроходимых ледовых полей. Но ничего этого не было. Мы с лёгкостью обогнули встретившиеся нам льды и вскоре вышли на чистую воду. Я уже начала забывать о своей болезни и чувствовала себя почти как два года назад, в начале нашей экспедиции. Шадрин уже не хромает и не жалуется на ноги, штурман тоже бодр и весел, и единственное, что его беспокоит – это небольшой порез, полученный им при колке льда. Он исхитрился распороть льдом палец в тот день, когда появилась “Диана”. С тех пор он не снимает повязку, но я уверена, что и это скоро пройдёт. В конце концов, порез – не цинга.

Через неделю мы были в Архангельске. Расцеловавшись с капитаном Кураченковым, обнявшись по очереди со всей командой “Дианы”, мы направились в гостиницу, подсказанную нашими зверобоями. Гостиница “Троицкая” на Торговом проспекте – весьма приличное место, вечером в ресторане даже играет оркестр, но мы были бы рады ей, как родному дому, в любом случае. Сейчас, когда я дописываю это письмо, штурман с Шадриным в соседнем номере и наверняка уже спят. Я же, войдя, решила написать Вам и писала весь

день и всю ночь. Но это ничего. Главное, я могу теперь спать в кровати, а не на льду.

Нас, конечно, никто не ждал и не встречал здесь с оркестром. Но мы привезли письма и бумаги капитана Дубровина. Вернее, то, что от них осталось. Ещё у нас несколько шкур, фотографии, моржовая кость. И опять же: то, что осталось от бывших наших богатств. И завтра, то есть уже сегодня, мы решим, что с ними делать – поедем ли все вместе в Гидрографическое управление или штурман поедет один. Главное – мы живы и стоим на твёрдой земле. Больше никаких льдов и торосов, моржей и тюленей! И вообще, мне стоит подумать о переезде к тёплому морю. Хватит мне мёрзнуть.

Обнимаю Вас, дорогой мой Аполлинарий Матвеевич. Уже совсем утро. Очень скоро я напишу Вам, чем же всё-таки закончилось моё плавание к Северному полюсу.

Ваша О.»

Из пачки писем осталось одно, отправленное не так давно из Петрограда. Но чтение его Аполлинарий Матвеевич отложил на другой день. Вместе с тем он помрачнел, стал задумчив и несколько раз пробормотал еле слышно: «Я так и думал!.. Именно так и должно было быть!..» Когда же на другой день он расположился, чтобы прочесть последнее письмо, то почему-то всё никак не мог приняться за чтение и долго ещё крутил письмо в руках. Наконец он как будто сделал над собой усилие и стал читать: «Дорогой мой Аполлинарий Матвеевич! Если бы не Вы, то кому и рассказать, как гонит меня судьба – словно злая надсмотрщица нерадивую рабыню.

Пишу я Вам из города Петрограда – о! какое странное название, я всё никак не могу привыкнуть к нему. Здесь я не задержусь, потому что нет моих сил находиться в этом ужасном городе. Снова он встретил меня неприветливо, как незваного гостя. А я и есть всюду незваный гость, так даже, что и на свете я гость незваный. А что прикажете ещё думать?

Я обещала написать, чем закончилось моё плавание. Что ж, извольте.

Через несколько дней по прибытии нашем в гостиницу “Троицкая” мы собрались обсудить дальнейшие свои действия. Только сейчас мы все трое вспомнили, что в мире существует такое непреложное явление, как деньги, владельцем которых в небольшом количестве оказалась из нас троих только я. Теперь мне предстояло стать меценатом и довести дело Дубровина – Бреева до конца. Штурман тут же объявил себя моим должником и со всей серьёзностью принёс уверения в том, что долг будет возвращён.

Небольшую нашу сумму надлежало разделить на несколько частей и расходовать с повышенной экономией. Нам предстояло дать телеграмму в Петроград о нашем прибытии, затем дожидаться ответа и просуществовать это время в Архангельске, купить себе какую-нибудь новую одежду. Благо, магазинов и лавок здесь, кажется, довольно. Учитывая, что гостиница “Троицкая” цены выставляет прямо-таки столичные, нам придётся куда-нибудь съехать. Штурман говорил о монастырском подворье, а ещё о возможности проживания на кораблях – там тоже, оказывается, сдают каюты. Последний вариант для меня совсем неутешительный – уж очень мне надоело жить на воде.

Затем, в зависимости от того, что сообщит нам Гидрографическое управление, покупать билеты самим или ждать денег из столицы. И, наконец, нам

предстояли траты в Петрограде. Тут же штурман добавил, что задерживать нас он не хочет и не имеет права, поэтому будет рад, если мы решим сразу уехать по домам. Последнее предложение мы с Шадриным отвергли наотрез и объявили штурману, что уедем только после того, как будут завершены все наши общие дела. Штурман нас поблагодарил и, как мне показалось, это была не формальная благодарность.

И вот, в тот же день штурман отправился в почтовую контору на набережную. Это не очень далеко от гостиницы – город вообще небольшой. И штурман ушёл пешком. Ни я, ни Шадрин не изъявили желания сопровождать его. Шадрин намеревался, по-моему, спать. А я хотела первым делом обновить свой потрёпанный гардероб. И вскоре после того, как штурман ушёл, я тоже вышла на улицу. Несмотря на то, что я уже бывала в Архангельске перед отплытием, город всё равно для меня малознакомый, поэтому я шла довольно медленно, разглядывая витрины. Война слышна и видна даже в этом небольшом и далёком городе. Повсюду много людей в форме, то и дело строем проходят военные во всеоружии. Народ, особенно мальчишки, глазееет на них с любопытством. Я тоже глазела на всё с удовольствием и любопытством, хотя бы и потому, что отвыкла видеть что-либо кроме льда и моря. И вот, не доходя немного до почтовой конторы, где мы вполне могли бы встретиться со штурманом, я вдруг услышала, как в переулке справа от меня, куда только что перед тем свернула пролётка с каким-то сановным господином, как выяснилось позже – помощником полицеймейстера, прогрехотал взрыв. То, что это был именно взрыв, я поняла сразу, поскольку ещё хорошо помнила, как мы пытались взорвать лёд вокруг “Княгини Ольги”, а к тому же в переулке полыхнуло. Одновременно слышался звук битого стекла, крики людей, собачий лай и ржание лошади, более похожее на рёв. Над переулком поднялось облако дыма, пыли и фейерверк каких-то клочьев. Все, кто был поблизости, бросились в переулок, отовсюду, со всех сторон бежали мужчины, женщины, дети и даже собаки. Оказавшись в переулке, я увидела опрокинутый экипаж, гнедую лошадь, лежавшую на боку, вздрагивавшую и страшно хрипевшую, кровавые пятна повсюду и куски человеческого тела или тел. Лошадь всё пыталась приподнять голову и как будто с упрёком смотрела на собиравшихся людей. Чуть в стороне от опрокинутой пролётки с кровавым крошевом лежали несколько человек, убитых, видимо, заодно и случайно, просто потому, что оказались рядом. Я рассмотрела одну согбенную старушонку со сморщенным, как от дрянного запаха, личиком; платок у неё съехал набок и обнажил совершенно седые, затянутые сзади волосы с выбившейся над виском прядкой. Рядом лежал мальчишка лицом вниз со спёкшимися в крови светлыми волосами на затылке и с кровавыми лохмотьями вместо правой руки. А в шаге от них я увидела штурмана Виталия Валерьяновича Бреева, раскинувшего на мостовой руки и недовольно, по своему обыкновению, смотревшего в небо остекленевшими глазами. Не знаю, но мне показалось, что он был ещё тёплым, его рука окончательно остыла в моей руке. Его шея и грудь под мокрым бушлатом казались нашипованными какими-то металлическими осколками с неровными, острыми краями.

Тем же вечером мы сидели с Шадриным в его комнате и молчали, пока я не сказала неожиданно для самой себя:

– Он был прав, Тихон Дмитриевич, мы – мокрые курицы.

– И мулы, – тихо добавил Шадрин. – Ленивые мулы...

Ещё недавно Архангельск виделся мне прелестным городком с деревянными тротуарами. Но после смерти штурмана он увиделся мне совсем другим.

Это город-гроб. К деревянным настилам очень пошёл бы какой-нибудь деревянный навес. Все мои злключения не идут ни в какое сравнение с этой смертью. Когда-то Вы говорили, что нужно искать Человека. Когда умер Виталий Валерьянович Бреев, я поняла, что это и был Человек. В каком-то смысле мы виноваты в его смерти – надо было всё делать вместе.

Я не думала, что его смерть может стать столь огромной потерей для меня. Когда-то я побаивалась его и даже на него негодовала. Потом стала им восхищаться. Но, может быть, я любила его? Кто знает – может быть. Когда-то мне казалось, что я люблю Садовского. Но однажды я случайно убила его. Я не знала, что люблю штурмана Бреева, но теперь мне кажется, что в его смерти есть и моя вина. Как понять эту жизнь? И смогу ли я теперь жить обычной жизнью среди обычных людей?..

Нам ничего не было известно о родных штурмана, поэтому его похоронили в Архангельске. Сам он, кажется, был из Уфы. На похоронах были мы с Шадриным и вся команда “Дианы”.

– Совершить такой путь, – сказал капитан Кураченков, – а умереть от бомбы какого-то негодяя... Обидно!..

После похорон мы отправили остававшиеся у нас письма с “Княгини Ольги” и решили, не откладывая, ехать в Петроград – передать в Гидрографическое управление документы капитана Дубровина и штурмана Бреева. Но сначала решили дать ещё одну телеграмму.

Я знаю, что очень наивна. Иногда мне даже делается неловко из-за своей наивности. Когда мы прибыли в Архангельск, я была уверена, что если в городе нет немцев, то нас непременно встретят так же, как провожали. Потом я подумала, что так, должно быть, и надо, что нас никто не должен встречать. Тем более штурман ничего не говорил об этом. Зато потом Шадрин стал говорить, что со стороны Морского министерства и Гидрографического управления странно и нехорошо не интересоваться нашей экспедицией. Я до конца так и не поняла значения этого путешествия. Вот если бы мы прибыли с полюса, всё было бы ясно. Но теперь... Отсутствие к нам интереса только подогревало мои сомнения. Когда штурман погиб, на другой же день местная газетёнка написала о нас как об авантюристах. Будто бы в Петрограде снаряжают спасательную или поисковую экспедицию, и что морской министр велел заковать капитана Дубровина в кандалы, да так и доставить в столицу. “С самого начала, – писала эта газета, – экспедиция капитана Дубровина была настоящей авантюрой. Команда оказалась как на подбор – сплошь отъявленные авантюристы. Поистине, только авантюристы согласятся взять в плавание к Северному полюсу женщину! В высших морских кругах с первых же дней отнеслись к затее капитана Дубровина как к несерьёзной. Сегодня жизнь убеждает нас в правоте такого отношения: экспедиция пропала, штурман Бреев, вернувшись на берег со своей любовницей и денщиком, погиб при невыясненных обстоятельствах, как раз на месте убийства помощника полицеймейстера. Виновник убийства, кстати, не установлен. И у полиции есть все основания подозревать в совершении этого преступления погибшего господина Бреева. Когда всенародно собирались средства на экспедицию капитана Дубровина, все думали, что жертвуют кровные деньги во славу России. Оказалось, всё это ради того, чтобы кучка авантюристов и, возможно, преступников-террористов смогла совершить увеселительную прогулку с девочками...” И так далее, всё в том же роде.

Я едва не расплакалась, прочитав эту заметку. Ведь очень может быть, что это не просто личное мнение газетчиков. Не исключено, что они выражают

мнение Морского министерства. И очень может быть, что морской министр и в самом деле распорядился заковать нашего капитана.

Без штурмана мы остались точно сироты. На руках у нас – огромный архив и несколько медвежьих шкур. И мы принялись ломать головы: куда вести бумаги, а куда – шкуры. В конце концов, мы и порешили дать ещё телеграмму в Гидрографическое управление – с министерством связываться мы побоялись, опасаясь, как бы и нас не велели доставить в кандалах. Но не успели мы телеграфировать в Петроград, как Петроград телеграфировал нам. На другой день после смерти штурмана в гостиницу была доставлена телеграмма: “Ждите представителей комитета”. Мы было обрадовались и проторчали из-за этих “представителей” три лишних дня в гостинице, экономя на каждом куске. Но два представителя комитета, занимавшегося сбором средств на экспедицию, явились в гостиницу, забрали шкуры, приборы и были таковы. Когда Шадрин буквально в спину одному из комитетчиков бросил вопрос: “А как же нам выехать?”, тот, очевидно, снисходя до нас, ответил следующее:

– Не будем сейчас суетиться. И постарайтесь обойтись своими средствами.

– А как быть с бумагами? – спросила я. – Ведь это важные материалы, на блюдения почти за два года. Капитан говорил, что они бесценны.

Но тут этот “представитель” – такой толстый блондин с красным лицом и заплывшими бесцветными глазками – так посмотрел на меня, что я раскаялась в своём любопытстве.

– Голубушка, – сказал он томно, – ну откуда же вам знать, что это за материалы такие! Ведь вы, я чай, не морской офицер и не гидрограф. Где же вам судить об их ценности?.. А капитан ведь мог и подшутить над вами... Как хотите, а я не повезу этих бумаг. Ну посудите сами: как я буду выглядеть! Да и потом где мне знать: может быть, вы сами всё это написали... Везите, если желаете, конечно, в Гидрографическое управление и объясняйте всё там... Да, и ещё раз: не советую вам рассчитывать на комитет. Денег у комитета нет.

Они утащили шкуры, секстан, хронограф... А нам оставили архив “Княгини Ольги”. На следующий день после посещения комитетчиков мы повезли архив в Петроград. Был уже август. Над Архангельском висело холщовое с прорехами небо, откуда проглядывала бледная голубизна. Пур-Наволок под грозными взглядами бронзового Петра щетинился мачтами. На улицах пахло рыбой и водорослями. С моря дул ветер и приносил влажную пыль, оседающую на губах солью. Вот и мы были похожи на влажную солёную пыль, носимую неведомым ветром по всему свету.

На другой же день по прибытии в Петроград мы принесли наш архив в Главное гидрографическое управление. Выглядели мы, должно быть, нелепо и дико и напоминали каких-то ходоков, потому что первый же встретившийся нам офицер в белом кителе с золотыми погонами остановился и громко спросил:

– Это что ещё такое?.. Делегаты от самоедов?.. Что вам угодно, господа?..

К нашему ужасу, вокруг стали собираться другие офицеры, разглядывавшие нас с любопытством, словно заморские диковины. Наверное, за время плавания и ледового похода я просто отвыкла от людей, потому что, глядя на все эти любопытные лица, просто потеряла дар речи. Шадрин тоже помалкивал да побряхтывал, но потом вдруг забормотал:

– Ваши благородия... мы ведь... с Архангельска мы... Участники... экспедиции...

Лучше бы он этого не говорил.

– Какой ещё экспедиции? – спросил тот самый офицер, первым обративший на нас внимание. – Экспедиции рыбных обозов?

Вокруг уже начинали смеяться.

– Не извольте беспокоиться, – ляпнул несчастный Шадрин. – Экспедиции капитана Дубровина...

– Да я, любезный, и не беспокоюсь, – громко и задорно проговорил наш собеседник, подбадриваемый смешками своих товарищей. – Только... виноват... Кем же вы там служили, позвольте поинтересоваться?

Но не успел Шадрин и рта раскрыть, как офицер уже сам ответил на свой вопрос.

– Ах, да! Господа, господа!.. Да ведь это, – он небрежно указал на меня рукой, – та самая особа. Наш капитан Дубровин был так любезен, что позволил своему штурману взять в плавание свою... невесту!

Тут уж раздался просто оглушительный хохот.

– Так сказать, семейное предприятие...

Я не знала, куда деться. Ещё немного, и я разрыдалась бы и убежала. Но вдруг Шадрин, словно взял себя в руки и, уже не запинаясь, твёрдо и громко произнёс:

– Стыдно, ваше благородие...

Вокруг опять засмеялись.

– Стыдно? – удивился офицер. – А ты, братец, не иначе как верный оруженосец... или как там у вас на “Княгине Ольге”?

– Вот это так, – ответил Шадрин. – Надо мной и потешайтесь, коли пришла охота. А барышню не трогайте...

Не знаю, чем бы всё это закончилось, только вдруг из-за их спин раздался спокойный, но властный и громкий голос:

– Что здесь происходит, господа?

Собравшиеся расступились и пропустили вперёд высокого, худощавого и мрачного человека с вытянутым лицом и колючим взглядом. Он подошёл и, быстро оглядев нас, ещё раз спросил:

– Что здесь происходит?

– Извольте видеть, ваше высокоблагородие, – начал Шадрин, вытянувшийся во фрунт. Но подошедший поправил его:

– Ваше высокопревосходительство...

– Виноват, ваше высокопревосходительство... Двое участников экспедиции капитана Дубровина доставили научный материал.

Подошедший человек оглядел нас, усмехнулся едва заметно и сказал:

– Идите за мной.

Больше никто не смеялся, и мы бросились за нашим спасителем. Он привёл нас в кабинет, где уселся за широкий письменный стол, помолчал, разглядывая нас, и сказал наконец:

– Придвиньте стулья и садитесь. Что у вас?

Мы тоже уселись. Я видела, что Шадрин робеет не меньше моего. Поймав на себе мой взгляд, он кивнул, и я, растолковав это как приглашение говорить, сказала:

– Видите ли, когда мы прибыли в Архангельск, у нас были шкуры, инструменты, бумаги...

– Шкуры меня не интересуют, – сухо заметил наш собеседник.

– Да, да... конечно, – ответила я, сжимаясь. – Тем более шкуры и инструменты уже забрали представители комитета... Но у нас большой спасённый

научный материал. Это самые разные наблюдения, сделанные почти за два года, за всё время плавания... Биологические, геологические, метеорологические наблюдения... Капитан Дубровин говорил, что это имеет большую ценность... Вернее, совсем не имеет цены...

– Кто вы такие? – вдруг спросил он.

Я растерялась и только сейчас поняла, что о наших злоключениях во льдах не знает никто. И что выглядим мы как самые обыкновенные проходимцы.

– Видите ли, – начала я, – команда шхуны “Княгиня Ольга” разделилась. Сама шхуна вмёрзла в лёд, и её унесло течением от берегов Ямала к Земле Франца-Иосифа... Капитан Дубровин был очень болен. А потом... Потом штурман Бреев подал в отставку...

– В отставку?

– Ну да...

– На Земле Франца Иосифа?

– Да... То есть нет – просто на шхуне... Шхуна находилась севернее архипелага... У капитана и штурмана были разногласия... Разное видение будущего экспедиции... Ну и вот...

– Н-да... – он потёр подбородок, пальцы у него были длинные и тонкие. – И что же дальше?

– Дальше?... Дальше штурман решил отправиться по льдам к Земле Франца Иосифа, чтобы потом оттуда дойти на Новую Землю, а капитан позволил всем, кто этого хотел, уйти со штурманом. Ушли со шхуны тринадцать человек, трое вскоре вернулись, и трое добрались до Архангельска. То есть сначала мы втроём добрались до мыса Флора на острове Нортбрук, остальные пропали. А потом случайно на остров зашла зверобойная шхуна “Диана” и забрала нас. Но в Архангельске – я сама видела! – там террористы... бросили бомбу в помощника полицеймейстера, а штурман был рядом... Но это случайно! Клянусь вам, он ходил в почтовую контору, а это случилось совсем рядом... И вот... Из десяти нас осталось двое...

Только тут я поняла, как сложно поверить в рассказы о наших похождениях. Всё это звучало как изложение сюжета приключенческого романа, автор которого не слишком утруждал себя достоверностью. Это тотчас подтвердил хозяин кабинета.

– То, что вы рассказали, – сказал он, – похоже на какую-то небылицу.

Он впился в меня глазами, надеясь, видимо, что я как-то выдам свой обман.

– Но это правда! – воскликнула я.

– Допустим. Но кто же это подтвердит? Компания ваша распалась, штурман, как вы утверждаете, случайно погиб в Архангельске...

– Я могу подтвердить, – вмешался Шадрин. – Так всё и было.

– Н-да... – снова сказал он. – А вы в курсе того, что идёт война?

– Да, мы слышали об этом... – пролепетала я.

– И на том спасибо...

Он замолчал и как будто о чём-то задумался. Мы ждали. Наконец он сказал:

– Так где же ваши ценные... виноват, бесценные материалы?

Мы указали на жестянки, которые принесли с собой и которые теперь громоздились на полу. Он посмотрел на них через стол.

– Что ж... Оставьте их здесь. Хотя... хотя, скорее всего, это никому не нужно сейчас.

– Как... не нужно? – я не хотела верить своим ушам.

– Как? Очень просто... Идёт война... внутри страны тоже... беспокойно... Да и кто же поплывёт сейчас туда, кроме сумасшедших вроде капитана Дубровина?.. Впрочем, Нансен, кажется, интересовался этой историей. Может быть, он и купит... Если, конечно, бумаги действительно, как вы говорите, бесценные!

Я только молча смотрела на него, вытаращив глаза. Он поймал мой взгляд и снова чуть заметно усмехнулся.

– Вот сейчас видно, что вы с Северного полюса... Оставьте, – он кивнул на жестянки. – И не смею вас больше задерживать.

И надо же было именно мне вернуться в Петроград, чтобы услышать, что мы никому не нужны. Но уж лучше я, чем капитан Дубровин! Перед тем как покинуть кабинет, я набралась наглости и спросила:

– Скажите, а правда ли, что морской министр велел заковать капитана Дубровина в кандалы?

– Не знаю, как морской министр, но капитана Дубровина и в самом деле следовало бы арестовать.

– Но за что?!

– За нарушение дисциплины. За опоздание из отпуска... Вам этого мало?..

Только на улице я поняла, что мы так и не узнали, с кем говорили и кому отдали все бумаги. И всё, что осталось у меня от экспедиции капитана Дубровина – это мои воспоминания, которым никто не верит, и деревянная фигурка самоеда, подаренная мне однажды Музалевским.

– Тихон Дмитриевич, – сказала я, – почему мы такие глупые? Даже не спросили, кто это был...

– Известно, – объяснил Шадрин, – вы – барышня, а я – мужик. Какой с нас спрос?..

Спорить я не стала – бессмысленно и бесполезно.

– Поедемте, барышня, – сказал он. – Отдохнуть нам надо, ну и решить – дальше-то что... Денег-то немного – не до хорошего, поедемте уж – я знаю...

И мы отправились с ним в трактир “Лондон” – место, хуже которого я в жизни не видывала. Сейчас Шадрин в своей комнате – спит, наверное. А я, как и тогда и в Архангельске, дописываю письмо.

После всех этих ужасных гостиниц и переездов денег у меня почти не осталось. Я долго думала, как и чем жить после возвращения – в очередной раз мне приходится начинать жизнь заново, а это не так уж просто. Мне некуда ехать и некуда идти. Я помню, что должна Вам кучу денег, но сейчас вернуть их не смогу. Я бы всё продала, но мне и продать, увы, нечего. По нашему договору, мне следовало бы явиться в Харьков и выйти замуж за того человека. Но молю Вас, Аполлинарий Матвеевич, избавить меня от этой участи. И если уж Вы хотели отдать мне те три тысячи в приданое, пусть лучше они станут приданым к моему расстроившемуся замужеству с Садовским. А мой несостоявшийся жених вернёт Вам свой долг по векселю.

Передо мной не так уж много дорог: замужество, бордель, монастырь. Что ж, в борделе я чуть было не оказалась, замужем и в монастыре почти побывала. Пробовала я пойти иным путём, да не тут-то было. Мне нужно что-то ещё, совсем другое – новое. Но что это, каким может быть это новое, я не знаю. А хуже всего, что непонятно, откуда начинать поиски. Что ещё испробовать – не знаю, на что решусь – не ведаю. Да и добавить мне больше нечего.

Прощайте, Аполлинарий Матвеевич. За всё Вам спасибо.

Обнимаю Вас. Ваша О.»

После того как наконец все письма были прочитаны, Аполлинарий Матвеевич несколько дней не выходил из своего кабинета и никого у себя не принимал. Даже Татьяне пришлось оставлять свои подносы под дверь. Кроме того, ей было велено в дом никого не пускать и говорить всем, что хозяин отбыл в столицу. Когда же он прервал своё затворничество, Татьяна про себя отметила, что старик ещё постарел за несколько дней. Во всяком случае, похудел и осунулся. Так оно и было.

А что же Ольга? В тот же день, когда написано было последнее письмо к Аполлинарию Матвеевичу, Ольгу можно было увидеть и на Васильевском острове, где помещался «Лондон», и на Дворцовой набережной, на Невском, где толпился народ, преимущественно солдаты и рабочие. Были и женщины, и шнырявшие между взрослыми дети. Только сейчас Ольга заметила, что город переменялся, что Петроград – это уже не тот Петербург, из которого она отправилась в путешествие вокруг Скандинавии. Казалось, что в городе начинала бродить какая-то невиданная закваска, отчего столица империи пришла в движение, расползаясь и теряя формы. Город стал неопрятен – улицы были нечищены, а люди злы. У продовольственных лавок стояли длиннющие очереди из женщин, подростков и смотрящих исподлобья стариков. Лица у всех были недовольные, то и дело до Ольги долетали странные слова: «попили нашей крови». Слова эти повторяли самые разные люди, причём говорил всяк по-своему: у кого выходило в прошедшем времени, у кого – в настоящем, кто-то задавался вопросом «доколе?», а кто-то, напротив, грозил перейти к решительным мерам.

Ольга хотела проследовать к своей кондитерской, но дорогу ей преградила толпа со знамёнами и лозунгами на кумаче. «Долой войну, верните мужей», – прочитала Ольга. И тут же: «Долой самодержавие». Потом от шедшей толпы отделились несколько человек, один из которых, невысокого роста, влезши на тумбу, начал говорить что-то горячо. Ольга не могла слышать его слов из-за шума, но, как она поняла, слушавшим он понравился, потому что вдруг все закричали «ура!» и зааплодировали. Между тем шествие продолжалось. Ольга обратила внимание на женщин, которые несли плакат с большими буквами «С.М.В.О.» Она никак не могла разобрать, что же значили эти буквы и, обернувшись, спросила у стоявшего слева офицера:

– Вы не знаете, что это значит: СМВО?

Офицер посмотрел на неё недовольно и ответил:

– Ну как же: «Сердца матерей в окопах»... И смех, и грех, как народ говорит. И жаль этих тётки, и смешно...

Ольга, сжимая в кармане фигурку самоеда, с удивлением смотрела вокруг и как будто не узнавала города и населявших его людей. Опять кто-то влез на тумбу и заговорил, рассекая кулаком воздух, а толпа снова закричала «ура!». «Дайте хлеба», – прочитала Ольга на полотнище. И снова: «Долой самодержавие». И тут в глаза ей бросилась одна странная фигура – это был бородатый ражий мужик с шальми, как показалось ей, глазами, на голову выше окружавших его участников шествия. Мужик этот почти поравнялся с Ольгой. Нёс он над головами огромный флаг, застилавший полнеба и похожий на чей-то дразнящий язык. И было в этом что-то дерзкое, неизбежное и невозвратное. Ольге казалось, что всё это она уже видела раньше, но почему-то только сейчас пришло к ней ощущение серьёзности и неотвратимости

наступающего. «Сними с себя диадему, – вдруг вспомнилось Ольге давнее письмо Аполлинария Матвеевича, – и сложи венец. Униженные возвысятся, а возвышающие себя унижены будут». Вспомнилось и ещё что-то слышанное, виденное ранее, но только сейчас обретающее смысл.

И показалось Ольге, что сама История, неумолимая дама, заглянула на мгновение ей в глаза. И поняла Ольга, что это поступь Нового слышна отовсюду. Новое грядёт не потому, что так устроили какие-то люди, а потому что иначе не может быть. Старое отжило своё и умирало, а Новое должно было занять его место, поскольку вечного и постоянного ничего не бывает на свете. Как бы ни были полны закрома и сундуки Старого, недоставало там чего-то главного. Никто не знал, каким будет Новое, но остановить его рождение, воспрепятствовать его власти было уже никому не под силу. И глядя на ражего мужика и красный дразнящий язык, Ольга прониклась уверенностью, что происходящее с ней – всего лишь часть происходящего вокруг неё. И что поэтому бессмысленно сопротивляться неизбежному. Вот, на глазах исполнялось древнее пророчество, совершалось то, что должно было совершиться. И остановить совершавшееся было неподвластно уже никому. Ольге стало страшно и весело: новое наступало, дразнило красным языком и заглядывало в глаза. Позади оставались Литовский замок, монастырь на Кулижках, ропакки и торосы. Впереди – алый шёлк застилал небо...

